

Борис Леонидович Березовский

Исполнение желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9741498

Борис Березовский. Исполнение желаний. Роман-воспоминание: Лимбус пресс; Санкт-Петербург;

2014

ISBN 978-5-8370-0677-7

Аннотация

Герой романа Кирилл Лавровский – бизнесмен, известный музыкальный деятель и директор издательства, человек успешный и вполне состоявшийся. Оказавшись после перенесенного инфаркта в кардиологическом санатории, он решает осуществить давний замысел – из собственной жизни «сделать нечто вроде книги»... Этот замысел захватывает Кирилла. Он то отправляется в странствие, вспоминая свое далекое, отнюдь не безоблачное, но все-таки неповторимо прекрасное детство, то включается в неспешные беседы и споры под рюмку-другую с соседями по санаторию. Однако и погружение в прошлое, и исследование настоящего подчинены одной задаче – попытке понять, не зря ли прожита жизнь, была ли она наполнена истинным, неподдельным счастьем, которое, герой в это свято верит, связано с исполнением самых сокровенных желаний.

Содержание

Глава первая	5
1	6
2	12
3	16
4	21
5	26
Глава вторая	32
1	33
2	37
3	41
4	44
5	49
6	55
Глава третья	60
1	61
2	67
3	72
4	79
Глава четвертая	84
1	85
2	89
3	92
4	96
5	99
6	104
Глава пятая	107
1	108
2	113
3	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Борис Березовский

Исполнение желаний.

Роман-воспоминание

*Светлой памяти родителей – Леонида Лазаревича и Раисы
Наумовны Березовских – посвящается*

© Б. Березовский, 2014

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2014

© А. Веселов, оформление, 2014

Глава первая

*«Времена не выбирают,
В них живут и умирают...»*

А. Кушнер

*Сердечный приступ. – Реанимация. – Второй инфаркт. – Размышления о жизни. –
Что такое счастье? – Воспоминания о съезде поэтов и первом инфаркте. – Операция. –
Замысел будущей книги.*

1

Кирилл Аркадьевич Лавровский, представительный мужчина шестидесяти одного года от роду, с уже наметившейся лысиной и сединой, но все еще довольно бодрый и подтянутый, тихо маялся на кухне своей петербургской квартиры и откровенно злился.

Впрочем, явных оснований для злости у него не было и в помине. Вполне счастливый муж и отец, директор небольшого издательства и председатель Музыкального общества, Кирилл Аркадьевич являл собой пример вполне успешного общественного деятеля и бизнесмена средней руки. Кандидат наук, заслуженный работник культуры и лауреат нескольких престижных премий, человек достаточно авторитетный как в музыкальных, так и в книгоиздательских кругах, он не был обделен друзьями и, в принципе, не имел серьезных проблем.

И все же он был зол и подавлен. Зол на себя, точнее, на свое собственное самочувствие. Вот уже несколько дней подряд давило в груди, тяжело дышалось, не курилось, и вообще было как-то непривычно дискомфортно. А сегодня, возвращаясь с работы, он с трудом поднимался по лестнице, чувствуя не только легкую боль за грудиной, но и покалывание в кистях рук. Точно так же покалывало и тогда, перед инфарктом, случившимся у него девять лет назад. От этой мысли сразу же вспотели ладони и появился липкий страх повторения давно пережитого.

Дома никого не оказалось. Жена и дети занимались своими делами, и до его драгоценного здоровья им не было никакого дела. Про инфаркт все помаленьку забыли, да и чувствовал он себя все эти годы довольно прилично.

Немного успокоившись, Кирилл Аркадьевич попил чаю, проглотил дежурные таблетки, немного подумал и выпил граммов двадцать виски. Сразу же заметно полегчало.

«Черт побери, может, все и обойдется», – пробормотал он про себя, включил телевизор и попытался вникнуть в перипетии очередного сериала.

«Все это – ерунда! – как бы оправдываясь, подумал он. – Просто устал. Надо успокоиться, передохнуть. К чему вся эта гонка? И за каким бесом? За деньгами, за признанием? Так ведь все уже вроде есть. Ей-богу, жизнь дороже!»

Понимая, что лукавит, Кирилл Аркадьевич, тем не менее, продолжал себя уговаривать, мысленно пообещав своим недругам всевозможные каверзы, а себе – если все обойдется – внеплановый отпуск и отдых с женой за границей. Измерив давление и посчитав пульс, Кирилл Аркадьевич немного успокоился и углубился в телевизионные страсти.

Однако спустя какое-то время он вновь почувствовал себя неважно. С ужасом понимая, что все может пойти по самому плохому сценарию, Кирилл Аркадьевич набрал номер телефона знакомой докторши-кардиолога, у которой лечился в больнице после инфаркта и которая наблюдала его все последующие годы:

– Здравствуйте, Ирина Михайловна! Простите за беспокойство, но у меня, кажется, сердечный приступ. Не знаю, право, что и делать.

– Не волнуйтесь, Кирилл Аркадьевич. Расскажите обо всем подробно.

Выслушав сбивчивое описание симптомов, врач, поразмыслив, заключила:

– Похоже на стенокардию. Ни в коем случае не курите, не ешьте, ложитесь в постель и попытайтесь уснуть. Если лучше не станет – вызывайте неотложку и попроситесь к нам в больницу. Скажите, что вы у нас уже лечились. Дайте мне знать – я приеду, независимо от времени суток.

– Но, может быть, обойдется? – спросил он с робкой надеждой.

– Боюсь, что нет. Пусть Татьяна Николаевна соберет все необходимое, и, если станет хуже, не тяните с неотложкой.

Не успел Кирилл Аркадьевич положить трубку, как его благоверная супруга – Татьяна Николаевна Верникова – появилась на пороге.

– Что случилось? – спросила она, с тревогой взглянув на мужа.

– Да вот, похоже на приступ стенокардии. Ирина Михайловна советует ехать к ней в больницу.

– Значит, надо вызывать сантранспорт. С этим не шутят, – заволновалась Татьяна Николаевна. – Пойду соберу все, что нужно.

– Да нет, погоди. Мне вроде получше. Может быть, и отпустит, – возразил ей Кирилл Аркадьевич. – Пожалуй, прилягу, успеем еще собраться.

Но уснуть не удалось. Боль в кистях рук и в груди то отступала, то вновь настойчиво заявляла о себе. Перепугавшись не на шутку и поставив в известность Ирину Михайловну, супруги вызвали неотложную помощь, и где-то минут через сорок оказались в приемном покое знакомой больницы.

Встревоженная Ирина Михайловна была уже там. После недолгой процедуры оформления и экстренного анализа крови она пошла хлопотать о месте в палате. Однако свободных мест на отделении не оказалось. Не было и ни одной свободной платной палаты.

И тут, как это часто бывает перед приемом у стоматолога, Кириллу Аркадьевичу явно полегчало. Он заметно повеселел, стал шутить, и серьезно вознамерился вернуться домой. Несмотря на поздний вечер, Кирилл Аркадьевич стал настойчиво приглашать Ирину Михайловну в гости, шутливо обещая, в качестве компенсации за беспокойство, угостить ее каким-то необыкновенным коньяком.

Но не тут-то было. И дежурный врач, и Ирина Михайловна с супругой Кирилла Аркадьевича решительно пресекли его поползновения ретироваться из больницы и, посоветовавшись с дежурной медсестрой, разместили его на одном из диванов коридора, вплотную примыкавшего к отделению реанимации. И, как оказалось, не зря. Заснуть Кириллу Аркадьевичу удалось на удивление быстро, но уже к утру ему стало так плохо, что прибежавшие врачи и сестры немедленно передали его заботам врачей-реаниматологов.

И уже в реанимации, лежа нагим под простыней, опутанный какими-то шлангами и проводами, Кирилл Аркадьевич вдруг понял, что дело плохо. Вид озабоченно-серьезных докторов, манипулировавших с капельницей и какими-то приборами, его совсем не успокаивал. Он чувствовал себя все хуже и хуже и, временами впадая в прострацию, терял ощущение реальности. Выплывая же из забытья, шурясь от яркого света и невольно прислушиваясь к назойливому пиканию какого-то невидимого аппарата, Кирилл Аркадьевич уже не испытывал ничего, кроме страха. Пугали и непрекращающаяся тупая боль в груди, и угрюмое молчание врачей.

– Что со мной? – спросил он пересохшими губами медсестру, подошедшую вытереть его вспотевший лоб.

– Что, что, – ворчливо отозвалась та, – кардиосклероз, вот что! Стенокардия. У вас бляшка гуляет. Врач говорит, что передняя стенка ходуном ходит. Да вы не бойтесь, не помрете. Не первый так мучаетесь. Всем больно. Терпите.

Вскоре пришла и Ирина Михайловна, принесла воду и что-то еще от жены. Сказала, скоро ему полегчает – нитроглицерин должен подействовать. Если все будет в порядке, завтра переведут в палату, – к утру освободится место. Добавила, что хорошо представляет, каково это – стенокардический приступ, и очень ему сочувствует.

– А дальше-то что? – спросил Кирилл Аркадьевич, отчетливо понимая: ничем хорошим все это не кончится.

– Посмотрим, не надо загадывать. Инфаркта вроде нет, и это уже хорошо. Постарайтесь уснуть. Я буду приходить. Татьяна Николаевна там извелась вся, но ее все равно к вам не пустят, не положено. Реанимация – это вам не платная палата.

Тепло попрощавшись, Ирина Михайловна ушла, а Кириллу Аркадьевичу вдруг пришло в голову сравнение реанимации с гестапо. Разумеется, гестапо он в глаза не видел. Разве что в военных фильмах, где режиссеры, все по-разному, показывали зрителям это зловещее учреждение. И, тем не менее, сравнение показалось ему забавным, как, впрочем, и вся ситуация в целом.

Все дело было в том, что девять лет назад, во время первого инфаркта, Кирилл Аркадьевич уже бывал в этой реанимации. Правда, провел он здесь всего лишь одну ночь. В больницу его привезли поздним вечером, уже после того, как острое состояние миновало. Он тогда лишь услышал, как дежурный врач приемного покоя резко выговаривала врачу скорой помощи за то, что тот привез больного только к концу третьего дня от начала инфаркта. Сам же Кирилл Аркадьевич быстро заснул, не успев ничего толком рассмотреть. Наутро его перевели в отдельную палату, где он и познакомился с Ириной Михайловной.

Но то, что сказала ему главврач больницы во время выписки, он запомнил навсегда:

– Вы, Кирилл Аркадьевич, просто счастливчик. Найдите того волшебника со скорой и поставьте ему ведро коньяка. Если бы не он, то еще неизвестно, чем бы ваш инфаркт завершился. А так, слава богу, коронарное кровообращение нарушено не было, и стенокардии у вас нет. Берегите себя, и все будет в порядке.

Правда, врача со скорой Кирилл Аркадьевич так и не нашел, но события девятилетней давности крепко отложились в его памяти.

Случилось все в конце сентября 1999-го. По радио передавали тревожные сообщения о взрывах домов, мешках с гексогеном, чеченских террористах и тому подобных кошмарах. А он с утра сидел дома за столом, пытаясь слепить срочный, но, откровенно говоря, никому не нужный материал в главную городскую газету.

Дело не ладилось, он торопился, психовал, беспрерывно курил и все пытался дозвониться кому-то, чтобы получить недостающую информацию. Первый неприятный симптом, на который он не обратил никакого внимания, проявился после завтрака: остро кольнуло где-то в горле (потом он узнал, что это и есть «за грудиной») и непривычно заболели кисти рук. Он с удивлением рассказал о своих ощущениях жене, но она не увидела в этом признака беды. Второй раз то же самое, но уже много ощутимее, проявилось после плотного обеда. Но думать, что и как, времени не оставалось. Надо было завершать работу. Кирилл Аркадьевич опять сел за стол, открыл новую пачку сигарет и придвинул к себе пишущую машинку. Ну а уже вечером, после обильного ужина, ударило так, что сразу началась рвота. Потом пришла дурнота и безумное желание снять с себя всю одежду. Вот тут-то и стало понятно, что без скорой помощи не обойтись.

Кирилл Аркадьевич грешил на отравление и даже, сквозь помутившееся сознание, всласть поупрекал жену за то, что она накормила его какой-то дрянью. Однако приехавший на скорой врач – крупный, лысый и предельно уставший мужчина средних лет, – выслушав рассказ Кирилла Аркадьевича, даже не стал его осматривать, а безапелляционно заявил: инфаркт.

Надо было видеть изумление на лицах Кирилла Аркадьевича и его супруги.

– Инфаркт?! Да этого не может быть! Никогда у меня сердце не болело! – воскликнул Кирилл Аркадьевич, преодолевая слабость и тошноту.

– А вы припомните получше, – устало возразил врач. – Может, в детстве у вас был ревмокардит или вам когда-либо приходилось корчиться от боли? И не страдаете ли вы излишней потливостью после физических нагрузок? Нет? Ах, да?!.. Вот, сами видите! – завершил он свою тираду, увидев вытянувшиеся лица супругов.

Действительно, все, что перечислил врач, Кириллу Аркадьевичу было безусловно присуще. В детстве, как рассказывала мама, он болел ревмокардитом. А недавно, поскользнувшись на лестнице и подвернув лодыжку, он впервые в жизни испытал такую чудовищную

боль где-то под ложечкой, что долго не мог прийти в себя. Да и прошедшим летом, пытаюсь колоть дрова на даче, потел, как мышь, и очень удивлялся: с чего бы это?

– Собирайтесь, – решительно сказал врач, – я очень устал сегодня, работаю без напарника, и вообще, сил нет тут с вами пререкаться. Надо, не откладывая, ехать в больницу.

– Ну нет, – заявил Кирилл Аркадьевич, – никуда я не поеду. И в инфаркт я решительно не верю.

– Подожди, Кира, – вмешалась Татьяна Николаевна и, обратившись к доктору, твердо заявила: – Кардиограф-то у вас ведь должен быть. Надо же снять кардиограмму: может, вы и преувеличиваете опасность. Ну и потом, ведь сегодня пятница, вечер. Разве можно лечь в больницу перед субботой и воскресеньем? Там ведь в эти дни никого нет.

– Кардиограф есть – в машине, – усмехнулся врач. – Если хотите, идите и несите его сами. У меня нет ни сил, ни желания. Я-то знаю, что у больного инфаркт. И это совершенно точно. А кардиограмма далеко не всегда говорит правду. Часто она показывает не сегодняшнее, а вчерашнее или даже позавчерашнее состояние. Так что решайте, – изрек врач и устало прикрыл глаза рукой.

Но Татьяну Николаевну – маститого директора престижной детской музыкальной школы – сбить с курса не удавалось никому. Она решительно спустилась к водителю скорой, взяла в руки тяжеленный кардиограф, поднялась с ним на четвертый этаж и торжественно вручила врачу. Когда же кардиограмма, как и опасался врач, ничего не показала, возникла неловкая пауза.

– Ну что же, – сказал врач, – в больницу вы не хотите... Понятно. Ну а деньги-то у вас есть?

– Есть, есть, – в один голос обрадованно закивали головами супруги. – Мы как раз на ремонт откладывали. Деньги есть.

– Ну, тогда раздевайтесь и ложитесь. Лучше не в спальне, ложитесь здесь – воздуха побольше и мне удобней будет, – скомандовал врач Кириллу Аркадьевичу. – Я пошел за капельницей и лекарствами.

И он быстро вышел из квартиры. А когда вернулся со штативом и какими-то пузырьками, Кирилл Аркадьевич уже лежал на постеленном диване в большой комнате, в полной готовности принять все предпосланное ему судьбой в образе врача скорой помощи.

С этого момента и вплоть до вечера понедельника Кирилл Аркадьевич почти ничего не помнил. По-видимому, доктор, вместе с необходимыми кардиологическими лекарствами, вливал в него и какие-то успокоительные и снотворные препараты. Во всяком случае, как рассказывала потом Татьяна Николаевна, всю субботу и воскресенье Кирилл Аркадьевич спал или находился в каком-то сомнамбулическом состоянии. Врач приезжал три раза в день, осматривал, ставил капельницы, а Татьяна Николаевна едва успевала менять мгновенно потевавшее белье.

Ну, а в понедельник вечером, когда кардиограмма, наконец-то, показала обширный проникающий инфаркт заднебоковой стенки, Кирилла Аркадьевича медленно и торжественно спустили к скорой, и доктор, ставший уже почти родным, отвез его в эту больницу.

Все эти воспоминания на какое-то время отвлекли Кирилла Аркадьевича от анализа собственных ощущений и наблюдения за врачами. А вскоре он и впрямь почувствовал себя лучше. На следующее утро Кирилла Аркадьевича перевели в трехместную палату, и Ирина Михайловна, вновь ставшая его лечащим врачом, неожиданно строго велела лежать и меньше двигаться.

Но лежать и меньше двигаться не очень получалось. От посетителей и звонков на мобильный не было отбоя. Не говоря о жене, практически не отходившей от Кирилла Аркадьевича, и детей, соизволивших-таки навестить отца, валом повалили сотрудники и друзья. И пусть заявлялись они лишь на минутку, шевелиться все же приходилось.

Может быть, от этого, а может, по иной причине, но явного улучшения не наступало. Приступы возвращались с противной регулярностью. Самое же удивительное заключалось в том, что он совсем перестал курить – от одного лишь вида сигареты, не говоря уже о самом процессе, Кириллу Аркадьевичу становилось нехорошо.

Ни Ирина Михайловна, ни ее коллеги не знали, что делать – то ли продолжать терапию в палате, то ли опять переводить в реанимацию. Но туда – сиречь, в гестапо – Кирилл Аркадьевич не хотел возвращаться ни за что. Промаявшись так пару дней, он понял, что надо, кровь из носу, находить кардинальное решение проблемы. Мирное сосуществование со стенокардией – стабильной или нестабильной – в его планы никак не входило.

И тут, как и следовало ожидать, в сознании Кирилла Аркадьевича всплыло пугающее слово «хирургия». Еще девять лет назад, перед самой выпиской из больницы, заведованием, как бы между прочим, сказала ему:

– У вас, на сегодняшний день, все в порядке. Но, так или иначе, это не навсегда. Думаю, что через пару лет вам надо будет обратиться к кардиохирургам. Они уже теперь творят чудеса, а то, что будет завтра – невозможно себе и представить.

Тогда эти слова и удивили, и напугали Кирилла Аркадьевича. Чувствовал он себя вполне прилично, и думать о хирургах ему очень не хотелось. Не говоря уже о том, что думать об этом было просто страшно. Он отправлялся, в полном соответствии с заведенным еще с советских времен порядком, в кардиологический санаторий на реабилитацию, и мысль о хирургии – то есть о коронарном шунтировании, про которое с утра до вечера вещало телевидение в связи с бесчисленными инфарктами Б. Н. Ельцина, – была ему просто отвратительна.

Жена, твердо решившая поехать в санаторий вместе с ним – благо там нашлась возможность разместить их в одной палате, – в ответ на его пересказ слов заведованием, ответила мудро и в, общем-то, справедливо:

– Наплюй и забудь! В конце концов, если прижмет – не только к хирургам, к экстрасенсам пойдешь! Перестань себя накручивать, а то точно доиграешься. Радоваться надо, что все обошлось, а не фантазировать!

Ирина Михайловна также успокоила Кирилла Аркадьевича, сказав, что думать об этом, по крайней мере, преждевременно. И шутливо добавила:

– В болезнях сердца и сосудов предсказать что-либо невозможно. Слишком много факторов, влияющих на развитие болезни. Так что все от Бога, дорогой Кирилл Аркадьевич, все от него, родимого.

На том и порешили, а затем и вовсе забыли об этой проблеме. Правда, несколько лет назад, во время очередного дежурного обследования, Ирина Михайловна обмолвилась, что в трех клиниках города кардиохирурги освоили новый метод лечения, принципиально отличающийся от шунтирования и не требующий ни вскрытия грудной клетки, ни общего наркоза. Как понял Кирилл Аркадьевич, суть метода состояла в не столь давно освоенной нашими хирургами фантастической возможности вводить через бедренную артерию микроскопические кольца – стенты, позволяющие воспрепятствовать слипанию сосудов сердца и даже «размазывать» бляшки по стенкам артерий. По сути дела, в кардиохирургии свершилась подлинная революция, и врачи получили возможность спасать людей на ранних стадиях развития сердечно-сосудистых заболеваний.

Вся эта информация, в одночасье вспомнившаяся Кириллу Аркадьевичу, и подвигла его на решение: не откладывая, обратиться за помощью к кардиохирургам, а там – будь что будет. Все лучше, чем мучиться от стенокардии в ожидании второго инфаркта.

Сказано – сделано. И супруга, и, тем паче, Ирина Михайловна горячо поддержали эту идею.

Осталось только решить необходимые технические вопросы – задействовав все возможные знакомства и связи, как можно скорее попасть в нужные руки. В результате принятых усилий Кирилл Аркадьевич уже через день оказался в маленькой отдельной палате кардиологического отделения одной из крупнейших больниц города, где ему и должны были провести коронарографическое исследование сосудов сердца и, при необходимости и возможности, поставить один или несколько стентов.

И вот тут-то его настиг очередной малоприятный сюрприз: результаты заново проведенных анализов дали врачам все основания утверждать, что у него произошел-таки инфаркт передней стенки, и операцию стентирования прямо сейчас делать нельзя. Можно было оперировать в самый момент инфаркта, но раз инфаркт уже случился, то надо подождать. И Кириллу Аркадьевичу, который, кстати, стал чувствовать себя гораздо лучше, ничего не оставалось, как лежать в палате, набираться сил и предаваться размышлениям. Тем более что больница, в которой он сейчас оказался, в отличие от прежней, находилась на краю города, и число посетителей заметно поубавилось.

2

Второй раз в своей сознательной жизни Кирилл Аркадьевич остался в одиночестве – визиты жены и отдельных сотрудников, впрочем, как и осмотры врачей, анализы, прием лекарств и пищи в счет не шли. Но вторым этот раз можно было считать лишь формально. Фактически же, это случилось с ним впервые.

Девять лет назад, когда он также лежал в одиночной палате, его состояние было психологически совсем иным. Во-первых, после всего происшедшего он испытывал нередкую в подобных случаях так называемую постинфарктную эйфорию; а во-вторых, если он и размышлял о чем-то, то лишь о проблемах, связанных с работой, да еще о том, какой прекрасной станет его жизнь, когда весь этот кошмар кончится.

Сейчас же одиночество было совсем другого рода: ожидание пусть, может быть, и несложной, но все же хирургической операции на собственном сердце наполняло его душу не только страхом, но и стремлением спокойно во всем разобраться, представить свое ближайшее будущее при том или ином исходе болезни. И еще им неожиданно овладело мучительное желание вспомнить всю свою прошлую жизнь. Вспомнить в подробностях и мелочах, которые на проверку оказывались совсем не мелочами; вспомнить родителей, друзей, учителей, да и вообще людей – хороших и не очень, – навсегда оставшихся в его памяти.

Честно говоря, Кирилл Аркадьевич всегда мечтал о возможности хоть какое-то время побыть в одиночестве. Но это ему никак не удавалось. В детстве у него была мечта о своей, пусть малюсенькой, комнатке, навязчивая, но увы – несбыточная: семья практически всегда жила на частных или служебных квартирах, а когда родители, наконец, получили вождеденную двухкомнатную «хрущевку», он уже уехал учиться. Шесть последующих лет, прошедших с момента его отъезда на учебу и до женитьбы, он провел на тех же частных квартирах и в студенческих общежитиях. А в квартире жены – точнее, в квартире тещи, – куда он пришел примаком, нашлось место лишь для его письменного стола.

Побыть же одному и подумать о чем-то своем, сугубо личном, не связанном ни с учебой, ни с работой, ему всегда страстно хотелось. Сколько себя помнил, он всегда тайне мечтал попробовать свои силы на литературном и даже на композиторском поприще. Но пытаться писать, особенно музыку, в присутствии кого бы то ни было он решительно не мог, и его заветная мечта так и осталась неосуществленной.

Жалел ли он об этом? Да нет, честно говоря, не очень. Во-первых, потому, что он прекрасно понимал: настоящим, истинным писателем, композитором или художником является лишь тот, кто жить без творчества не может. А если человек, претендующий на одну из этих профессий, прекрасно обходится без регулярного, сладостно-мучительного процесса созидания, то он фантазер, мечтатель и попросту – Васисуалий Лоханкин. Походить же на бессмертного героя Ильфа и Петрова Кириллу Аркадьевичу явно не хотелось. А во-вторых, если серьезно, он трезво оценивал свои, по крайней мере музыкальные, способности. Их вполне хватило на то, чтобы прилично окончить фортепианный факультет консерватории, но для того, чтобы стать композитором, их было явно недостаточно. Для этой профессии, помимо специфического таланта, требовалось обладать от природы гораздо большим комплексом специальных данных – не просто хорошим мелодическим слухом, который имелся в наличии, но особым, обостренным слухом внутренним и гармоническим, не говоря уже о музыкальной памяти. Этого, в нужном качестве, у него не было и в помине.

Что касается способностей литературных, то они явно присутствовали, и Кирилл Аркадьевич это прекрасно сознавал. Еще в детстве, запоем читая все, что подсовывала ему мама-учительница, преподававшая в школе математику, но всегда тщательно следившая за общим развитием своего первенца, он и не заметил, как сам стал пытаться сочинять. Во всяком

случае, где-то во втором классе, начитавшись Гайдара и попав под обаяние его «Судьбы барабанщика», он с упоением стал писать что-то грандиозное под обязывающим названием «Судьба». У мамы долго хранились школьные тетрадки в клеточку с этим незаконченным опусом, но, к сожалению, из-за многочисленных переездов семьи они куда-то подевались.

В школе он с легкостью и удовольствием писал всевозможные сочинения. И всегда замечал за собой любопытную особенность – после понравившегося или откровенно не понравившегося фильма у него возникало острое желание написать и опубликовать собственную рецензию. В конце концов, все это и привело его к многолетней работе в городской молодежной газете в качестве внештатного музыкального обозревателя. Да организованная им позднее собственная небольшая газета, а потом и издательство были обусловлены его особой любовью к книге и к слову вообще.

Но одно дело – критика и организация издательского процесса, а совсем иное – собственное литературное творчество. И все же ему очень хотелось попробовать себя на этой стезе. Тщательно редактируя чужие рукописи, пытаясь, как читатель, быть в курсе современной российской и зарубежной беллетристики, по мере сил следя за периодикой и критикой, он нередко страдальчески морщился от литературной, композиционной и сюжетной беспомощности многих авторов. Но заставить себя сесть за стол не с чужой рукописью, а со своей собственной Кирилл Аркадьевич никак не мог.

Отговорок было хоть отбавляй: отсутствие времени и места для работы; неловкость перед родственниками и друзьями; природное отсутствие той смелости, которую он в шутку определял как наглость и без которой, по его твердому убеждению, ни один писатель состояться не мог; а главное – отсутствие конкретного сюжета и абсолютное непонимание того, где можно его взять. «Уж если Пушкин мучился из-за сюжета – то что уж говорить обо мне, грешном», – нередко посмеивался над собой Кирилл Аркадьевич, приказывая своему писательскому «я» умолкнуть и не возникать.

И вот теперь, оказавшись, наконец, в заветном одиночестве, помноженном на полную неизвестность того, что может произойти с ним в ближайшем будущем, Кирилл Аркадьевич решил прикинуть, можно ли из собственной, отнюдь не пресной, жизни сделать нечто вроде книги.

Вопрос о том, будет ли эта книга востребована читателями или ляжет мертвым грузом на складе, особенно его не волновал. Мало ли книг пылится сегодня на издательских и книготорговых складах. Понятно, что и сам издательский процесс не представлял для него – профессионального издателя – никакой сложности. Проблема заключалась в ином – удастся ли ему создать полноценное художественное произведение? Хватит ли на это вкуса и таланта? Сумеет ли он наполнить описываемые, пусть даже реальные, события необходимой долей вымысла, без чего, как он считал, литературы, в полном смысле, не бывает?

Ему нравились книги Виктора Конецкого, называвшего свою, по сути автобиографическую, прозу горючей смесью вымысла и дневника. Но сам Кирилл Аркадьевич дневниковых записей отродясь не вел, да и называть подлинные имена всех без исключения героев, как это делал Конецкий, он не считал возможным. Надо было изыскать такую форму изложения, которая, с одной стороны, давала бы понять, что все описываемое – правда, а с другой – что вся история изложена не без лукавства.

И еще одна проблема волновала Кирилла Аркадьевича: надо ли писать о некоторых интимных сторонах собственной жизни, и писать ли о женщинах, встречавшихся ему как до женитьбы, так и после? Манера многих современных авторов вытряхивать на публику все свое грязное белье, ставшая сегодня едва ли не общепринятой, была ему крайне неприятна.

Стук в дверь палаты прервал его «литературные» размышления:

– К вам можно или как? – нянечка Анна Никитична, ежедневно протиравшая в его палате пол, ловко всплыла в дверь, держа в одной руке ведро, а в другой – швабру. – Убратся

надо, так что уж не обессудьте, – речь нянечки была весьма забавной, являя собой смесь деревенского говора с высокопарными оборотами.

– Да ради бога, заходите, – приветливо махнул рукой Кирилл Аркадьевич. Они были знакомы уже несколько дней, и общение с Анной Никитичной доставляло ему истинное удовольствие. В день их знакомства, взглянув на нового больного из-под насупленных бровей, она сурово спросила:

– Большой начальник, да?

– Да нет, с чего вы взяли? – Кирилл Аркадьевич удивился. – Вовсе нет.

– А что ж тогда отдельная палата? Иль по знакомству?

– Скорее по знакомству, – рассмеялся Кирилл Аркадьевич, сразу же почувствовав к этой прямолинейной женщине искреннее расположение.

Ровесница Кирилла Аркадьевича, родом из далекой деревни, всю жизнь проработавшая на заводе штамповщицей, Анна Никитична пришла в больницу сразу после выхода на пенсию. У нее на этом отделении долго лежал и умер муж, но она, как это ни парадоксально, прониклась к здешним сестрам и врачам огромным уважением.

Сегодня, пребывая в хмуром настроении, Анна Никитична сразу схватила быка за рога:

– Хорошо вам, богатым. А бедным-то как быть? Им, значить, помирать?

– Да что случилось, Анна Никитична? – Кирилл Аркадьевич немало удивился.

– Дак стенты энти не только богатым, а и бедным ставить. Пожилым пенсионерам, по бюджету.

– Так хорошо же! Радоваться надо.

– Ага, обрадуешься тут! Вам что, не говорили? Дак как поставять энти стенты, надо цельный год какой-то плавикс пить. Лекарство такое, чтобы в сердце там чего неросло. А стоять-то оно полторы тыщци на пятнадцать дней. А в месяц? – Цельных три! Где взять пенсионеру эти тыщци? Вот и помирають. Зачем же стенты ставить? Чтоб хоронить? Уж если делаете операцию бесплатно, так выдайте бесплатно и лекарства! А то ведь, бедолаги, месяц-другой покупають тот плавикс, а потом что ж – не есть, не пить? Ну разве ж то не безобразие? Тьфу ты, пропади все пропадом! – бросила она в сердцах и, сердито протерев линолеумный пол, беззвучно вышла из палаты, оставив озадаченного Кирилла Аркадьевича в полном недоумении.

«Если рассказ нянечки – не выдумка, то с нашим здравоохранением, действительно, беда», – подумал он и понял, что ничуть не удивился ни рассказу этой сердобольной женщины, ни положению дел в российской медицине. Спросив попозже обо всем об этом у своего лечащего врача – молодой, красивой женщины, судя по кандидатской степени, знающего специалиста – и получив полное подтверждение сему печальному факту, Кирилл Аркадьевич вынужден был согласиться и с ее грустным выводом: «Когда одна рука не хочет знать, что делает другая, лечить надо не руки, а голову».

Ежедневное общение с Анной Никитичной не только забавляло, но и удивляло Кирилла Аркадьевича. Как-то раз, завершив уборку и посмотрев на него в упор, она прямо спросила:

– Вы в бога верите?

– Да нет, не верю, – ответил он с виноватой улыбкой, подозревая, что сейчас начнется сеанс ликбеза для неверующих. Однако Кирилл Аркадьевич ошибся.

– И я не верю. Бога нет! – смешно дернув подбородком, заявила Анна Никитична. – Но мимо церкви я не прохожу. У нас там поп Василий – хороший мужик, молодой еще, опрятный – все говорить, что надобно терпеть. А мы ему: чего терпеть, всю жисть терпели, больше не хотим. А он в ответ: мол, только на том свете, если в рай возьмут, нам будет счастье. Только на том свете. А что такое счастье, вы-то знаете?

– Да нет, Анна Никитична, наверное, не знаю. Да и у каждого оно свое.

– Ничего-то, я смотрю, вы не знаете. Чево ни спросишь. А счастье – это счастье. Оно для всех одно, я думаю. Вон коммуняки тоже говорили: терпите, стройте камунизм, при нем уж счастье для всех будет. Врали, конечно, дак хоть что-то делали. Помаленьку жисть лучшела. Люди квартиры получали. Глядишь там, хто коператив, хто мебель купить, хто машину. Конечно, нынчего разгула в гастрономах не было, так и то сказать, кому все это нужно. Сортон колбас не счесть, а кто их покупает? Одни буржуи! Да и невкусно стало, химия одна, тьфу! – Анна Никитична перевела дух, и вновь пошла в атаку, вдруг перейдя на «ты»:

– Вот ты купить квартиру можешь? А? Вот то-то! – злорадно усмехнувшись в ответ на его отрицательную реакцию, Анна Никитична махнула ручкой швабры и подвела итог: – Только и можешь, что отдельную палату. А что ж ты за мужик, если у тебя сваево дома нет?! А хто может купить? Только ворюги! И все про это знают, а молчат.

Устав от собственных эмоций, нянечка присела к столу и грустно заключила:

– Совсем совести в людях не стало. А совесть и есть бог!

Не зная, что ответить, Кирилл Аркадьевич благоразумно промолчал.

– Вот ты скажи, неужель счастье – это только жрать и пить, да шмотками трясти по заграницам. Ну неужель? Скажи?

– Да нет, конечно. Это все от нищеты, пройдет. А что такое счастье – кто же знает?

Горестно вздохнув, Анна Никитична ушла, а Кирилл Аркадьевич вспомнил свою старенькую бабушку – мамину маму – и себя, любопытного первоклассника, настырно пристававшего к ней с вопросом: почему дедушка верит в бога, а она нет?

Бабушка, всегда отмахивавшаяся от его назойливых вопросов, на этот раз вдруг посерьезнев, ответила на редкость внятно:

– Не верю, потому, что бога нет. Если бы он был, твой дядя Боря не погиб бы на фронте. Он был лучшим, а его убили. А бог? Бог – это совесть! Запомни. – И он запомнил. На всю жизнь.

3

Тем временем больничная жизнь текла своим чередом. Завтрак и прием лекарств, осмотр врача, обед, а там и ужин составляли основу нынешнего существования Кирилла Аркадьевича. Свободное время, остававшееся между этими основополагающими занятиями, уходило на книги, телевизор, звонки сотрудникам по мобильному и поглощение чего-нибудь вкусенького из холодильника. Не считая, разумеется, тех размышлений, которым предавался Кирилл Аркадьевич, лежа на больничной койке.

Как ни странно, он пристрастился к больничной пище. Конечно, было скудно, но на удивление вполне съедобно. Особенно каши, которые в обычной жизни Кирилл Аркадьевич как-то не жаловал. Существенно поднимали настроение и те вкусы, которые приносила жена. Он всегда распознавал цоканье ее каблучков в коридоре и поражался той выдержке и самообладанию, с которыми Татьяна Николаевна переносила его хандру, трусливое брюзжание и разнообразные фантазии на темы о том, что будет, если...

Обычно жена приезжала к обеду и оставалась у него на несколько часов. Рассказывала о детях, внуках, работе, друзьях. О предстоящей операции старались не говорить: решение было принято, и обсуждать тут нечего. Она успела поговорить с хирургом, который должен был его оперировать, и тот заверил, что волноваться не стоит. Сказал, что стоило бы объединить коронарографию со стентированием и что, вероятнее всего, понадобятся два стента – лучше импортные, со специальным покрытием. Назвал и их стоимость – примерно двести тысяч рублей, оплатить которые надо будет официально в конкретной организации. Сама же операция, по сравнению со стентами, стоила сущие пустяки. О сроках операции пока не известно – и заводчелением, и лечащий врач считали, что надо еще немного подождать.

Обсудив вопрос о том, где взять нужную сумму – дома таких денег, разумеется, не было, – Кирилл Аркадьевич проводил жену до лифта и, вернувшись в палату, попробовал читать. Но ничего не получилось. Ни детективы, ни мемуары, ни даже новые книги Дины Рубиной и Людмилы Улицкой, принесенные женой, в голову не лезли. У Кирилла Аркадьевича внутри роились лишь воспоминания. «Ну, конечно», – он вяло улыбнулся, вспомнив анекдот про чукчу, поступавшего в литературный институт, но не хотевшего быть читателем, а хотевшего стать писателем. «Вот и я туда же», – усмехнулся Кирилл Аркадьевич, понимая, в то же время, что от писательской затеи, застрявшей в его мозгу как заноза, он никуда теперь не денется.

«Но с чего же начать? – он почесал в затылке и, в который уже раз, задумался: – Может быть, действительно, с моего первого инфаркта?»

Тот инфаркт стал для него своеобразным поворотным пунктом, многое изменившим и в его сознании, и в укладе его жизни. Он впервые задумался о смерти, как о чем-то реальном, в любой момент могущем коснуться и его самого, и близких ему людей; стал замечать, что думает о тех, по сути философских, вопросах и проблемах, которые раньше его совсем не волновали: о смысле жизни, о предназначении человека в этом мире, о том, что сам оставит после себя на земле. Да и на многое иное он стал смотреть совсем по-другому, чем прежде.

Но, так или иначе, в одном он был уверен без сомнения – в том, что причиной инфаркта послужили не только ишемическая болезнь сердца и сосудов, подкравшаяся незаметно и бесшумно, но и то огромное нервное напряжение, которое было связано со многими предшествовавшими инфаркту событиями.

Кирилл Аркадьевич зримо припомнил, как на днях, во время очередной уборки, Анна Никитична безапелляционно заявила: «Все серьезные болезни – от нервов. Конечно, есть болезни попроще – так те от пьянства и блуда. А если серьезные – точно от нервов».

«И не оспоришь нянечку, – подумал он, – конечно, и у меня от нервов. Ну, не от пьянства же, и не от блуда», – уж сам-то о себе Кирилл Аркадьевич прекрасно знал, что лет уже пятнадцать он, кроме капли виски, ничего не пил, а его контакты с женщинами, по крайней мере после женитьбы, в большинстве случаев были скорее воображаемыми, чем реальными.

Он стал припоминать тот год и все события, предшествовавшие первому инфаркту.

1999 год, как и следовало ожидать, был объявлен годом А. С. Пушкина. 200-летие со дня рождения великого поэта готовилось отмечать едва ли не все прогрессивное человечество. Издательство Кирилла Лавровского, вкупе с близкими к издательству писателями, критиками и поэтами, решило внести свою лепту в общий праздник и выступило с идеей проведения в Санкт-Петербурге Международного съезда поэтов. Другими словами, пригласить в Санкт-Петербург на пушкинские дни двести поэтов – как российских, так и русскоязычных, живущих ныне в разных странах мира. Идея была поддержана в аппарате губернатора В. А. Яковлева, но в Комитете по культуре средств на проведение такого съезда не нашлось. Тогда с просьбой о финансировании обратились в Москву, в Государственную комиссию по празднованию юбилея. Судя по всем признакам, выходило, что отказа не будет.

Созданный в те дни оргкомитет, помимо разработки программы и дизайнерского оформления съезда, в кратчайший срок нашел искомые адреса и на свой страх и риск разослал приглашения всем двумстам поэтам. Оставалось только ждать ответа Госкомиссии и подтверждения от приглашенных поэтов о согласии приехать и принять участие в съезде. Решение же проблем размещения, питания и культурной программы для гостей было отложено до выяснения объема финансирования, так как от выделенной суммы зависел и уровень приема.

Время шло, а ответа из Госкомиссии все не было. Уже начали поступать подтверждения от приглашенных, неизменно сопровождаемые горячей благодарностью; уже занервничали отели, отказывавшиеся бесплатно продлевать бронь; а оргкомитет, практически возглавляемый Кириллом Аркадьевичем, так еще и не знал, дадут ли на съезд деньги или нет. Наконец, Москва откликнулась, но откликнулась таким же образом, как в одном еврейском анекдоте ребе ответил плотникам, стелившим в его доме пол. Плотники пришли к нему и спросили: «Ребе, мы не знаем – строгать доски или нет? Если строгать – то может быть скользко, а если не строгать – то будут занозы». Ребе подумал и ответил: «Строгать, но струганным – вниз». Таким же образом ответила и Госкомиссия: идею поддерживаем, поэтов принимайте, но денег на съезд нет; ищите спонсоров и желаем удачи!

Надо было видеть Кирилла Аркадьевича и его команду в тот момент. Все они походили на загнанных лошадей, на полном ходу споткнувшихся о непредвиденное препятствие. Но, в общем-то, они и сами были виноваты. Ведь никто не давал гарантий, что Госкомиссия выделит средства. Просто всем казалось, что уж такую гениальную идею не поддержать невозможно, а сроки, как всегда, поджимали.

Председатель Комитета по культуре лишь посочувствовал, сказав:

– Не стоит так переживать, Кирилл Аркадьевич. Все обойдется. Главное – здоровье! – как в воду смотрел...

В принципе, Кирилл Лавровский не был настоящим бизнесменом. Он часто ввязывался в дело, отвечавшее его представлениям о прекрасном и необходимом, но без реального учета конъюнктурных обстоятельств. Особенно ярко это сказывалось на его умении, а точнее, неумении, торговать своим товаром. Елена Степановна Самохвотова, директор одного из крупнейших книжных магазинов, – веселая, всегда уверенная в своей правоте женщина – как-то ему сказала:

– Нет, не умеете вы продавать книги, любезнейший Кирилл Аркадьевич. Ну зачем вы хвалите товар конкурентов? Кто же так делает? С вашей, так сказать, интеллигентностью вы далеко не уедете. Вот представьте, что вам надо сесть на лавочку, на которой уже кто-

то сидит. Вы, конечно, скажете: «Извините, пожалуйста! Не сочтете ли за труд чуть подвинуться, чтобы и я мог присесть?» Ведь так? А надо: «Вали отсюда, козел, и чтоб я тебя здесь больше не видел!» – довольная удачно найденным, как ей показалось, примером, Елена Степановна заразительно рассмеялась. – Издатель-то вы, Кирилл Аркадьевич, хороший, даже талантливый, а вот торговец, извините, никакой! Товар надо втюхивать! Всем! Но не мне, – улыбнулась всемогущая директриса. – Мне втюхивать не надо, не получится.

Однако ситуация со съездом поэтов действительно сложилась аховая. Все ходили как в воду опущенные, понимая, что надо садиться за компьютеры и писать извинительные письма с отказом. Но на это как-то руки ни у кого не поднимались. Так прошло несколько дней. И вдруг, как гром с ясного неба, раздался звонок из Законодательного Собрания. Милый женский голосок полуутвердительно спросил:

– Лавровский Кирилл Аркадьевич?

– Да, слушаю...

– Очень хорошо! С вами будет говорить депутат ЗАКСа, Александр Семенович Новожилов.

Кирилл Аркадьевич стал судорожно припоминать: «Новожилов, Новожилов... Ну конечно, один из самых заметных городских депутатов. Кто-то из журналистов причислял его к криминалу, даже “паханом” называл. Но многие считали народным радетелем... Кажется, на него покушались, и он был серьезно ранен...»

– Кирилл Аркадьевич? Очень приятно! – уверенный мужской голос в трубке играл бархатистыми обертонами. – Это Новожилов. Говорят, вы там сопли по щекам размазываете и отказные письма строчите?! Я про съезд поэтов...

– Здравствуйте, Александр Семенович! А откуда...

– Да мне тут один писатель-фантаст наябедничал. Что, не дает Смольный денег? Хохот! И правильно делает! Зачем же на Пушкина давать, он и так – «наше все»! Ладно, подходите ко мне, разберемся. С секретарем моим о времени договоритесь. До встречи! – Новожилов отключился, а девушка-секретарь, деловито согласовав место и время приема, предупредила:

– Только не опаздывайте, Александр Семенович этого не любит.

«Господи! Кто же опаздывает в ЗАКС, да еще по такому вопросу?» – подумал Кирилл Аркадьевич, а вслух громко изрек, отвечая на вопросительные взгляды присутствовавших: – Кажется, мы спасены! Новожилов все может! А Столярского – это его работа, точно, – будем поить по гроб жизни, хоть он, кажется, и не пьет. Ай да Столярский, ай да сукин сын!

Завтра, точно к назначенному времени, Кирилл Аркадьевич появился в приемной Новожилова и, к удивлению, был сразу принят депутатом. После краткого обмена приветствиями Новожилов с любопытством посмотрел на Лавровского и перешел прямо к делу:

– Свободных денег у меня, в общем-то, нет. А вот принять твоих поэтов вроде надо. Стыдно же, культурная столица, а ничего такого не придумали. Нехорошо. Ну, не переживай, мне почти весь город должен, найдем выход. Я тебя позвал, чтоб посмотреть: можно с тобой иметь дело или нет. Говорят, ты человек порядочный, не жулик. В общем, приходи послезавтра. Я тут кое-кого напяр, познакомлю – помогут. Все, давай – до послезавтра! В три часа приходи, решим проблему. Секретарю смету оставь. Надеюсь, лишнего не накрутил? Пока!

Выйдя из кабинета депутата, Кирилл Аркадьевич только и смог, что выдохнуть воздух и покрутить головой.

А дальше все пошло как по маслу. Познакомившись с тремя представительными мужиками – то ли и впрямь должниками, то ли просто друзьями Новожилова, один из которых был директором гостиницы, другой – директором турфирмы, а третий – директором приличного ресторана, Кирилл Аркадьевич, наконец, поверил, что съезд поэтов состоится.

Однако денег все равно не хватало. Несмотря на увесистую пачку наличных, собственноручно врученную Новожиловым, расходы на рекламу, аренду залов и другие нужды зашкаливали. Правда, Комитет по культуре, узнав о таком повороте дела, все-таки нашел какие-то деньги, но и их было недостаточно. Прекрасно это понимая, Новожилов, кстати, оценивший деликатность сметы, представленной Лавровским, сказал с намеком:

– Недостающие бабки ищи сам, не маленький. А съезд окончится – посмотрим, сколько не хватило. Думаю, найдем. Удачи!

И все покатилось. Встречи, расселения, автобусы-экскурсии, завтраки-обеды-ужины... Ну, и капризы, разумеется, не без того. Пленарное заседание в Таврическом дворце и все секционные встречи прошли на должном уровне. Но в памяти Кирилла Аркадьевича и его коллег остались не столько они, сколько поэтический вечер в Капелле, где не то что яблоку – семечку негде было упасть; встречи горожан с живыми поэтами у двух памятников Пушкину и откровенные беседы с такими классиками наших дней, как Белла Ахмадулина, Наум Коржавин, Римма Казакова, Евгений Рейн и многими другими, уезжавшими из Петербурга с легким сердцем.

Перед отъездом, как водится, закатили и роскошный банкет – с объятиями, поцелуями, заверениями в вечной дружбе и классическим тостом: «За союз культуры, бизнеса и власти!».

В общем, съезд поэтов получил немалый резонанс, организаторов все поздравляли и благодарили. Были и награды: два благодарственных письма – от губернатора Санкт-Петербурга и зам министра культуры, а также медаль – разумеется, не Пушкинская золотая, а памятная, из томпака, в прозрачной коробочке.

Однако проблемы, и немалые, после съезда остались. Набранные долги намного превышали возможности Лавровского и его друзей.

Ситуацию усугубила еще одна, чисто издательская, авантюра, в которую Кирилл Аркадьевич ввязался, желая максимально заработать. Так уж сложилось, что как раз в те дни, параллельно со съездом поэтов, в области шли выборы нового губернатора. Одним из балотирующихся кандидатов был Андрей Леснов – глава серьезного строительного холдинга. Вот его-то пиар-служба и обратилась к Лавровскому с просьбой как можно быстрее подготовить и напечатать большой тираж листовок и цветных плакатов своего кандидата. Несмотря на острую нехватку времени, Кирилл Аркадьевич пошел навстречу. Получив стопроцентную предоплату, он самолично подготовил все нужные тексты и, отработав с дизайнерами макет плаката, сумел разместить срочный заказ в надежной типографии.

И все было бы замечательно, если бы команда Леснова не попросила повторить весь заказ еще раз, пообещав через неделю перевести все деньги. Вот тут-то жадность и сыграла с Кириллом Аркадьевичем злую шутку. Он поверил, несмотря даже на то, что у Леснова было не много шансов на победу. К сожалению, самые худшие опасения подтвердились. Леснов не стал губернатором, а его команда, так и не переведя Лавровскому деньги, бесследно исчезла с горизонта. Финансовая же дыра в бюджете издательства увеличилась весьма заметно.

Памятуя об обещании Новожилова помочь отдать долги после завершения съезда, Кирилл Аркадьевич попытался найти его по телефону. Но не тут-то было: депутат ЗАКСа как сквозь землю провалился. Его милый секретарь не только не знала, где Александр Семенович находится в настоящее время, но и не могла сказать, будет ли он в ближайшее время вообще.

– Звоните, не стесняйтесь, – приветливо сказала она, – его многие ищут, но где он и когда появится, я, честное слово, не знаю.

Круг замкнулся. Финансовая брешь, зиявшая в бюджете, не давала Лавровскому спать, и успех конгресса его уже совсем не радовал. Настало лето, время отпусков. С огромным трудом выплатив сотрудникам отпускные, Кирилл Аркадьевич, несолоно хлебавши, отбыл

на дачу. И с этого момента начались его июльско-августовские мытарства: раз в неделю он ездил в город, безуспешно пытаясь найти Новожилова и пиарщиков Леснова, а в остальные дни, психуя от досады и безысходности, пытался расколоть все тещины дрова. Однако купленные по дешевке, сверх меры сучковатые, березовые колоды поддаваться никак не хотели. Но он, из упрямства, чудовищно потев, все колот и колот, видя сквозь пот, заливавший глаза, лишь картину своего неизбежного и окончательного разорения.

4

– Лавровский! – дверь палаты распахнулась, и голос медсестры, слегка визгливый, но не без игривости, вернул Кирилла Аркадьевича к реальности. – О чем мечтаете? Спускайтесь на землю!

– Да, да, сейчас, – он торопливо встал с кровати, на которой лежал в джинсах поверх покрывала, подтянул живот и шутливо отрапортовал:

– Готов к труду и обороне! Чего изволите, красавица?

– Да ну вас! И что за палата? Кто бы ни лежал, все заигрывают, – улыбнулась сестра, шутливо поведя плечиком: – Доктор велела кардиограмму сделать. Наша процедурная занята, пойдемте, провожу в другую. А завтра утром, до завтрака, не забудьте сдать анализ крови, – повернувшись на каблучках, она неторопливо пошла по коридору, чуть-чуть покачивая бедрами.

«Хороша бестия, – пробормотал Кирилл Аркадьевич, закрывая палату на ключ и направляясь вслед за сестрой. – Лет двадцать, не больше, и фигурка прекрасная, и личико ничего». И он подумал о своем приятеле, прожженном бабнике, всегда завершавшем амурные байки одним и тем же заверением: «На смертном одре лежать буду, а к сестричке под юбку все равно залезу!»

«Какие уж тут юбки, – усмехнулся Кирилл Аркадьевич, – юбки раньше были. Теперь у сестер сплошные брючки. А под ними – колготки. Как говорили в 60-е, когда колготки только появились: “Ни дать, ни взять!” Чего там спорить, раньше лучше было – девчонки чулочки носили, на резинках с поясочком, и с трусиками легче расставались. А сейчас, при этих чертовых прокладках, женщина скорее с жизнью расстанется, чем позволит мужчине, даже самому желанному, их с себя стянуть. Вот уж, действительно, гениальное изобретение! Попробуй лиши сейчас женщин прокладок – не просто бабий бунт, истинная революция грянет».

Сделав кардиограмму и вернувшись в палату, Кирилл Аркадьевич слегка занервничал: «Похоже, к операции готовят. Ну вот и ладно, скорей бы уж!»

Врожденное, а может быть, развившееся с возрастом, чутье Лавровского на неприятности было сродни звериному инстинкту. Многие хорошие новости зачастую заставляли его врасплох. А вот плохие он всегда чуял за версту. «Хотя какая же это плохая новость – операция? – попытался уговорить себя Кирилл Аркадьевич. – Это же новость хорошая!»

Чутье не подвело его и на сей раз. Назавтра, после осмотра, лечащий врач как-то совсем буднично сказала:

– Анализы и кардиограмма у вас вполне приличные. Будем проводить стентирование. И не волнуйтесь, пожалуйста. В принципе, это почти амбулаторная процедура, ничего опасного, я вам уже говорила. Завтра утром вас поднимут к кардиохирургам. Конечно, сообщите супруге. Но ей приезжать не надо – вас потом все равно в реанимацию положат, на сутки, пока контрастный раствор из организма не выйдет, да и тугая повязка на бедре должна быть под контролем. А вот послезавтра, часам к двенадцати, пусть приезжает. С вашим хирургом все договоренности в силе, он прекрасный специалист, и я уверена, все пройдет как надо. Удачи вам, и до встречи!

Врач ушла, а Лавровского заколотило. «Может, зря все это, – завертелось у него в мозгу. – Чувствую себя вполне нормально, да и анализы хорошие. Черт бы побрал и меня, и мои болячки!» Однако, вспомнив приступы стенокардии, которые ему довелось испытать, он решительно отогнал от себя панические мысли: «Ну не отступать же на финише!»

Чуть позже к нему зашла уже другая медсестра:

– Лавровский, знаете, что у вас завтра операция? – и, не дожидаясь ответа, лукаво улыбнулась: – Не забудьте побриться! Ну, там, – слегка зардевшись, она махнула рукой куда-то в направлении его живота. – Можно только с правой стороны, а можно и все убрать. – Окончательно смутившись, она выпорхнула из палаты.

– Ах, какие мы нежные! – пробормотал Кирилл Аркадьевич, – лучше бы помогла. Вот беда!

Позвонив жене и передав все новости, включая предстоящее интимное бритье, Кирилл Аркадьевич попробовал было уговорить ее завтра не приезжать. Но быстро убедился в бесполезности своих аргументов. Высказав ему, в предельно непечатных выражениях, все то, что она думает о нем, о медицинских сестрах и интимной стрижке, Татьяна Николаевна заверила его, что обязательно приедет.

Как ни странно, процедура бритья окончательно успокоила Кирилла Аркадьевича, и он, поужинав и посмотрев телевизор, безмятежно уснул. Рано утром, едва дав ему умыться и привести себя в порядок, две сестрички вкатили в палату каталку, и одна из них, побойчее, бодро скомандовала:

– Раздевайтесь! Совсем! Трусы и майку тоже снимайте. Да не стесняйтесь вы! Что мы, голых мужиков не видели? Вот-вот, влезайте на каталку. Побрились правильно, я вижу, молодец! Простынкой вот прикройтесь. Ключ мы на посту оставим. Все, поехали!

Лежа на каталке голышом под тонкой простыней, слегка подрагивая от холода и ловя на себе смущенно-сочувственные взгляды встречающих больных и их посетителей, Кирилл Аркадьевич думал лишь об одном: «Только бы хирург, проведя коронарографию, не заявил: увы, сосуды забиты и стенты ставить уже поздно. Надо шунтировать». Такого поворота дел он безумно боялся, хотя почему-то в глубине души был уверен в лучшем исходе.

Бесцеремонно везя его по длинным коридорам к дальнему лифту – хорошо еще, что не вперед ногами, – сестры беззаботно болтали и, подняв на последний этаж, весело передали своим товаркам из кардиохирургии. И тут Кирилл Аркадьевич просто поразился резкому контрасту, отличавшему это, по-видимому экспериментальное, отделение от всего виденного им ранее в больницах. Контраст был во всем – и в облике сестер, и в их одеянии, и в необычайной теплоте и приветливости, с которой они приняли нового больного. А главное – все казалось необычным в интерьерах коридоров, по которым его бережно, едва ли не ласково, повезли в операционную. Все вокруг напоминало какой-то фантастический фильм из жизни космонавтов в их летательных аппаратах. А когда Кирилла Аркадьевича наконец-то привезли и нежно переложили с каталки на операционный стол, он абсолютно успокоился. Все вокруг просто кричало о том, что на дворе – век компьютеризации и высоких технологий.

Стол, на который его уложили, мог двигаться в различных плоскостях. В разных направлениях передвигались и огромные экраны, подвешенные над столом. И все в операционной словно говорило: доверься нам, и все будет в порядке. Приветливая медсестра, облаченная в замысловатый халат, шапочку и маску, помогла ему удобнее улечься, а двое так же одетых мужчин-хирургов – один постарше, другой помоложе – подошли к нему и, осмотрев обнаженное тело, приступили к делу:

– Как вы себя чувствуете, Кирилл Аркадьевич? – спросил его тот, кто помоложе, и, выслушав краткий ответ, представился:

– Меня зовут Евгений Евгеньевич. Я вас буду оперировать, а мой коллега – консультировать. Не волнуйтесь, лежите спокойно. Процедура не быстрая, так что постарайтесь не устать. Кстати, я на днях познакомился с вашей супругой, и она мне, признаюсь, понравилась. Очень красивая женщина – вам повезло. Уколов не боитесь? Нет? Ну и чудно! Будет чуть-чуть больно – это местная анестезия, а потом вы вообще ничего не почувствуете.

И действительно, ощутив комариный укус с внутренней стороны бедра, Кирилл Аркадьевич, как ни прислушивался к себе, больше никаких болезненных ощущений так и не испытал.

Врачи стали что-то делать на его бедре, разложив на нем какие-то инструменты, экраны заходили ходуном, на них вдруг появились извилистые линии, напомнившие Кириллу Аркадьевичу изображения крупных рек на географических картах – по-видимому, его сердечные артерии и иные сосуды. Но он не стал в них всматриваться, а вспомнил те уколы, которые ему делали в больнице после первого инфаркта.

А вспомнить было что. На следующий день после помещения его в палату к нему зашла Ирина Михайловна и озабоченно сказала, что придется делать уколы. И подчеркнула: в попу. Как оказалось, у него обнаружилась небольшая постинфарктная пневмония – результат застоя в легких. Заверив, что это – дело обычное, Ирина Михайловна добавила, что после рентгена она решит, какой антибиотик следует колоть.

Поскольку ранее, во всяком случае во взрослом возрасте, ему уколов не делали, то поначалу инъекции его просто забавляли. В ответ на вопрос, как он их переносит, Кирилл Аркадьевич бодро заявлял, что ему даже нравится эта, на его взгляд, вполне эротическая процедура. Шесть раз в сутки к нему приходила дежурная сестра, он приспускал трусы, и она колола его в ту или иную ягодицу. Но время шло, а избранный антибиотик упрямо не хотел оказывать на пневмонию необходимого воздействия. Уколы, между тем, становились все болезненнее – тело деревенело, и на ягодицах уже не было живого места.

Сменив антибиотик, врачи надеялись, что уж теперь-то победят недуг. Но, увы, все их надежды сбываться не спешили. Тогда, жалея Кирилла Аркадьевича, заведованием поручила эту процедуру самой красивой сестре, которая к тому же, по слухам, обладала легкой рукой и ставила уколы волшебным образом. И действительно, молодая, очень хорошенькая медсестра делала это весьма своеобразно. Входя в палату и строгим голосом веля спустить трусы пониже, она долго мяла его ягодицы в поисках нужного места, а найдя, легко колола, одновременно звонко шлепая свободной рукой по другой половинке. Боль от укола действительно отступала, но вот эрекция наступала мгновенно. Кирилл Аркадьевич, признаться, с трудом боролся с искушением перевернуться на спину и продемонстрировать смазливой сестричке свое вздыбленное достоинство.

Как-то рассказав об этом эпизоде знакомому врачу-урологу, Кирилл Аркадьевич в ответ услышал, что и они, урологи, всегда поручают деликатные манипуляции с больными мужчинами самым хорошеньким сестрам:

– Что вы хотите, дорогой Кирилл Аркадьевич, – продолжал уролог. – Все в этой жизни, так сказать, взаимосвязано. Хорошенькая женщина-врач – сама по себе лекарство для больного мужчины. У него, каким-то образом, невольно мобилизуются неведомые нам силы организма. А вот еще пример: вижу человека с прекрасными зубами и понимаю – мой клиент. Избыток кальция, а значит – камни в почках. С другой стороны: как ни ограничивай потребление кальция у больного мочекаменной болезнью – организм все равно этот кальций добудет, из тех же зубов возьмет. Что ты с ним ни делай! А вообще-то, человек в чем-то похож на инженерное сооружение. Там свои сети – трубы и кабели, а у человека – свои: сосуды и нервы. Стоит им закупориться или порваться, и готово дело – надо лечить!

«А ведь очень образно, – пробормотал Кирилл Аркадьевич, – с моими трубами-сосудами происходит то же самое. Хоть бы удалось отремонтировать!»

– Ну что же, поздравляю вас! – бодрый голос хирурга вернул Кирилла Аркадьевича к действительности. – Просветы достаточные, будем ставить стенты. Как я и предполагал: по стенту – в те артерии, которые и привели к инфарктам. Сердце-то у вас вполне приличное, но вот холестерин высоковат. Что же вы недоглядели? Надо следить за ним, надо следить...

У Кирилла Аркадьевича, при этих словах хирурга, что называется, вмиг отлегло от сердца. То, чего он больше всего боялся, слава богу, не произошло. А значит – он еще покувыркается, поборется и, может быть, чего-то там еще успеет сделать. Душа его возликовала. Ему уже хотелось сойти со стола и бежать куда-то сломя голову.

Но слезать со стола было пока рановато. Врачи еще долго колдовали со своими приборами – чистили сосуды, ставили стенты и еще бог знает что делали с его сердцем. Спина у Кирилла Аркадьевича затекла, поясница заныла, и он с тоской подумал, что хрен редьки не слаще – все равно не отпустят, а отправят – в «гестапо», сиречь, в реанимацию.

Так и случилось. Когда хирурги, завершив операцию и наложив тугую повязку на бедро, тепло распрощались с Лавровским, его вновь переложили на каталку и повезли. Но у дверей реанимации пришлось немного задержаться – его дражайшая супруга, давно стоявшая у сих дверей, как на часах, конечно же, не упустила случая расцеловать своего мужа, на вид вполне живого и довольного судьбой.

Реанимация кардиохирургического отделения, куда доставили Кирилла Аркадьевича, была совсем иной, чем та, в другой больнице, где он лежал во время приступов стенокардии. То есть почти такой же, в принципе, но чем-то неуловимым все же отличалась. Те же кровати и те же приборы, то же назойливое пиканье и тот же яркий, слепящий свет. И, тем не менее, вся атмосфера помещения определялась чем-то иным – то ли приветливостью персонала, то ли общим состоянием лежащих в нем людей. Не смертельно больных, изо всех сил борющихся со своим недугом, а скорее, людей выздоравливающих, проходящих реабилитацию после болезни.

«Так почему же мне и здесь приходит в голову сравнение реанимации с гестапо? – Кирилл Аркадьевич задумался, и вскоре понял, что ответ отнюдь не сложен. – В реанимации, как, вероятно, и в гестапо, если под гестапо понимать не столько тайную полицию Третьего Рейха, сколько тривиальную вненациональную пыточную, – человеку, прежде всего, отказывают в чувстве стыда – может быть, главном чувстве, присущем человеку как личности. Сначала его оставляют без какой-либо одежды; затем ему отказывают в признании возраста и половой принадлежности, а следовательно, и в праве на элементарную стыдливость при отправлении естественных надобностей; ну и, наконец, манипулируют с его здоровьем без всякого согласия со стороны самого пациента. Иначе говоря, сразу и безоговорочно превращают человека в животное».

Кирилл Аркадьевич задумался, пытаясь найти в предложенной формулировке неточности и противоречия. Но, так и не найдя их, продолжил размышлять: «Вероятно, все это необходимо в той реанимации, куда попадают жертвы катастроф, люди, находящиеся на грани жизни и смерти, при спасении которых врачам не до чувства стыда и подобных условностей. Но зачем же унижать людей вполне здоровых, не входящих в группу смертельного риска? В конце концов, ведь только мертвые сраму не имут, а реанимация – не морг! Откуда в нашей медицине, а может быть, не только в нашей, это желание унижить, растоптать человеческое достоинство? Чем это вызвано? Как с этим бороться? И надо ли?»

Однако на сей раз все оказалось не так страшно. Приветливые сестры и медбратья напоминали о необходимости все время пить, деликатно приносили и уносили утки, а уж еда, которой вскоре накормили, оказалась выше всех похвал и совсем не напоминала больницу.

«С чего же я разбушевался? – подивился сам себе Кирилл Аркадьевич. – Не реанимация, а филиал санатория какой-то! Право слово, как в гостях у добрых родственников!» И все же прежние, возможно, слишком жесткие соображения не выходили у него из головы. «Быть может, дело в том, что медицина в целом, а реанимация, как ее крайне экстремальное проявление, в частности, лишь представляют собой срез того общества, в котором все мы вынуждены жить и работать? Срез общества, давно утратившего стыд, легко и непри-

нужденно исповедующего двойную мораль и позволяющего властям предержащим делать с людьми все что угодно! И о какой христианской нравственности, как, впрочем, и о нравственности вообще, может идти речь, когда с экранов наших телевизоров – ну, кто бы мог представить себе это лет двадцать назад?! – несется лавина скабрёзности, откровенной пошлости и чудовищного насилия? Что будет с нашими детьми? А со следующими поколениями? Страшно подумать! Неужто телевизионные продюсеры найдут товар похлеще средств интимной женской гигиены для рекламы? Что ж это может быть? Уму непостижимо!»

Кирилл Аркадьевич прикрыл глаза и приказал себе не думать о плохом. Представив, как теперь все будет хорошо, как много еще можно успеть сделать, он и не заметил, как уснул. А когда проснулся – была ночь. В палате – полумрак, соседи мирно спали. И он впервые осознал, что все плохое – позади, что операция прошла успешно и что счастливее его, наверное, нет никого на белом свете!

5

Наутро после завтрака пришел хирург и, осмотрев Кирилла Аркадьевича, дал разрешение вернуться в палату. Все те же сестры опять повезли его в ставшее уже родным отделение, где в коридоре, у сестринского поста, его ждали жена и несколько товарищей по несчастью, готовившихся к подобной операции. Лежа на каталке, он доложил собравшимся, что отделение кардиохирургии – просто космический рай, что стентирование – сплошное удовольствие, и что хирурги – настоящие боги. Коротко ответив на какие-то вопросы, он запросил пощады у собравшихся и, оказавшись наконец в палате, с огромным облегчением переполз в кровать.

Но пообщаться им с женой не удалось – уже знакомая сестра явилась с ножницами и, краснея, как школьница, сняла с его бедра повязку. Затем – едва он натянул трусы – пришли друзья – муж и жена, с бананами и шоколадом. Потом, прогнав друзей и дав ему возможность привести себя в порядок, им занялась его лечащий врач. Но как только она ушла, Кирилл Аркадьевич залез под одеяло, потянулся и сказал жене:

– Знаешь, я как будто заново родился. И, наверное, от этого страшно устал. Посплю немного, ладно?

– Да ладно уж, поспи, горе мое, – вся светившаяся от счастья видеть мужа живым и здоровым и вместе с тем смертельно уставшая от всех минувших треволнений, Татьяна Николаевна села к столу, взяла книгу и, немного почитав, вскоре тоже уснула. Так они и спали: он – в кровати, отвернувшись к стене, а она – сидя на стуле, уронив голову на грудь и каким-то чудом удерживая в руках книгу.

Они были ровесниками, и осенью этого года собирались отметить сорокалетие своей свадьбы. Но не застольем с родственниками и друзьями, а поездкой на недельку в Париж. Как не уставал шутить Кирилл Аркадьевич: «Хорошее дело браком не назовут, и нечего тут праздновать!»

У них было двое детей – уже взрослые сын и дочь, и двое внуков – от сына. В их совместной жизни было все – и нищета, и ссоры, и любовь, и ревность. Было свое горе, была своя радость. Со временем все устоялось, они достигли, в принципе, того, чего хотели, и сейчас жили дружно и вполне благополучно. Телесная тяга друг к другу прошла, но взаимное уважение и теплота отношений остались. Они прекрасно знали один другого и понимали всегда с полуслова.

Разбудил их громкий стук в дверь палаты и крик нянечки: «Обед!» Обед в больнице – это святое, и, воздав должное кулинарному искусству больничных поваров, добавив, разумеется, и кое-что из принесенного Татьяной Николаевной, они, наконец-то, сумели пообщаться без помех.

– Кира, честно, как ты? – Татьяна Николаевна пытливо посмотрела на мужа.

– Нормально, клянусь, все нормально. Нигде не жмет и не болит. Дышать тоже легко. Так что не переживай. Теперь все будет у меня в порядке, – заверил супругу Кирилл Аркадьевич и спросил о том, что его волновало:

– С деньгами как? Удалось все собрать? Нет проблем?

– Да, слава богу, все срослось. Как и договаривались. Поснимала с карточек и с книжек, перехватила у себя на работе, да и твои сотрудники, спасибо им, подкинули. Так что не волнуйся. Отдадим. Как-никак, работаем, да и гонорар твой, надеюсь, вот-вот подойдет. Или нет?

– Да будет тебе, никуда он не денется – работа ведь сделана.

Этот пресловутый гонорар за редактуру чужой книги они и собирались прокутить в Париже, но здоровье, как известно, дороже.

Поговорив о разном, вспомнив внуков, любимого рыжего кота и давно уже болевшую тещу, они перешли к вопросу, который волновал Кирилла Аркадьевича больше всего.

Дело заключалось в том, что Татьяна Николаевна, как и девять лет назад, после его первого инфаркта, собиралась лечь костыми, но поехать-таки с мужем в санаторий. Его же это, в связи с задуманной попыткой написать хоть что-то свое, на сей раз совершенно не устраивало.

Но раскрывать свое намерение жене он, разумеется, не собирался – она была бы однозначно против, так как в ее понимании «писать» – означало сидеть за ноутбуком, а вовсе не гулять. В прошлый раз они действительно много гуляли, отказавшись, по совету Ирины Михайловны, практически от всех назойливо навязываемых санаторными врачами процедур. И Татьяна Николаевна была совершенно уверена, что именно далекие прогулки – вдоль берега моря, по сосновому лесу и по асфальтовым дорожкам вдоль шоссе – спасли Кирилла Аркадьевича от возможных осложнений.

– Тань, ну зачем тебе ехать? – начал он разговор, понимая, что без спора не обойтись.

– Можешь даже не начинать! – Татьяна Николаевна нахмурилась, уперлась взглядом в пол и заявила: – Одного не пущу! Знаю я – будешь в койке валяться, с тетками зубоскалить, пялиться часами в телевизор, а гулять не пойдешь. А если и пойдешь, то на полчаса. И шарф не завяжешь, и ноги промочишь, и в магазине какую-нибудь гадость купишь. Знаю я тебя.

– Но это же – явная чушь! Я что себе – враг? Мне – семь лет? Я – первоклассник? Какие тетки, какой телевизор! Я просто жалею тебя, вот и все. Ну, сама посуди: с деньгами непросто, мама плоха. Кто с ней побудет? Сиделки? А деньги? Значит, маму и кота на Варьку оставишь? Да и в школе у тебя проблем хватает. Не дури, рассуди спокойно.

– И не проси! Не пущу! Ты там снова курить начнешь, собутыльники найдутся, да мало ли что? Вдруг плохо станет? Кто поможет?

– Ну, уж если ты поедешь – я точно закурю. Ты ведь смолишь, как паровоз. Иль, может, из-за меня бросишь? А? Вот видишь! А если плохо станет – там докторов полно. Ведь не дом отдыха, а санаторий! И врачей там, и сестер – немерено!

– У тебя там пассия, что ли, завелась? – жена вдруг улыбнулась, и он понял, что она уступит.

– Ладно тебе, пассия. Не в зеркало смотри, а в паспорт – и в мой, и в свой. Старые мы уже, а все хорохоримся. А о душе кто думать будет? Пушкин?

– Пушкин не Пушкин, а за тобой не присмотришь – беды не оберешься, – Татьяна Николаевна вздохнула и как-то жалобно спросила: – Кира, ты действительно не хочешь, чтобы яехала? А сам справишься? И гулять правда будешь? Не обманешь?

– Вот те крест, – Кирилл Аркадьевич шутливо перекрестился и неожиданно для себя решил сказать правду: – Понимаешь, Тань, я кое-что задумал. Но все только в проекте, даже наработок нет. Гуляя, буду все обдумывать, а уж потом – записывать. А если будем гулять вместе, то толку не будет – я невольно стану уходить в себя, а ты – раздражаться и злиться. Поверь мне, я не лукавлю. Может, что и выйдет из задуманного – я давно уже собирался, только не говорил...

В конце концов все получилось так, как и хотел Кирилл Аркадьевич. Татьяна Николаевна не только решила отпустить его одного в санаторий, но и, задействовав свои директорские связи, сумела выхлопотать ему маленькую одноместную палату в торцевой части санаторного корпуса.

В оставшиеся до отъезда дни он сладко бездельничал. Никто его не тревожил: знакомые сестры сменились, и даже Анна Никитична приболела – вместо нее приходила другая, совсем не разговорчивая нянечка. Он лакомился вкусностями и предавался размышлениям.

Воспоминания накатывались волнами. Давно забытые события и лица, сталкиваясь друг с другом, причудливо перемещались во времени и пространстве. Вдруг оказалось: если поднапрячься, в памяти всплывают и детали – приметы времени и быта, прически, моды, цены на питье и на еду, и даже – удивительно! – пикантные истории и анекдоты прошлых лет.

Вновь вспомнилась хорошенькая медсестра, коловшая ему антибиотики и одновременно с уколom крепко шлепавшая свободной ладонью по его голой заднице. Они разговаривали как-то вечером: она зашла к нему во время своего дежурства, уже после того, как его пневмония прошла и ягодицы вновь обрели чувствительность.

Кирилл Аркадьевич, улыбаясь, намекнул ей на то, что конкретно испытывал во время тех необычных уколов. Ничуть не смутившись, она рассмеялась:

– Я догадывалась.

– А вы-то, сами? Не чувствовали ничего? – ему почему-то вдруг стало обидно.

– Да нет. Во-первых, я вообще холодная, а во-вторых, к больным у медиков иное отношение. Не до эротики. Случаются, я слышала, романы, но очень редко. Сюжет скорее для кино: и тюремный роман, и больничный – все это беллетристика.

Отметив столь необычную для медицинской сестры лексику, Кирилл Аркадьевич решил узнать о ней побольше. Тем паче Ольга – так звали сестру – была совсем не против поболтать.

– Вы, Оля, на медсестру не очень-то похожи. Скорее, на студентку филфака.

– Вы угадали. Правда, не совсем. Я в педагогическом три курса проучилась, но ушла. Дети – не мое. А в медицинский – провалилась. Вот и пошла в медучилище. Сразу надо было, да чего уж там! – она махнула рукой и досадливо поморщилась.

– Но почему – холодная, простите уж за прямоту? – Кирилл Аркадьевич внимательно взглянул на девушку и добавил: – Вы ведь хороши необыкновенно!

– Спасибо за комплимент. Это всегда приятно. Я знаю, что недурна, да толку-то? – Оля потупилась и, глядя в сторону, как бы сама себе сказала: – А почему холодная? Да все из-за отца. Он у меня в милиции работал, в чине капитана. Ловил насильников и педофилов. Переживал ужасно за тех девочек, которых эти твари убивали. Ну, и за меня боялся жутко. Маме не давал работать – считал, что она должна следить за мной денно и нощно. Она и следила: перед зеркалом не крутись, с мальчиками не дружи, из дома одна – ни ногой. На вечер не смей – изнасилуют, будешь сама себя трогать – отлуплю! И лупила. И отец лупил ремнем. И меня, и маму. Когда узнавал, что какой-то из его запретов мы нарушили. Совсем свихнулся. Мама с ним потом развелась. А я от комплексов до сих пор не избавилась. Может, потому и пошла в медицину.

Она замолчала, а Кирилл Аркадьевич, не зная, что сказать, вдруг вспомнил юность, древний белорусский город и своего приятеля – Эдика Чернова, студента-медика, пришедшего к нему как-то весной в полном раздрае:

– Старик, ты не поверишь, я – полный импотент! Что делать? Утопиться, отравиться, повеситься?

– Лучше застрелиться, как Маяковский. Тогда никто и не узнает, все будут думать, что от неразделенной любви.

– Тебе всё шуточки. А я сегодня женщине укол в задницу делал – ты бы ее видел! Умереть, не встать!

– Женщину или задницу?

– И женщину, и задницу, идиот! Да я бы такую задницу с утра до вечера целовал.

– И что?

– А ничто. Никакой реакции. В штанах – будто и не было ничего. Что делать, Лаврик?

И Лаврик, то бишь он – Кирилл Лавровский, тогда все очень хорошо придумал. Выжав полбутылки коньяка, благо стоил он всего четыре рубля и двенадцать копеек, они отправи-

лись на танцплощадку в парк. И после тура с первой же хорошенькой толстушкой, на которую ему указал все тот же Лаврик, Эдик вернулся совершенно счастливым: с его штанами все стало в порядке. Ударив по рукам и обнявшись, они, счастливые и довольные, пошли допивать оставшийся коньяк.

Услышав пересказ этой истории, Ольга тогда засмеялась, поднялась со стула и, неожиданно поцеловав Кирилла Аркадьевича в щеку, выпорхнула из палаты.

Звонок мобильного заставил оторваться от воспоминаний и вернуться к будничной действительности. Звонила Леночка Светлова – его заместитель и в издательстве, и в Музыкальном обществе, правая рука и надежнейшая опора во всех их начинаниях, в радостях и бедах. Леночка работала с ним с самого начала, без малого уж двадцать лет, и он всегда знал: Лена на работе – все будет в порядке.

Поговорив с ней о текущих проблемах и ответив на неизбежные вопросы о своем здоровье и самочувствии, Кирилл Аркадьевич довольно улыбнулся, представив себе Лену и остальных сотрудников, сгрудившихся у телефона. У них был маленький, но дружный коллектив, давно сложившийся и неподверженный влияниям извне. Свою работу все любили и, если было надо, работали не покладая рук. Но стержнем коллектива была, вне всякого сомнения, Лена.

В 1989-м, когда Кирилл Аркадьевич стал создавать свой «Музыкальный вестник», он со скандалом увел Лену из редакции одной из влиятельных городских газет, где она работала после окончания филфака Университета. И до сих пор был благодарен одной из сотрудниц газеты, указавшей ему на Светлову. Как оказалось, Лена давно уже мечтала о самостоятельной работе и сразу же пришлась ко двору, возглавив редакцию нового издания. Несмотря на значительную разницу в возрасте, они быстро подружились и уже вместе создавали и газету, и издательство.

Поначалу, правда, многих удивляло их сотрудничество – приятельницы и приятели не раз пытали: спят ли они с Леной? На что он, глядя честными глазами, отвечал:

– Да, спим. Три раза в день, на приставном столе. А что? Нельзя?

В конце концов знакомым надоела эта тема, и вскоре, не без некоторой зависти, все стали их воспринимать вполне приветливо и дружелюбно. Жена сначала тоже поворчала – недоброжелатели шептали черт-те что, но вскоре перестала обращать внимание, решив, что если что и есть, то уследить за ними невозможно.

Сама же Лена сильно не переживала – у нее была своя, скрытая ото всех личная жизнь, в которую она не посвящала никого, в том числе и Кирилла Аркадьевича. И он, надо сказать, свято уважал ее любовную экстерриториальность.

Одно Кирилл Аркадьевич знал точно: тогда, девять лет назад, именно Лена Светлова спасла издательство от разорения. Как она это сумела сделать, он до сих пор не понимал. Почти весь сентябрь, вплоть до инфаркта, он делал все возможное, чтобы отдать долги за съезд поэтов. Но ничего не получалось. Магазины и книготорговые фирмы, ссылаясь на плохую реализацию, денег за поставленную продукцию упорно не возвращали. Команду Леснова было не сыскать, да и Новожилов словно сквозь землю провалился. Кирилл Аркадьевич метался как загнанный зверь, хватался за любую работу, но все это было, что называется, мертвому припарки. Денег не было ни у кого – сказывался прошлогодний дефолт.

И даже очень хорошо относящийся к нему директор одного из центральных книжных магазинов Яков Семенович Сац, всегда помогавший и выручавший в трудную минуту, ничем не мог ему помочь:

– Да как же вы, Кирилл Аркадьевич, ввязались в это дело без страховки? – сокрушался старый книжный волк, горестно качая головой и всем своим видом выражая сочувствие. – Ай-яй-яй! Какой съезд поэтов? Какие плакаты кандидатов? Вы думаете, это кому-нибудь нужно? Ну да, конечно, вы хотели войти в историю! Так вы в нее и попали, только в другую!

И называется она – банкротством. Кушайте теперь с аппетитом! – прочно сидевший в советское время на книжном дефиците, Яков Семенович и в новые времена не пропадал. Знал, чем торговать, умел работать и с издателями, и с оптовиками. Но даже у него случались проколы, к одному из которых Кирилл Аркадьевич имел самое прямое отношение. А дело было так.

Однажды к ним в издательство зашел Алексей Кашин – бывший крупный партийный работник, а в те годы – главный редактор одного из новых журналов:

– Послушайте, Кирилл Аркадьевич! Вы знаете Эфраима Севелу?

– Вообще-то, лично не знаком, но кое-что читал. «Остановите самолет, я слезу» – блистательная вещь. Да и фильм – «Попугай, говорящий на идиш» – я знаю. А что?

– Да есть готовый макет еще одной книжки – «Моня Цацкес – знаменосец». Ей-богу, не хуже. Мне в своем журнале не опубликовать. А так хочется, чтобы книжка была издана! И главное – директор магазина – Яков Сац – берется продать практически любой тираж. Он свято убежден, что очередь из питерских евреев будет стоять к нему не ближе, чем от Московского вокзала.

Прельстившись перспективой не только без проблем издать действительно хорошую вещь, но и неплохо заработать, Кирилл Аркадьевич, ничтоже сумняшеся, запустил книгу стотысячным тиражом и, получив тираж из типографии, полностью завез его в магазин Саца. Тот, потирая руки в предвкушении барышей, от радости пообещал поставить в магазине специальный стенд для книг издательства Кирилла Аркадьевича. И сделал это!

Однако дело не пошло. То ли реклама оказалась малоэффективной, то ли евреев в городе заметно поубавилось, но книга продавалась вяло. Пришлось Кириллу Аркадьевичу развозить тираж из магазина Саца по всем другим торговым точкам. Оценив этот широкий жест и полное отсутствие упреков в собственный адрес, Яков Семенович проникся к Кириллу Аркадьевичу немалым уважением и много раз оказывал ему торговые услуги.

Но в этот раз он, к сожалению, ничем помочь не мог:

– Ви уж на меня не обижайтесь, – Яков Семенович развел руками, – но денег правда нет. Могу лишь рассказать вам старый, но очень актуальный анекдот. Хотите?

– Ну, давайте!

– Так вот. Представьте: на дворе конец тридцатых. Рабиновича вдруг вызывают в Большой Дом. Он со слезами прощается с Сарой и отправляется на Литейный. Но там его не бьют и не пытаются, а поднимают в лифте на крышу. И говорят:

– Посмотрите вокруг, Рабинович! Ви видите, идут стройки социализма. Нужны деньги.

– Ну, я не знаю, – отвечает тот. – Я должен посоветоваться с Сарой.

– Нет проблем. – Ему дают машину, он едет домой и вскоре возвращается обратно.

– Ну, что сказала Сара?

– Ви меня, конечно, извините, – отвечает Рабинович, – но Сара сказала: нету денег – не...уй строить!

Отсмеявшись, они попрощались, и Кирилл Аркадьевич несолоно хлебавши ушел от Саца, как уходил и от других партнеров, к которым обращался за помощью.

И уже после инфаркта, в октябре, лежа в больнице, Кирилл Аркадьевич получил еще один страшный удар. В очередном выпуске новостей, которые он от безделья слушал по своему любимому японскому транзистору, внезапно сообщили о трагической гибели Новожилова: депутат, ехавший по одному из центральных проспектов, был взорван установленной в его автомобиле миной. Похолодев от страха, Кирилл Аркадьевич с ужасом понял, что потерял не только обещанные ему деньги, но и надежного делового партнера, на помощь которого в дальнейшем он, чего греха таить, подспудно рассчитывал.

Однако делать было нечего. Отправляясь с женой в санаторий, он, в глубине души, был уверен, что вернется к разбитому корыту. Но судьба вдруг ему улыбнулась. Сначала объявились пиарщики Леснова и, как ни странно, сполна вернули долг. Ну, а затем уже Лена, одной

ей ведомыми способами, сумела выбить деньги из торговых фирм, спася его, тем самым, от позора, а коллектив издательства от разорения.

Глава вторая

Раннее детство. – Родители. – Маленький городок. – Первые грехи. – Рождение Костика. – Музыкальная школа. – Смерть Сталина. – Желтуха. – Бабушка и дедушка. – Кто такие евреи?

1

Курортный пригород Санкт-Петербурга, расположившийся вдоль Финского залива, был хорошо знаком Кириллу Аркадьевичу. Девять лет назад, попав в здешний кардиологический санаторий на реабилитацию, он за время трехнедельного пребывания вместе с женой исходил его вдоль и поперек. И влюбился в эти места навсегда.

Влюбился в залив, всегда живший своей независимой жизнью и поражавший воображение многообразием оттенков цвета и поведения волн; в песчаную береговую кромку, с россыпью сухого плавника и ракушек, а также с неискоренимой, подчас дурно пахнувшей полоской зеленой тины; в крикливых чаек, вечно восседавших на выступающих из мелководья валунах; и особенно – в величественные сосны, вольготно росшие вдоль берега и вдоль прибрежного шоссе, извилисто тянувшего свою асфальтовую ленту.

С тех пор он бывал здесь почти ежегодно – и летом, и зимой, – отдыхая недельку-другую в коттеджах расположенной неподалеку базы отдыха Союза композиторов, в который наконец-то вступил в самом начале 2000-х.

Все тот же санаторий – куда Кирилла Аркадьевича и его коллег по больнице доставил белый, с красным крестом на борту, микроавтобус – встретил вновь прибывших тишиной и покоем. На дворе стоял март, снега было немного, и в свежем, чуть морозном и аппетитно пахнувшем воздухе явственно ощущался скорый приход весны.

Немолодая, но все еще импозантная старшая сестра, взяв в руки бумаги Кирилла Аркадьевича, пристально посмотрела на него поверх очков:

– А я вас помню. Вы были у нас лет семь-восемь назад. С супругой.

– Ну и память у вас, – смутился Кирилл Аркадьевич, – действительно был, но чуть раньше. Девять лет уж прошло.

– Второй инфаркт или стенокардия?

– Да инфаркт, а потом операция. Не шунтирование, щадящая.

– Что ж не убереглись? Надо беречься! – сестра укоризненно покачала головой. – Супруга с вами?

– Да нет, на этот раз один.

– Ну, желаю удачи! Вот ваш ключ. Порядки знаете. Устроитесь – и к врачу.

Одноместная палата в торце корпуса сразу же понравилась Кириллу Аркадьевичу. Широкое окно одновременно смотрело и на залив, и на прибрежную полосу, и на небольшие сопки, поросшие разлапистыми соснами. Обставленная просто, но вполне уютно и опрятно, палата уже с порога располагала к отдыху и умственной работе.

Разобрав вещи и пристроив на маленький трельяжик свой ноутбук, он до обеда успел побывать у врача – молодого, толкового парня, благоразумно оставившего ему те же лекарства, что были прописаны в больнице и, учитывая его послеоперационное состояние, не настаивавшего на разных процедурах, в изобилии представленных в перечне санаторных услуг:

– Только не переусердствуйте с прогулками. Все-таки стентирование – дело еще новое, и у нас пока нет большого опыта наблюдения за такими больными, как вы.

Пообещав быть аккуратным и разумным, Кирилл Аркадьевич отправился в столовую. Его соседи по столу – двое мужчин и женщина – немолодые и общительные люди, сразу же понравились ему. И он обрадовался этому, заранее представив ожидающие его застольные беседы, без которых будущие трапезы проходили бы скучно и уныло. Кормили сносно и достаточно обильно, в столовой было чисто и светло, и предстоящая жизнь в санатории показалась ему вполне комфортной.

Все трое его сотрапезников, недавно пережившие первый инфаркт, будучи давно пенсионерами, продолжали, как и он, работать. Виктория Викторовна, в прошлом учительница географии, трудилась вахтером на каком-то складе; Виталий Петрович – инженер-электронщик – передавал свой опыт подросткам в чудом сохранившемся ПТУ; а Василий Васильевич, офицер запаса, просто «бомбил» на своей иномарке. У всех были дети и внуки, у каждого – свои обязанности и заботы в семье. Никто из них не избежал финансовых проблем, к которым неожиданно прибавились еще немалые заботы о своем здоровье. Все выросли и встали на ноги в советскую эпоху, а потому вслух, дружно, не стесняясь, ругали нынешнюю жизнь, чиновников и депутатов, правительство, политику страны, беспомощность военных и милиции, а главное – бесстыжих олигархов и воришек всех мастей.

Представившись и коротко поведав о себе, Кирилл Аркадьевич отчетливо почувствовал, что вызвал интерес к своей персоне. И это, честно говоря, его ничуть не огорчило. Общительный и, в общем-то, публичный человек, он никогда не упускал возможности поговорить с людьми – послушать то, что говорят другие, поразглагольствовать, да и, подчас, поспорить.

Расставшись, отобедав, вполне довольные друг другом, все четверо пришли на ужин уже как добрые знакомые, внезапно ощутившие родство душ.

– Послушайте, дорогие мужчины, – обратилась к присутствовавшим за столом Виктория Викторовна – единственная среди них женщина, к тому же сохранившая, вопреки немалым годам, определенный шарм и природное обаяние, – мы все должны быть счастливы, что выкарабкались и остались живы!

– Ну, кто же спорит? – ухмыльнулся Василий Васильевич. – Было бы шампанское, так выпили б за это!

– Да ладно вам, я же серьезно, – Виктория Викторовна улыбнулась и кокетливо поправила воротничок своей блузки: – Ведь мы же счастливы?! Разве не так?

– А что такое – счастье? – вдруг неожиданно для самого себя спросил Кирилл Аркадьевич, внезапно вспомнив нянечку – Анну Никитичну, прибиравшуюся у него в палате. – Кто скажет?

– Счастье – это когда тебя понимают! Ну, помните же – «Доживем до понедельника», с Тихоновым и Печерниковой. Там мальчик так сказал. И все запомнили, – Виктория Викторовна оживилась и мечтательно добавила: – Ах, какие споры были у нас в институте из-за этого фильма. Студенты спорили в своем кругу, преподаватели – в своем, а затем студенты спорили с преподавателями! Время было – сама себе завидую.

– Счастье – это когда платят за работу, – мрачно изрек Виталий Петрович, и все засмеялись.

– С этим-то сегодня не поспоришь, – Василий Васильевич нахмурился и с неподдельной горечью изрек: – Какую страну потеряли! И-эх! Раньше-то ведь как говорили? Не помните? А говорили: счастье обретаем мы в борьбе! И еще: человек рожден для счастья, как птица для полета. Да-а!

Все приумолкли, и на какое-то время разговор прервался. За столом слышалось лишь звяканье столовых приборов о фаянсовые тарелки.

– А вы-то сами как думаете? – спросил после паузы Виталий Петрович, обращаясь к Кириллу Аркадьевичу.

– Я? – Кирилл Аркадьевич на минутку задумался, а потом признался: – Я, право, не знаю. Вот нянечка в моей больнице говорила, что счастье – оно на всех одно. И еще, повторяя слова знакомого попа, допускала, что счастье будет только на том свете. Для тех, разумеется, кто в рай попадет.

– Угу, – угрюмо жуя, подхватил Виталий Петрович, – если счастье – на том свете, так чего ж эти верующие колготятся и на этом? Не жирно ли им будет?

– Виталь Петрович, погодите, – оживился Василий Васильевич и, обращаясь к Кириллу Аркадьевичу, сказал с некоторой укоризной: – Вы же книжный человек, как-никак – издатель. Так просветите нас, грешных, – и, подкрепив свои слова решительным жестом, добавил: – Все же интересно. Тем более, что сами разговор затеяли.

– Так я же в шутку, больше для красного словца, – Кирилл Аркадьевич задумался, собрался с мыслями и, посмотрев внимательно на собеседников, продолжил: – Если серьезно, то понятие счастья – категория философская. И относится она, прежде всего, к сфере внутренней, душевной жизни. Собственно говоря, понятие счастья связано с исполнением желаний. У всех людей в любое время, так или иначе, существуют определенные желания. Но, с другой стороны, можно ли считать человека, у которого отсутствуют абсолютно все желания, подлинно счастливым? Вряд ли, ибо полное отсутствие желаний можно наблюдать только у трупа. – Кирилл Аркадьевич поморщился и вопросительно посмотрел на своих собеседников: – Я не слишком путано излагаю?

– Нет-нет, – запротестовала Виктория Викторовна, – очень интересно! Ведь правда? – Она взглянула на своих соседей по столу, словно прося у них поддержки. – Продолжайте, пожалуйста!

– Да, да, – поддержали ее мужчины, – продолжайте, Кирилл Аркадьевич. Во всяком случае, весьма любопытно.

– Да, собственно, и продолжать-то не о чем, – Кирилл Аркадьевич виновато улыбнулся, но тем не менее продолжил свою мини-лекцию:

– Не помню уже точно, кто приводил этот образный пример – Тургенев или Булгаков, – но суть его такова: счастье – как здоровье, о нем вспоминаешь, когда его нет.

– А любовь?! Она разве не есть – счастье? – словно обидевшись за кого-то, Виктория Викторовна вопросительно посмотрела на мужчин: – Ведь любовь – это одно из основных желаний?

– Да нет, пожалуй, тут сложнее, – возразил ей Виталий Петрович. – Желание – это из области секса. А любовь – это, скорее, состояние. Желание любви – абстракция, во всяком случае, недоговоренность. Желание всегда относят к любви плотской, – Виталий Петрович помолчал, задумчиво повертел в пальцах вилку и добавил: – Да и потом, бывают случаи, когда и страдание – счастье. Как думаете, Кирилл Аркадьевич?

– Вполне с вами согласен. Счастье – это состояние внутренней удовлетворенности. Еще Аристотель определял счастье как деятельность добродетельной души. А добродетель, в свою очередь, как дорогу, ведущую к счастью.

Заметив любопытные взгляды официанток и сообразив, что остались в столовой одни, доморощенные философы смущенно допили свой остывший чай, вышли из столовой и, тепло попрощавшись, разошлись по своим этажам.

Придя в палату и сделав дежурные звонки, Кирилл Аркадьевич открыл ноутбук и, подключившись с помощью модема к Интернету, стал просматривать свои излюбленные новостные сайты. Не найдя ничего интересного, он включил телевизор, но вскоре и это ему надоело. «Все, – сказал он себе, – пора заняться делом, а не оттягивать момент. Трусость – не порок, но все-таки порядочное свинство». Кирилл Аркадьевич лег на кровать, закрыл глаза, и воспоминания детства нахлынули на него снежной лавиной...

Наутро, опоздав к завтраку, он нашел своих новых знакомых в состоянии некоего смущения:

– Разбредили вы нам душу вчера, любезный Кирилл Аркадьевич, – Василий Васильевич прищурился и, как заговорщик, оглядев соседей, резюмировал, пытаясь подражать голосу Б. Н. Ельцина: – Все мы не молоды, нам помирать уж скоро, а вы про счастье, понимаешь ли! Было оно, не было – черт его знает! А потому мы предлагаем ощутить это неве-

домое состояние души в ближайшем кафе – где-нибудь после обеда, вместо полдника. Ну как, годится?

– Заметано, – Кирилл Аркадьевич засмеялся, потер руки и подумал в шутку: вот оно, жена была права – пьянство начинается. И вдруг явственно понял, что его возможный отказ от встречи в кафе сильно огорчил и обидел бы новых знакомых. На душе стало очень тепло и приятно, и какое-то почти забытое и едва ли не сентиментальное чувство товарищества затопило его целиком – от макушки до пят...

Одевшись после завтрака теплее, Кирилл Аркадьевич вышел к заливу и медленно пошел вдоль береговой кромки. Было морозно, утрамбованный песчаный наст хрустел под башмаками. Солнце, еле пробивавшееся из-за облаков, не в состоянии было разогнать плотный туман, повисший над заливом, – ни Кронштадта, ни форта, ни тем более дамбы не было видно и в помине. Он приподнял воротник дубленки, взглянул на смутно вырисовывавшиеся из тумана сосны и, сладко зажмурившись, окунулся в свои детские воспоминания.

2

Кирилл помнил себя лет с трех-четырёх, а следовательно, с 1950–1951 годов. Отчетливо помнил своих родителей, свою няню, их комнату и кухню в большом двухэтажном деревянном доме, а также двор с различными постройками, казавшийся ему тогда огромным. Помнил и палисадник, с чудесно пахнущими флоксами и другими цветами, названия которых он не знал ни тогда, ни сегодня.

Семья жила по месту службы отца-офицера в маленьком западно-белорусском, а до войны, естественно, польском, городке. Городок славился тем, что являлся родиной Адама Мицкевича. Была в нем и еще одна безусловная достопримечательность – разрушенный старинный замок литовского князя Гедимина – большая каменная башня, стоявшая на высоком холме, окруженном обширным лесопарком.

Отца он видел очень редко – только по праздникам и выходным. Поскольку отец уходил на службу очень рано, а возвращался поздно, то по будням Кирилл видел его лишь спросонок, завтракающим или ужинающим при свете керосиновой лампы. Понятно, электричества в домах тогда еще не было и в помине. Зато по воскресеньям, когда отец оставался дома, Кирилл был по-настоящему счастлив.

Его отец, фронтовик, капитан-артиллерист, получил два ранения, но, тем не менее, прошел всю войну. Он был хорош собой – высок, строен, широк в плечах, с густыми, чуть вьющимися волосами. Больше всего на свете Кирилл гордился его боевыми медалями и орденами. А также его офицерской формой – кителем, погонами, фуражкой, вкусно пахнущей портупеей с пистолетной кобурой, до блеска начищенными сапогами и даже сверкающими пуговицами и целлулоидным подворотничком, пришивал который к кителю отец собственноручно, не доверяя это ответственное дело даже маме. А еще у отца были трофейные часы со светящимися в темноте цифрами и стрелками и «золингеновская» опасная бритва, которыми он очень дорожил. Из ценных вещей, кроме этих, в доме имелось только трофейное немецкое пианино «Хупфельд Готха», которое отец привез с собой из Германии и на котором часто играл и пел популярные песни.

Кирилл хорошо помнил отцовские воскресные утренние ритуалы: отладку бритвы на специальном широком ремне, сам процесс бритья – священнодействие, во время которого никому нельзя было находиться в комнате, запах популярного одеколона «Шипр», которым отец сбрызгивал лицо из стеклянного пульверизатора с резиновой грушей. Затем следовал процесс шлифовки золотистых металлических пуговиц на кителе с помощью специальной пасты и разнообразных приспособлений, а уж потом чистка сапог до зеркального блеска с помощью двух щеток, ваксы и огромной, вишневого цвета, бархотки.

Что и говорить, офицеры тех лет смотрелись как надо – выправка, отглаженная форма, аккуратная стрижка «под бокс», выбритые до синевы щеки и какое-то неизъяснимое чувство собственного достоинства, присущее всем офицерам-фронтовикам, победившим врага и защитившим свой народ и свою страну.

С мамой Кирилл виделся, разумеется, чаще. Она казалась ему красавицей. Статная шатенка с длинной толстой косой, прямым пробором, узким, с небольшой горбинкой носом и прекрасным цветом лица, мама была, на его взгляд, просто неотразима. Он долгие годы помнил ее запах – смесь духов «Красная Москва» с каким-то неуловимым, волнующим ароматом взрослой, знающей себе цену женщины.

Надо ли говорить, что маму свою Кирилл любил беззаветно. И она отвечала ему тем же. Он был ее любимцем, первенцем, воплощением всех ее надежд и мечтаний. Она не чаяла в нем души, но вместе с тем и предъявляла к нему весьма суровые требования.

Мама была учительницей математики в средних классах школы, находившейся у самого подножия Замковой горы – совсем неподалеку от того дома, в котором они жили. Утром мама уходила в школу, а Кирилл оставался с няней Асей. Она была смешлива, все время пела песни и баловала его, как могла. Но уж когда Кирилл – отчаянный шалун и «почемучка» – переходил границы, Ася спускала с него штанишки, ставила на колени и, зажав его голову между своих ног, легонько стегала прутиком по голой попе. Было совсем не больно, но очень обидно. Когда же Кирилл вздумал пожаловаться на Асю маме, то неожиданно услышал:

– И правильно, еще и от меня получишь. Как говорится, нету мозгу – бери розгу!

Мамин ответ очень огорчил и озадачил Кирилла. Правда, с маминой розгой он познакомился еще не скоро, но вот с ее узким ремешком – достаточно быстро.

Однажды в воскресенье вечером, ужиная вместе с папой и мамой, Кирилл потянулся за сахарницей и случайно просыпал весь сахарный песок на скатерть. Мама назвала его «свиньей», и он обиженно надулся. И надо же было такому случиться, что, едва собрав просыпанный на скатерть песок в сахарницу, мама выронила ее из рук, и песок вновь оказался на скатерти. Торжеству Кирилла не было предела. Он вскочил со стула и, бегая вприпрыжку вокруг стола, стал радостно кричать:

– Мама – свинья, моя мама – свинья!

Раздосадованная мама строгим голосом велела ему прекратить носиться по комнате и перестать называть ее свиньей:

– Маму нельзя так называть! Ты слышишь, Кирилл? Прекрати сейчас же, или будет плохо!

Но остановить Кирилла уже было невозможно. Он продолжал свою безумно радостную скачку, не переставая выкрикивать так понравившуюся ему, но крайне обидную для мамы фразу. И только строгий голос отца, в котором прозвучала явная угроза, заставил Кирилла уgomониться. И тем не менее, когда уже казалось, что инцидент исчерпан, мама произнесла весьма странную фразу:

– Что ж, я давно обещала тебя наказать. Так сегодня ты точно получишь!

Что означали слова мамы, он и не подозревал. Совсем забыв о происшедшем, Кирилл, как обычно, поиграв, умылся и стал готовиться ко сну. И уже лежа в кровати и ожидая маму с книжкой, он вдруг увидел то, чего совсем не ожидал. Открыв дверцу платяного шкафа, мама достала свой узкий белый ремешок, сложила его вдвое и резко взмахнула рукой. Раздавшийся противный свист так удивил Кирилла, что он привстал с подушки и с любопытством стал смотреть на приближавшуюся к нему маму.

– Аркадий, – сказала мама мужу, – давай!

И папа, подойдя к Кириллу, вдруг сдернул одеяло и, перевернув его на живот, крепко прижал к подушке голову и руки. Мама же, спустив с него трусы, взмахнула ремешком, и он вмиг ощутил чудовищную, ослепляющую боль.

Кирилл, совсем не ожидавший ничего подобного и уж никак не ждавший от своей любимой мамы такого сюрприза, громко взвизгнул, потом взвыл и, брыкая ногами, попытался увернуться от больно жалящего ремешка. Но папа держал его крепко, а мама, равномерно стегая, спокойно приговаривала:

– Так кто твоя мама? Свинья? Вот тебе за свинью! Получи! Получи!

Кирилл рыдал, орал от боли и сквозь обильно льющиеся слезы вопил:

– Нет, нет, мама – не свинья! Не буду больше! Больно! Не свинья!

Завершив порку, мама натянула трусы на его вспухшую и ужасно болевшую попу, прикрыла плотно одеялом и строгим голосом велела:

– Не рыдай! Будешь рыдать – добавлю!

И он, вдруг осознав, что это не пустая угроза, затих и, стараясь молча глотать слезы, понял: за шалости и прочие проступки теперь он точно будет бит!

Назавтра, помирившись с мамой и сладко нарыдавшись от того, что его простили, Кирилл робко спросил:

– Ты меня больше не будешь... ремешком?

– До школы – не буду, разве что за очень плохие поступки. Ну а пойдешь в школу – без ремешка не обойдется. Уж будь уверен!

Пообещав, что никогда и ни за что не совершит того, что огорчает маму, Кирилл ушел в свой уголок и в первый раз задумался о том, что жизнь несправедлива. Оказывается, то, что можно взрослым, детям ни за что нельзя. А почему? Ведь так – нечестно! И он же вовсе не хотел обидеть маму, он только посмеялся! Значит, смеяться над взрослыми тоже нельзя, даже над мамой?

Свою первую порку Кирилл запомнил крепко. Как рассказывала мама много позже, он еще долгое время спустя на вопрос: «Кто твоя мама?» неизменно отвечал: «Не свинья». Но мог ли он тогда представить, что ремешок и розги – причем не только в руках мамы, но и в руках совсем чужих людей, точнее, в руках чужих женщин, – будут свистеть над его задницей еще не один раз.

Однако жизнь – пока веселая и беззаботная – продолжалась как ни в чем не бывало. Он самозабвенно играл в свои игрушки – в разные кубики и камешки, в обкатанные осколки бутылочного стекла и оструганные палочки, в обрезки брусков, а главное – в любимый до самозабвения пистолет, вырезанный отцом из гладкой доски. Других игрушек, не считая нелюбимых – жалких девчоночьих плюшевых собак и медведей, – тогда не было и в помине. Любая сделанная на заводе игрушечная машинка была на вес золота и являлась скорее игрушкой родителей, чем детей. Но Кирилл и не подозревал о существовании подобных машинок – воображение рисовало ему разные события, участником которых непременно был он сам и в которых всегда принимали участие его любимые игрушки.

Гуляя с няней, он болтал без умолку, доводя эту незлобивую женщину до обморочного состояния своими бесконечными вопросами. Его интересовало абсолютно все: откуда берутся собаки и кошки, как могут лошади спать стоя, почему гуси кусаются и почему курица с уже отрубленной головой продолжает бегать по двору? Почему нельзя есть зубной порошок, почему червивые яблоки вкуснее, почему георгины не пахнут? Вопросов была тьма-тьмущая, и ответить на них не представлялось никакой возможности. Но он не унывал. Мир казался ему загадочным и прекрасным, и он до всего хотел дойти сам.

И все-таки была одна проблема, волновавшая Кирилла больше всего, – его собственные длинные белокурые волосы, спускавшиеся локонами до самых плеч. Они, эти волосы, не давали ему покоя ни днем, ни ночью. Но маме и папе они очень нравились, и Кирилл никак не мог уговорить родителей сводить его в парикмахерскую, чтобы наконец-то остричь.

Будучи очень смышленным, не по годам развитым и чрезвычайно разговорчивым ребенком, он не только старался общаться со всеми попадавшимися на его пути людьми, но и разыгрывал в своем воображении сценки и разговаривал с персонажами, встречавшимися ему в книжках. А книжки он любил самозабвенно – и те, которые читала ему мама, и те, которые он очень рано выучился читать сам. Книжек было не так много, но те, что приходили в местный книготорг, мама всеми возможными способами доставала. Кем только не хотел стать Кирилл, подражая книжным героям! И шофером, и пожарником, и летчиком, и моряком. Но ни у кого из них не было столь длинных, до плеч, волос. А это значило, по его мнению, что в их мужскую компанию он – похожий на девчонку – уже никак попасть не мог.

И вот в один прекрасный летний день родители решили внять мольбам Кирилла, и его заветная мечта свершилась. Правда, прежде они всей семьей пошли в городской парк, где

смешной толстый фотограф долго снимал его вместе с родителями. Кирилл же, сгорая от нетерпения, все тянул маму за руку по направлению к заветной цели.

Выскочив уже остриженным из парикмахерской, он совсем обезумел от счастья. Прыгая по выщербленным тротуарным плиткам, он во весь голос кричал: «Я уже не девочка, я мальчик! Мальчик, мальчик!», вызывая своими воплями недоуменные улыбки прохожих. Отец же, понимая радость сына, даже не пытался его уговорить. А мама, утирая слезы, бережно несла в руках легчайший груз – завернутые в тонкую бумагу его золотистые локоны.

Но, как это нередко и бывает, давно желанная и сбывшаяся наконец мечта вдруг обернулась неожиданной неприятностью. Соседские мальчишки, уже школьники, всегда гонявшие Кирилла и обзывавшие его девчонкой, узрев остриженную голову, сказали:

– Раз ты теперь – мальчик, то должен научиться говорить мужские взрослые слова, – и стали демонстрировать ему свои познания в непечатной лексике, те слова, которые Кирилл до сей поры, конечно же, не слышал. С трудом пытаясь повторить набор каких-то новых и для него бессмысленных и диких словосочетаний, он вдруг услышал фразу, понравившуюся своей рифмой: «Звезда – пи...да, звезда – пи...да!» Прекрасно повторив ее и вмиг придя в восторг от своего успеха, Кирилл, подзуживаемый взрослыми проказниками, помчался к маме хвастать новым словом.

Услышав, как Кирилл, радуясь рифме, с восторгом декламирует ей это словосочетание, мама, хлопотавшая на кухне, пришла в ужас и, потеряв контроль, накинута на ничего не понимающего сына:

– Сейчас же прекрати! Не смей говорить это слово! Не смей! Это стыдное слово, его нельзя повторять!

– Но, мамочка! Ведь это так красиво! А что это – пи...да?

– Да замолчи ты, наконец! Не смей повторять эту гадость! Ну, ты получишь у меня! Ох, ты получишь!

Напоминание о порке вмиг охладило пыл Кирилла. Он засопел, насупился, притих и, удивившись *так* кричавшей маме, сказал ей примирительно:

– Ну ладно, я не буду. Меня мальчишки научили. Я же не знал. А ты кричишь.

– Ну, это ты сегодня покричишь! А ну, марш в комнату! И чтобы я тебя не слышала! Уйди!

Вплоть до самого ужина мама не сказала с Кириллом ни слова. А после ужина, когда пришел отец, она молча уложила сына спать и, позвав мужа на кухню, выключила свет.

Кирилл лежал ни жив ни мертв. Он понимал, что мама может выполнить свою угрозу, но так надеялся, что обойдется. Он продолжал надеяться даже тогда, когда зажегся свет. Но услышав скрип дверцы шкафа, понял – не простит. Вскочив с постели, закричал:

– Мамочка, я больше не буду! Честное слово – не буду! Мамочка, миленькая, я не буду!

– Конечно, не будешь. Теперь уж точно не будешь!.. Аркадий!

И все вновь повторилось, как и в прошлый раз. Отплакавшись и отрыдаввшись, Кирилл сказал себе: оказывается, даже маме нельзя говорить обо всем. Дома надо говорить совсем не так, как во дворе с мальчишками. А с гадкими мальчишками – совсем не так, как дома.

3

Договорившись со своими новыми знакомыми о встрече в кафе у известной усадьбы-музея знаменитого художника, Кирилл Аркадьевич вышел пораньше, чтобы хоть немного побродить по хорошо знакомой территории. В дом он заходить не стал, так как вообще не любил посещать дома-музеи. Особенно – бывать в жилых комнатах и спальнях ушедших из жизни великих людей, уж точно не дававших досужим потомкам прав на бесцеремонное вторжение в их быт.

Толчком к такому отношению послужил случайный разговор с хранителем дома-музея А. П. Чехова в Ялте, состоявшийся очень давно, но накрепко засевший в памяти. Немолодая женщина-хранитель рассказала, что некоторые посетители, особенно из-за рубежа, никогда не позволяют себе заходить в спальню писателя. И он хорошо запомнил тот стыд, который охватил его самого, только что вышедшего из чеховской спальни...

Знакомый дом с высокими островерхими пирамидальными выступами и множеством застекленных террас и мансард тихо спал, чуть припорошенный снегом. Сама же территория усадьбы отнюдь не радовала взор. Везде царило если и не запустение, то явное отсутствие хозяйского присмотра. «Конечно, дело не в хранителях, вне всякого сомнения, любящих эту усадьбу, а в элементарном недостатке средств», – подумал про себя Кирилл Аркадьевич и, вспомнив безвкусную тесную россыпь вычурных особняков и замков, выросших недавно вдоль шоссе, со злостью чертыхнулся. Больше всего в этих замках его поражало полное отсутствие зелени и самих жильцов. Сколько раз ни ездил мимо – ни одного жильца так и не заметил.

Высокие сосны и ели, укоризненно качавшие своими верхушками, мерно шумели. От могилы художника, красиво устроенной на невысоком холме, веяло умиротворением и покоем. Слежавшийся пористый снег скрывал те многие хозяйственные недоделки, которые отчетливо бросались в глаза летом, и это как-то примиряло с царившим здесь грустным настроением. Тихонько обойдя усадьбу и мысленно попрощавшись с могилой художника, Кирилл Аркадьевич направился к кафе.

Виктория, Василий и Виталий – они уговорились называть себя без отчеств, но на «вы» – уже сидели за столом, пытаясь вникнуть в меню. В камине полыхал огонь, на огромном телевизионном экране, подвешенном к потолку, бесшумно мелькали картинки, откуда-то лилась тихая музыка. Немногочисленные посетители мирно ели и пили, и вся атмосфера в кафе была очень уютной.

– Ну что, по водочке? Сто пятьдесят? – после дружеских приветствий обратился к собравшимся Василий.

– Нет, что вы, это многовато, – покачал головой Виталий, – по сотке в самый раз будет. И язычок с картошечкой. С лучком и горчицей.

– Нет, нет, я водку не буду, – испуганно замахала руками Виктория, – мне коньячку или ликеру.

– А вы, Кирилл, что будете? – спросил Виталий, откладывая в сторону меню.

– Если позволите, я – виски, – Кирилл улыбнулся Виктории: – Мы будем с вами, Вика, как аристократы. Советую: виски со льдом, плюс эспрессо с горячими сливками.

– А закусить? – спросил разочарованно Василий.

– Ну, и закуску можно, – Кирилл кивнул. – Здесь отварной картофель с белыми грибами очень вкусен.

– Я виски и не пробовала отродясь. Может, действительно рискнуть? – Виктория озорно улыбнулась, но, подумав, отказалась от этой идеи: – Мне рюмку коньяку и, пожалуй, картошки с грибами. Ну и сок, какой есть. Все равно.

– И ладно. А я селедочку возьму, – Василий подозвал официантку и та, приняв заказ, молниеносно принесла приборы, а следом – хлеб, напитки и стаканы с соком.

– Ну что, за счастье как состояние души? По капельке, пока не принесли закуску! – Виталий поднял свою рюмку, и все, последовав его примеру, дружно чокнулись, пригубили и рассмеялись.

– Вообще-то, пить после инфаркта надо осторожно, – Виталий улыбнулся и добавил, – ну разве что по полста граммов в день, не больше.

– У нас в России – там, где пятьдесят, там и трижды по столько, – резонно возразил ему Василий. – Однако если алкоголь хороший, то и по пятьдесят в день – накладно получается. Но расширять сосуды нужно.

Все снова дружно рассмеялись, а Кирилл вспомнил байку про Игоря Стравинского, побывавшего в 1962-м в Ленинграде и удивившего всех тем, что постоянно прикладывался к фляжке. Его спрашивают: «Зачем вы это делаете, Игорь Федорович?» А он: «Сосуды расширяю». Ему резонно возражают: «Они же потом вновь сужаются». А Стравинский, с ехидцей: «Вот я и не даю им сужаться!»

Байка всем очень понравилась, и Виктория, прослезившись от смеха, вдруг изрекла:

– У нас в России – все не по-людски! Жили бы себе спокойно, реформировались помаленьку. Ну, торговлю бы в частные руки отдали, бизнес там малый. А мы – чохом все бухнули этим новоявленным буржуям. И что? Небось китайцы поумнее оказались!

– И не говорите! – пригубив из стакана, Виталий грустно улыбнулся. – Черчилль-то как сказал? «Россия – страна, в которой ничего нельзя! Но если что-то можно – то обязательно!» Какова формулировочка? А? Ведь как точно подмечено!

– Да уж, не поспоришь, – согласился Василий и, пытливо посмотрев на Кирилла, добавил: – Не знаю, как вы, а я эту антисталинскую вакханалию не приветствую. Почему его судят по законам нашего времени? Если уж судить политика – то по законам той эпохи. Понятно, что уса́тый был страшным человеком, монстром. И людей загубил – немерено. Но при нем-то страна развивалась. А теперь что? Ничего отечественного и в помине нет!

Кириллу совсем не хотелось ввязываться в эту дискуссию, но, понимая, что Василий не отстанет, он стал обдумывать ответ. Официантка принесла закуски, и все взялись за ножи и вилки. Но уже после следующего тоста – за детей и внуков! – беседа вновь вернулась в политическое русло:

– Что мы оставим детям? – продолжал Василий. – Буржуазную демократию? Так прав был Ленин, вся она прогнившая насквозь. А до настоящей демократии нам идти и идти. Что молчите, Кирилл?

– Да думаю я, думаю. И у меня вопросов больше, чем ответов. Ну почему у нас в стране законы не работают? То ли законы не те и не на ту почву посажены, то ли люди у нас особые? Не такие, как в Европе. Там ведь украсть – стыдно, а у нас – доблестно. Там наворованное – прячут, а у нас напоказ выставляют. И нет на них управы. А что до Сталина, то я не знаю, что сказать. Слишком двойственная, неоднозначная фигура. Да, как сказал все тот же Черчилль: «Взял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой!» Но ведь миллионы сгноил в лагерях!

– Погодите, Аркадьич, – Виталий, позабыв про уговор, вдруг вспомнил отчество Кирилла: – Я в ПТУ насмотрелся такого, что – к гадалке не ходи – лагеря по новой строить надо! Наркоманов на улице оставлять нельзя. Я поглядел бы, как запел тот умник, что поливает грязью прошлое, если б у него наркоманы ребенка зарезали. Небось, задумался бы, что с беспризорниками делать! Да только у него ребенок в Англии или еще где. А у самого охрана из мордоворотов. Ему-то что! А нам как быть?

– Вот-вот, – позабыв про закуску, вклинился в беседу Василий, – я ведь все время езжу и тоже наблюдаю кое-что. Милиция совсем озверела. Не говорю уж о ГАИ. Люди их боятся больше, чем бандитов. А почему, спрашивается? А потому, что власти нет! Мне президент

с экрана говорит, что всю страну коррупция разъела. Так не мне говорить это надо, а прокурору! И сажать!

– Мужчины, вы чего? Охолонитесь! – растерянно посмотрев на троих разгоряченных собеседников, Виктория подняла рюмку и сказала: – Ведь мы про счастье собирались говорить, а вы в политику ударились. Так и до приступа недалеко. Давайте выпьем, что у нас осталось, и кофейку попросим. Как вы, Кирилл Аркадьич, предлагали? С горячими сливками? Ну же!

Пристыженные мужчины виновато подняли рюмки, чокнулись с Викторией и, выпив все до дна, расхохотались.

– Ну, дети малые, ей богу! – Виктория с победным видом оглядела своих спутников и, тихо рассмеявшись, заявила: – Так я во всем и виновата – завела волюнку. Телевизор смотреть меньше надо!

Но окончательно уговорить мужчин Виктории не удалось. Чуть снизив тон и градус обсуждения, они опять вернулись к больной теме:

– Так счастье в том и состоит, чтобы исполнить все желания! Разве не так, Кирилл Аркадьич? – Виталий, посмотрев в стакан, нахмурился: – Эх, выпить бы как следует! Тут без бутылки не понять – как дальше жить? А детям что сказать? Хотя им не до нас, у них свои заботы. И Сталин им, и Ленин – как Барклай-де-Толли. Что Вторая мировая, что война 1812-го! Что Горбачев, что Ельцин там с Шушкевичем и Кравчуком. Они и знать не знают, как страну делили. В Беловежской пуще. Как вспомню – так мурашки по спине ползут!

– Да ладно, не переживайте! – Кирилл позвал официантку, заказал всем кофе и примирительно добавил: – Что для страны каких-то двадцать лет? Ничто, мгновение. Все утрясется, я уверен. Вон в Англии с какого века существует суд? Ага, с шестнадцатого! А у нас в России крепостное право только в девятнадцатом исчезло. Что ж мы хотим? Быстро только у кошек получается.

– А что, империи разваливаются только для того, чтобы потом воскреснуть, – Василий хохотнул, откинулся на стуле и мечтательно подвел итог беседе: – Вот бы дожить до того дня, когда Евросоюз развалится, а наш, – ну, не советский, пусть по-иному назовут, но все ж союз – воскреснет!

На этом истинно российском пожелании – у соседа горит дом, а нам приятно – их посиделка завершилась. Расплатившись и одевшись, они дружно пошли в санаторий, где их вскоре ждал ужин, телевизор и отход ко сну.

4

Несмотря на поздний час, спать Кириллу Аркадьевичу не хотелось. По всему выходило, что из его затеи сможет выйти толк. Вот уж действительно, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Кто бы мог подумать, что из его собственной жизни можно сделать роман-размышление. А вот поди ж ты! Хотя, конечно, радоваться рано – как говорится, только вошли в прихожую и сняли галоши.

Кирилл Аркадьевич сел в кресло, откинул голову и прикрыл глаза. Яркие, как цветные картинки, воспоминания детства вновь завладели его сознанием. Память выдавала все новые и новые подробности его дошкольной жизни. Такой же жизни, как и у всех его тогдашних сверстников, ну или, точнее, почти как у всех.

С какого-то момента Кирилла стало притягивать к себе пианино, гордо стоявшее в их более чем скромной комнате. И не удивительно. Сколько раз на его памяти отец садился за это пианино и очень здорово пел и играл! Особенно Кириллу нравились те песни, которые отец пел с чувством, прикрывая глаза и не глядя на свои руки, сами находившие нужные клавиши. Как выяснилось, песни были украинскими, а папа родом из столицы Украины. Мама же родилась в Белоруссии, в городе, стоящем на Березине, любимом городе – как узнал много позже Кирилл – Михаэля Самуэльевича Паниковского, а также родине уже упоминавшегося ранее Эфраима Севелы.

В этом городе, где после войны была расквартирована воинская часть отца, мама с папой и познакомились. Он увидел ее в театре, представился, пошел провожать. Мама – девушка бойкая – провожать не советовала: ее ухажеры, здоровенные парни, наверняка поджидавшие ее у ворот, могли папе и накостылять, не посмотрев на лейтенантские погоны. В ответ же папа только улыбнулся, а когда и впрямь навстречу вышли двое бугаев, он просто перебросил их через забор, чем окончательно сразил по-настоящему понравившуюся ему маму.

В этом городе Кирилл и родился. Там же – в своем собственном маленьком доме, каким-то чудом сохранившемся в самом центре города, – проживали и родители мамы – его бабушка и дедушка. Мама говорила Кириллу, что он уже был у них в гостях, но сам Кирилл этого не помнил. Семья же папы жила в Киеве, и папа говорил, что, как только появится возможность, они обязательно навестят его родных.

Так вот за этим пианино, подтаскивая к нему стул, Кирилл стал проводить все больше времени. Он брэнчал, нажимая на разные клавиши; прислушивался к «толстым» и «тонким» звукам, рождавшимся в противоположных концах черно-белой клавиатуры; перебирал своими маленькими пальцами одну клавишу за другой, терпеливо вслушиваясь в то, как затихает звук.

К тому же неожиданно он начал петь. Пел песни бодрые, часто звучавшие из черной тарелки радио; пытался повторять за няней Асей песни грустные, лирические, от которых почему-то хотелось плакать; бездумно повторял подслушанные где-то и не всегда понятные ему частушки. Причем пел очень чисто. Тем тонким, звонким голоском, который у мальчишек называется дискантом.

Отец сиял от счастья. Он всегда мечтал – с момента появления на свет Кирилла – вырастить из сына музыканта. Не самодеятельного, каким он сам, по сути дела, и являлся, а настоящего, высокообразованного профессионала.

Как смог оценить спустя годы Кирилл – отец по части музыки был одарен безмерно. Он играл на скрипке, мандолине и гитаре, всех медных духовых, баяне и аккордеоне, ну и, конечно, на рояле, к которому относился с благоговением. Ведь не случайно из Германии он привез не ковры и посуду, как другие офицеры, а тяжеленное пианино. Кирилл как-то

подслушал: родители ссорились, и мама выговаривала папе за это, упрекая его в бесхозяйственности.

Ноты папа знал, но играл, что называется, по слуху, умея быстро подобрать мелодию и аккомпанемент практически любой песни, услышанной им по радио или в кино. Особенно отец гордился тем, что на фронте – где он был командиром взвода, а потом и батальона 76-миллиметровых пушек, – имея под рукой лишь дряхлую гармошку-двухрядку, умудрялся подбирать все народные песни, которые напевали ему бойцы семи национальностей, служившие под его началом. К тому же отец прекрасно пел красивым низким баритоном и, вечно оказываясь в центре любой компании, всегда предпочитал выпивке и преферансу – игру на пианино, пение и танцы.

К музыке отец пришел довольно рано – лет с шести, и по достаточно трагическому случаю. В их доме, расположенном в беднейшем киевском районе – на Подоле, жил столяр, хорошо игравший на скрипке. Он летом часто выходил во двор и радовал своей игрой соседей, собиравшихся там посудачить, а заодно и подивиться на талантливого скрипача. В толпе верных слушателей, как водится, были и дети, среди которых тот и заметил Аркадия – будущего отца Кирилла.

И когда со столяром произошло несчастье – на работе ему оторвало руку, – он, вернувшись из больницы, подарил Аркаше свою скрипку, пообещав и научить его играть. Но поскольку Аркаша был мал, а скрипка – большая, то столяр одной рукой выдолбил в одной из стен двора выемку, куда Аркаша и укладывал гриф скрипки, пока учился играть. Аркаша рос, и над первой выемкой в стене появилась вторая, а затем и третья. Ну а потом, когда Аркадий вырос, выемки ему уж больше не понадобились – он мог держать скрипку сам и радовать своего учителя удивительными успехами.

Шли годы, и отец Кирилла, сам научившийся играть на многих инструментах, хоть и мечтал стать профессиональным музыкантом, но не смог. Семья была большой, и ни о какой учебе не велось и речи – не то что учить, кормить всех было нечем. И отец стал военным, поступив в шестнадцать лет в артиллерийское училище, а в восемнадцать – получив погоны младшего лейтенанта – отправился на фронт.

О том, как он научился играть на рояле, отец сам всегда рассказывал как о легенде. А дело было так. Попав после ранения обеих ног в московский госпиталь, он впервые увидел вблизи этот чудо-инструмент – большой кабинетный «Бехштейн», стоявший в холле первого этажа, недалеко от вахты. Отец играл немного на аккордеоне, но к роялю, до того момента, не подходил ни разу. И вот, передвигаясь на коляске, он часто подъезжал к «Бехштейну» и, применяя уже имевшиеся навыки игры на аккордеоне, пытался что-то наигрывать и на этом новом для себя инструменте.

По счастью, в том госпитале в военные годы служил вахтером отец известной пианистки Марии Гринберг. Она же часто приходила навестить своего отца, да и, наверное, немного подкормиться. И вот, увидев как-то молодого лейтенанта, насилующего «Бехштейн», она не выдержала, подошла и что-то подсказала в плане правильной организации движений рук. Каково же было ее удивление, когда, придя в следующий раз, она воочию убедилась, что лейтенантик, вняв ее советам, значительно продвинулся вперед. И тут она, обрадовавшись, похвалила начинающего пианиста и пообещала дать ему несколько уроков. И обещание свое сдержала. А так как лейтенант, участвующий в госпитальной самодеятельности, был нужен всем – особенно начальству, его и постарались придержать гораздо дольше, чем требовалось для окончательного излечения. Уроки с Гринберг продолжались, и кончилось все тем, что даже музыканты-профессионалы, слышавшие игру папы, не сразу верили тому, что он никогда и нигде не учился.

Вот каким был отец у Кирилла! И надо ли говорить, как Кирилл им гордился и как хотел порадовать своими успехами. А потому и в музыкальную школу, задолго до общеоб-

разовательной, пошел с большой охотой. Ему там нравилось все – и его учительница Вера Кузьминична Рачковская, и большая, с толстыми картонными обложками «Школа игры на фортепиано» какого-то А. А. Николаева, и участие в репетициях хора.

Не нравилось ему только сольфеджио. Зачем, не понимал он, нужно писать ноты в тетрадке, когда они и так уже напечатаны, и зачем нужно петь, называя ноты, а не слова. Честно говоря, нелюбовь к сольфеджио в дальнейшем отрицательно сказалась на его училищной и консерваторской учебе – вероятно, в маленьком провинциальном городке преподавание этого важнейшего для музыканта предмета велось из рук вон плохо. И еще ему очень не нравилась его нотная папка – черная, большая, с витыми ручками и тесемками по бокам, с вытесненной на одной из крышек смешной лирой. Он терпеть не мог носить ее в руках – тяжелая папка волочилась по земле, и все прохожие прекрасно видели, что вот, мол, – идет маменькин сынок в свою музыкальную школу. Этого он почему-то стеснялся.

А вот игра на пианино ему нравилась, и он самозабвенно разучивал одну красивую пьеску за другой, стараясь держать пальцы так, как велела ему Вера Кузьминична – круглыми, как яблочко. И даже много лет спустя, сам обучая малышей игре на фортепиано, отчетливо припоминал, какими трогательными ему тогда казались те же пьесы – и «Василек», и «Девушка зарученная», и «На горе, горе», и «В садике», и многие, многие другие, слава богу, сохранившиеся в педагогическом репертуаре до сих пор.

Мама тоже очень радовалась его успехам, хотя сама к музыке не имела никакого отношения. Как говорил папа: «Рите медведь на ухо наступил», и все почему-то громко смеялись. Мама на это не сердилась и даже, сидя дома за тетрадками учеников, сама часто, правда, очень фальшиво, напевала – он это хорошо запомнил – одну и ту же песню: «Хо-ро-ша-а страна-а Болга-рия, а-а Россия лучше всех!» И всегда это было очень смешно и весело.

А еще он стал больше читать – особенно стихи. Раньше их ему читала мама, а теперь он и сам мог брать книжки Агнии Барто, Сергея Михалкова, Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Бориса Житкова и других детских поэтов, и наслаждаться той своеобразной музыкой, которая как бы сама собой рождалась при чтении этих стихов вслух. Но самым любимым поэтом Кирилла был Александр Пушкин. Его сказки и другие стихи нравились ему чрезвычайно. Множество стихов он знал наизусть и мог декламировать их по первой же просьбе. Кирилл даже пытался сам сочинять стихи, но у него, конечно, ничего не получалось. Но он не огорчился – был уверен, что, когда пойдет в школу, всему научится там.

Однажды осенью мама сказала Кириллу, что у него скоро появится братик или сестричка. Кто именно, она не знает, но разве это важно? Конечно, не важно, ответил Кирилл, но про себя подумал, что важно другое – мама станет возиться с маленьким, а он, Кирилл, уйдет на второй план. Он часто видел маленьких детей в колясках, и видел, как их мамы возились с ними и сюсюкали. Видеть это было противно, и он даже представить себе не мог, где поместится кроватка малыша, куда встанет его коляска, и вообще – как они станут дальше жить. Но делать было нечего – надо было привыкать к этой новости и как-то подготовиться. Как именно готовиться, он не знал, но про себя подумал, что лучше бы был братик – девчонок он вообще терпеть не мог. А братика он смог бы защищать, показывать ему свои игрушки и даже, может быть, отдал бы ему свой пистолет. А папу попросил бы сделать новый, так как этот потерял уже прежнюю привлекательность и был не очень-то похож на настоящий.

А настоящий папин пистолет он недавно видел, и даже подержал в руках. Черный, тяжелый, с рифленой рукояткой, он был похож на хищного зверя. Покачав его двумя руками, Кирилл счел за лучшее отдать его обратно папе. Как говорила мама, «от греха подальше». А началось все с громкого скандала, когда случайно, роясь в тумбочке, мама нашла там коробку с патронами от папиного пистолета. Что началось! Кирилл даже подумал, что папе тоже попадет тем белым ремешком. Но обошлось.

А кончилось все тем, что папа, смущенно смеясь и оправдываясь, взял коробку, присел с ней перед печкой, и, вынимая из коробки патрон за патроном, каким-то образом стал вытаскивать из гильз пули, а порох высыпать на медный лист, прибитый перед печной дверцей к полу. Затем он маленькими порциями жег порох в печке, а мама, заткнув уши, чтобы не слышать пороховых вспышек, кричала, что он взорвет весь дом, и что война давно уже закончилась, а он, как маленький, не может наиграться. Кириллу все это ужасно нравилось – и то, что ругают не только его, но и папу, а главное – то, что папа, убрав в планшет гильзы, отдал ему – Кириллу – все пули. О таком сокровище он и помыслить не мог, хотя мама так и не поверила, что пули, сами по себе, не представляют никакой опасности, и все хотела их у него забрать. Но папа защитил его и даже дал потрогать свой командирский пистолет.

А вскоре, как раз после Нового года, маму увезли в роддом, откуда она вернулась уже с братиком – Костиком. Он был весь сморщенный, но уже волосатый и, как говорили взрослые, очень упитанный и крупный. Конечно, жизнь Кирилла изменилась. Вместо няни Аси в доме появилась тетя Оля. Она помогала маме нянчить Костика, вела домашнее хозяйство и как-то очень быстро вошла в их семью. Папа по-прежнему пропадал на службе, мама была дома и не ходила на работу, Костик рос тихим и смирным, и Кирилл, познакомившись поближе с тетей Олей, решил, что ему повезло.

Тетя Оля не пела песен, как Ася, но зато регулярно ходила молиться, причем и в церковь, и в костел. Как она объяснила, два ее покойных мужа были разной веры – один из них был православным, а второй – католиком. Вот она и молилась: за упокой души одного – в церкви, а за упокой другого – в костеле. И, к удивлению Кирилла, мама разрешила тете Оле брать его с собой. Он до этого ни разу не был в храмах, хотя и знал, где они находятся.

После первых посещений церкви и костела Кирилл захлеб рассказывал о том, что там увидел. Ему понравилось в костеле больше, хотя и в церкви было интересно. Узнав об этом, папа очень удивился и сказал, что вера в бога – это глупость. Во всяком случае сегодня, в наше время. А вот, как сказал папа, в древности у храмов было очень много функций: они служили людям и музеем, и театром, и концертным залом. Ходить сегодня в церковь – стыдно, но если очень хочется – то с тетей Олей можно. На том и порешили. Но очень скоро Кириллу это надоело, и он стал оставаться дома. А вот когда подрос Костик, то он часто с тетей Олей ходил в церковь и, возвращаясь оттуда, очень смешно, подражая попу, гнусавил: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа – ами-и-инь!»

Вообще, как говорила мама, с Костиком оказалось меньше хлопот, чем с Кириллом. Он рос спокойным, уравновешенным ребенком, мог часами не сходить с одного места, тихо и самозабвенно играя со своими игрушками. Одно лишь волновало маму – Костик рос искусственником, то есть слишком рано отказался от груди. В отличие от Костика, Кирилл сосал мамину грудь чуть ли не до полутора лет. Как вспоминала мама, маленький Кирилл поступал очень подло – наевшись, обязательно кусал ее сосок, благо зубы у него уже выросли большие.

Надо сказать, что Кирилл с каждым днем узнавал о своей прошлой жизни все новые и новые подробности. К примеру, мама рассказала, что когда Кирилл родился, то в горле у него образовалась опухоль. Его прооперировали, но если бабушка бы не купила на базаре – за сумасшедшие деньги – только что появившийся пенициллин, то еще неизвестно, выжил ли бы он. И показала ему в зеркале чуть видный шрам под левым ухом, о котором раньше он и не подозревал. И добавила, что маленький Кирилл, даже когда начал ходить, еще долго склонял головку к левому плечу.

А те деньги они с бабушкой, в буквальном смысле, выкопали из-под земли. Точнее, не сами деньги, а массивную золотую брошку, которую нашли, копая грядки у своего дома. Они тогда только вернулись из Свердловска, где провели годы войны в эвакуации, и у них, кроме документов и кой-какой одежды, совсем ничего не было. Эта брошка просто спасла их в те

годы. На вырученные от продажи брошки деньги они потом с папой и свадьбу справили, и пенициллин для Кирилла купили.

А много лет спустя, когда отца уже не было в живых, мама рассказала Кириллу и о том, с какими приключениями она его рожала. Сразу после родов у нее открылось обильное кровотечение. Будучи неопытной молодой девушкой и думая, что так и надо, она об этом молчала. Счастье, что сестры заметили. Поднялась суета, никто не знал что делать, пока не прибежал их главный хирург-гинеколог. Недолго думая, он засучил рукав халата до локтя, густо намазал руку йодом и засунул ее маме в то место, каким она Кирилла и рожала. Так, чудом, мама выжила. Как, впрочем, и Кирилл.

5

Кирилл Аркадьевич провел рукой по глазам, словно отгоняя наваждение. Давно уж нет на этом свете ни папы, ни мамы, а они стоят перед глазами, как живые – молодые, красивые, – и будто пытаются ему что-то сказать. «Господи! Как мы зависим от родителей! И как давно я не был на их общей могиле!»

Он не любил ездить на кладбище к родителям. Во-первых, Белоруссия – не ближний край, а во-вторых, он долго и нехорошо болел после таких поездок. Угнетало многое – и собственная черствость – вполне осознанное отсутствие чувства сыновнего долга; и заброшенность старых надгробий; и естественная неухоженность родной могилы. А главное – неуместно кричащая, нагло бьющая в глаза роскошь многих новых могил – неважно, деятелей ли местного масштаба, погибших ли на Кавказе офицеров или крутых бандитов.

Ему нравились те кладбища, которые он видел в американских фильмах – скромные, однотипные столбики с указанием лишь имени и дат рождения и смерти. «Ведь память об ушедших – в сердце, а не в квитанциях из похоронного бюро», – он часто говорил это друзьям, но те с ним редко соглашались.

«Так что же было дальше? – он задумался. – А дальше были похороны Сталина, так круто изменившие всю жизнь страны». Кирилл Аркадьевич включил электрочайник, достал из холодильника варенье и, дожидаясь, пока вскипит вода, вдруг вспомнил тот болгарский конфитюр, который в юности черпал прямо из жестяной банки, ложкой, за что ему нещадно попадало. Но все равно, не было ничего слаще, чем банка конфитюра – яблочного ли, вишневого ли, абрикосового, – батон горчичной булки и книга, оторваться от которой было невозможно. И вспомнил, как восторженно прочел в какой-то повести Михаила Анчарова еще одну формулировку счастья: «Счастье – это большой-большой диван, большой-большой арбуз и “Три мушкетера”, которые бы никогда не кончались!»

Те траурные мероприятия, которые прошли у них в связи с кончиной Сталина, он помнил хорошо. Их городок в мгновение ока стал черно-красным. Все плакали, несли венки к бюсту вождя и спрашивали друг у друга: «Как будем жить? Что делать? Что же с нами будет?» Казалось, наступил вдруг конец света. Растерянные люди искали утешения где только можно – кто у соседей, кто у начальства, кто у коллег. Но никто не мог дать вразумительного ответа ни на один вопрос.

Мама не плакала. Все спрашивали у нее:

– Рит, почему не плачешь?

– Не знаю, слез нет, – отвечала мама, отводя глаза.

Папа был мрачен, молчалив и серьезен.

Кирилл не знал, да и не мог знать, как родители восприняли смерть Сталина. Похоже было, что не очень-то печалась. Но почему же тогда отец умел в одно касание рисовать профиль вождя? Да так похоже, что становилось страшно!

Прошло немного времени. И неожиданно жизнь вновь переменилась. Все стали улыбаться, ходить в гости, мерить шляпки. На улицах запахло духами, из окон домов, как раньше, стали раздаваться звуки патефонов. Долгожданная весна влетела в город, как на крыльях.

Однако все не просто в этом мире – с весной пришли и новые проблемы. Кирилл вдруг заболел желтухой, и надо было срочно что-то делать. Хотя слова «гепатит» тогда не знали, инфекционную опасность желтухи все хорошо представляли. Известны были и возможные последствия болезни.

Мама чуть не сошла с ума. Она спала с лица и судорожно металась от одного врача к другому. Методика ее была проста, как дважды два. Приглашая трех врачей, одного за дру-

гим, мама успокаивалась лишь тогда, когда у всех троих диагноз и способы лечения совпадали. Если же у этих врачей появлялись разногласия, она звала следующих троих.

Желтуха, к счастью, оказалась в легкой форме. Кирилл недолго полежал в больнице, и за это время мама выбила путевку в санаторий. В Железноводск – один из лучших курортов Кавказских Минеральных Вод. Когда дело касалось детей, мама творила чудеса.

Но путевка была только для ребенка. Что делать? Ехать все же надо! И на семейном совете решили: туда Кирилла отвезет отец – у него складывалось по службе, а вот обратно его заберет дедушка – мамин папа, и отвезет в город на Березине. А уж к осени папа заберет его оттуда. Маме никуда от Костика было не деться, и она металась по квартире, как тигрица. Ну как же! Ее сын будет один и без присмотра. С другой же стороны, Кирилл уже большой и развитый ребенок, читать-писать умеет, общителен не по годам, не пропадет! Ну не отказываться же от санатория? Желтуха – вещь коварная, возможны осложнения, шутить с этим нельзя.

От перевозбуждения и возложенной на него взрослой ответственности Кирилл плохо запомнил это путешествие. Остались в памяти лишь помещения вокзалов в Минске и в Москве, с большими деревянными диванами и вырезанными на них буквами МПС, запах паровозной гари, вагон-ресторан и трехлитровая банка вкуснейшего сливового компота, которую они с папой купили на каком-то полустанке.

Когда приехали в Железноводск, Кирилл вмиг понял, что попал в сказку. Такой приветливой природы, таких гор, таких деревьев и кустов он никогда не видел. Красота вокруг была неопиcуемая, и пахло так вкусно, что хотелось нюхать воздух днем и ночью. Такими же приветливыми оказались и врачи, и нянечки. Условия были царские – по три человека в палате, да и ребята подошлись неплохие.

Попрощавшись с отцом и немного поплавав, Кирилл быстро успокоился и с головой ушел в санаторную жизнь. Углекислые ванны и грязи, да и прочие-иные процедуры были необременительны. Свободного времени хватало, и он увлекся лепкой. Как оказалось, он мог из пластилина слепить и лошадь, и собаку. Но, почему-то, все лепили фотоаппараты – «лейки» и как бы понарошку все вокруг снимали.

Набегавшись, он даже забывал, что обещал писать по одному, пускай короткому, письму, но каждый день. Для этой цели у него с собой были карандаши, конверты с маркой и бумага. Он навсегда запомнил запах тех конвертов, в которые укладывал написанные маме с папой письма. Мама их потом долго хранила и однажды, показав ему, почему-то долго плакала и гладила его по голове.

Когда за ним приехал дедушка, он даже огорчился – так не хотелось уезжать. Дедушка был старенький, смешной и очень добрый. Кирилл его не помнил, но, судя по тому, как дедушка с ним разговаривал, он про Кирилла и про его семью знал очень много.

Тот город на Березине, в котором жили дедушка и бабушка, показался Кириллу большим и нарядным. Вдоль тротуаров на центральной улице росли густые кусты и деревья; в красивых магазинах было полно покупателей; множество праздных людей сидело в садах и скверах на скамейках. В главном парке, на высоком постаменте, стоял танк; в центре, в магазине «Пиво – воды», продавали вкусную шипучку с сиропом; а по вечерам большие желто-красные автобусы мигали разноцветными огоньками. Именно здесь, в этом городе, раньше жила его мама, именно здесь она встретила с папой, а потом родила и его – Кирилла. А значит, этот город был и его родиной.

Бабушка и дедушка жили в деревянном доме с приусадебным участком. Дом стоял поодаль от центральной улицы, проход к которой был огорожен высоким глухим забором. На участке росли овощи – морковь, огурцы, помидоры, старые яблоневые деревья и множество цветов, среди которых Кирилл сразу же узнал свои любимые флоксы. А еще там был сарай с большой кухней, где и проходила летом жизнь семьи; в будке у забора жил Джульбарс –

сердитый овчар, весь день, до вечера, сидевший на цепи; был еще кот Мурзик, совсем не боявшийся Джильбарса и ловко воровавший все съестное со стола.

В доме, состоявшем из двух комнат и кухни с русской печью, было тихо и прохладно. Громко тикали красивые настенные часы, каждый час отбивавшие время глухими ударами. В большой комнате стоял громоздкий диван, никелированная кровать и швейная машинка «Зингер». Еще имелось четыре стула, продавленное кресло и большой стол, на котором всегда стояла круглая большая пепельница из синего стекла с выдавленной на дне балериной. В маленькой комнате стояли две кровати, шкаф и стулья. Под окном этой комнаты, в которой и стал жить Кирилл, росли вишневые деревья, кусты малины и крыжовника и, незнакомые Кириллу, цветы табака, так восхитительно пахнувшие по вечерам.

В таком комфорте, в такой роскоши Кирилл еще не жил. Но удивило, и даже поразило, его вовсе не это. Прежде всего, удивила бабушкина еда – непривычно жирная, но в то же время очень вкусная. Удивило и то, как эта еда называлась. Тушеная морковь почему-то называлась «цимес», прозрачный куриный бульон со всякими мучными штучками – «фарфелах», фаршированная чем-то вкусным рыба – «фиш», а медовая коврижка – «лэках».

Но больше всего поразило его то, как непривычно разговаривали бабушка и дедушка – удивительно протяжно и напевно, с поднимающимися куда-то вверх вопросительными интонациями в конце каждой фразы. Также говорили и их многочисленные знакомые, повадившиеся заходить к ним в гости с одной лишь целью – посмотреть на Ритино сына. Иногда они общались меж собой на непонятном языке – чуть-чуть визгливом и картавом, который слышать до сих пор Кириллу никогда не приходилось.

Когда Кирилл спросил об этом дедушку, тот засмеялся и сказал, что так говорят все евреи.

– А кто это, евреи?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Ох, Дора! – Дедушка всплеснул руками. – Кирилл не знает про свою национальность! Азохэн вэй! Мне это нравится! Ну Рита! Ну совсем мишугинэ! Шлимазл! И как тебе все это, а?

– Ну так узнает! – смеясь и вытирая руки фартуком, бабушка спросила у Кирилла:

– Разве мама никогда не говорила, что мы – евреи? Нет? – она присела у стола, сняла очки и покачала головой. – И мы, и мама, и твой папа, и ты, и ваш Костик. Да, евреи. Есть русские, есть украинцы, белорусы, есть грузины, есть цыгане. Ну, там, поляки есть, и немцы, и американцы. А есть евреи. Разве ты не знаешь?

– Про немцев знаю, про американцев и про русских знаю. А про евреев – нет. А кто они такие? – Кирилл насупился, подумал: «Что-то здесь не то. Не знаю я ни про каких евреев, но маму-то зачем ругать?»

– В нашей стране живут люди многих наций, – дедушка многозначительно поднял указательный палец, – и у каждой нации есть свой язык. И своя культура. Вот пойдешь скоро в школу – там все узнаешь!

– Да, в школе он таки много узнает, – саркастически усмехнувшись, бабушка сказала тоном, не терпящим возражений: – Вот ты, Арон – умный, ты и расскажи. Он уже взрослый, должен знать, что и откуда. А я пойду уж, сами разбирайтесь!

Но дедушка рассказывать не стал, сказав, что он подумает сначала, а потом расскажет.

Вообще-то бабушка и дедушка понравились Кириллу. По будням дедушка уходил на завод пищевых концентратов, где работал на складе, но в выходные, собираясь в магазины, всегда брал его с собой. Они вместе стояли в очередях за колбасой, так понравившейся Кириллу, вместе ходили в керосиновую лавку, к каким-то родственникам и знакомым в гости. Бабушка же никуда не выходила, находя себе работу то на огородных грядках, то на летней

кухне, то в доме – полола, готовила, что-то шила на машинке. У нее были красивые седые волосы, заколотые гребнем на затылке, круглые очки и вечный фартук, который, казалось, она никогда не снимала.

Дедушка же одевался франтовато. Он носил недорогой темный костюм, жилетку, светлую рубашку с галстуком в горошек и такую же кепку, как Ленин, на которого дедушка был удивительно похож. У него была такая же, как у вождя пролетариата, лысина, такие же усы и борода. «Может быть, Ленин – тоже еврей, – подумал Кирилл, в очередной раз удивившись тому, как похож его невысокий, щуплый дедушка на великого вождя революции, облик которого был хорошо знаком Кириллу по различным картинкам. – Скорей бы уж дедушка рассказал про евреев».

Ждать пришлось недолго. В ближайший выходной, усадив Кирилла в кресло, дедушка спросил:

– Ты знаешь слово «жид»?

– Да, знаю. Меня жиденком обзывали. Я спросил у мамы, что это, а она сказала – глупость, не обращай внимания и не приставай. Я и не стал. Мне за слова уже попадало. Хватит.

– Так вот, «жид» – от немецкого слова «юде», то есть «еврей». Это просто обидное прозвище.

– А обзывают только евреев?

– Ну что ты, совсем-таки нет. Немцев называют «фрицами» или «гансами», поляков – « пшеками », украинцев – « хохлами », американцев – « янки » или « гринго ».

– И они не обижаются?

– Ну, как же, держи карман шире, еще как обижаются!

– А евреи?

– Если умные – то нет. Зачем обижаться на дураков? Не надо обращать внимания, тогда отстанут.

– А Ленин был тоже еврей?

– Да нет, с чего ты взял?

– А ты на него очень похож.

Дед очень удивился, задумался и, почесав в затылке, улыбнулся:

– Похож? Вот не знал. Хотя все может быть. Но только Ленин говорил, что в будущем евреи растворятся в тех народах, с которыми живут, и вообще понятие национальности исчезнет. Вот ты, быть может, доживешь!

– А у евреев есть своя страна?

– Своя-то уже есть, но маленькая. Вот в этом вся загвоздка! Евреев в мире не так много. Но живут они везде, во многих странах. Так уж получилось.

– А как получилось? Расскажи.

– Так слушай! – дед взял из пачки папиросу «Север», закурил бумажный мундштук, вкусно раскурил, выпустил дым и начал: – В совсем стародавние времена евреи жили в Африке, в Египте. Их было мало, но потом число евреев сильно увеличилось. Они были очень талантливы и трудолюбивы, собирали большие урожаи, в общем, стали жить много лучше, чем египтяне. И фараону – царю Египта, это очень не понравилось: он приказал поработить всех евреев. И тут над евреями начались страшные издевательства – их били, заставляли делать всю черную работу, не давали учиться и заниматься тем, что они хорошо умели делать, – дедушка перевел дух и продолжил рассказ:

– Так прошло много лет, пока на свет не появился мальчик – Моисей, будущий вождь евреев. Он совсем маленьким попал в семью богатых египтян, получил хорошее образование, но всегда помнил, что он – еврей. И так переживал за свой народ, что ушел надолго жить в пустыню. А в это время в Египте начались страшные бедствия – люди стали сильно болеть и умирать. Умирили и совсем маленькие дети. Но только дети египтян – а дети евреев

почему-то не умирали. И тогда Моисей пришел к фараону и попросил отпустить всех евреев из Египта, сказав, что пока не отпустит – бедствия не прекратятся. Фараон сначала испугался и отпустил. А потом передумал и послал за ушедшими евреями свое войско, чтобы вернуть всех назад. Солдаты настигли евреев у берега Красного моря, но тут произошло чудо – море расступилось перед евреями, а перед египетским войском волны снова сомкнулись. Так евреи и спаслись, – затянувшись папиросой, дедушка закашлялся и спросил Кирилла: – Я понятно рассказываю?

– Да, понятно. Даже очень интересно. А что было дальше?

– А дальше Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, чтобы они совсем забыли про свое прошлое рабство. Бог посылал им воду и еду – манну небесную. В честь той еды потом евреи стали печь мацу – ты ее с бульоном ел, помнишь? Ну а потом евреи разбрелись по всему свету и стали жить в разных странах. И в нашей стране тоже. Просто евреи – очень талантливый народ – не пьющий, не гуляющий, а занимающийся своим делом.

– А каким делом?

– Евреи всегда занимались торговлей – это у них очень хорошо получалось. Почему? А потому, что такие же, как они, евреи жили в разных странах, и им было легко между собой общаться. Ну, а потом, евреи всегда были очень хорошими врачами и музыкантами. И у нас в Советском Союзе очень много талантливых евреев-музыкантов, их все знают и очень уважают.

– Деда, а ты в Бога веришь?

– Верю, Бог все видит и все знает.

– А бабушка?

– Бабушка не верит, но за это ее Бог накажет.

– А как?

– Их вэй, кто знает? Никто не знает.

– Но мои папа и мама тоже в Бога не верят. И я не верю.

– А им и не надо. И тебе не надо. Это надо старым людям. Молодым ни к чему. Вот станешь стареньким, может быть, тоже согласишься. А пока не надо. Надо только всегда помнить, что Бог есть. Кто об этом забывает – тому счастья не видать!

– А язык, на котором вы все говорите? Еврейский?

– Да, еврейский. И называется он идиш. Этот язык очень похож на немецкий – видно, те евреи, что пришли когда-то в нашу страну, раньше жили в Германии. Есть еще один язык – древнееврейский. На нем говорили и писали книги в очень давние времена. И называется он – иврит.

– А ты его знаешь?

– Я – да.

– А бабушка?

– А бабушка не знает. И мама твоя не знает. Это трудный язык, надо долго учиться. Тебе он не нужен, да и идиш не нужен. А то от акцента потом не избавишься. Очень вредный акцент, прилипчивый, неисправимый.

На этом их беседа завершилась. Кто такой «акцент» – Кирилл не понял, но это его и не волновало. Главное – он понял про евреев. Выбравшись из кресла, он со всех ног побежал в огород, чтобы вытащить из грядки несколько морковок. Бабушка их потом мыла, затем терла на терке и выжимала натертое через марлю в стакан. Получался вкусный сладкий сок, который Кириллу очень нравился. Жаль только, что больше одного стакана в день бабушка ему не давала – говорила, желтуха начнется. «Странно, – думал про себя Кирилл, – у меня уже была желтуха, но вовсе не от морковного сока – я и не пил-то его дома никогда».

Лето стремительно бежало к осени. Скоро уже должен был приехать папа и забрать Кирилла.

За лето Кирилл вырос, возмужал, стал сдержаннее. А главное – он подружился с Джульбарсом. По вечерам, когда того спускали с цепи, он сначала бегал между грядками – к этому Джульбарса долго приучала бабушка, не позволяя ему портить посевы, – а потом усаживался у крыльца, на ступеньках которого его уже поджидал Кирилл. Джульбарс высовывал длинный язык, шумно дышал, чутко прислушиваясь к малейшему постороннему шуму, и милостиво давал Кириллу себя гладить. И нередко они долго сидели, тесно прижавшись, и Кириллу казалось, что такого друга у него уже никогда больше не будет. С этого лета Кирилл стал мечтать о том дне – самом счастливом, как ему казалось, в его жизни, – когда у него появится своя, похожая на Джульбарса, собака. И всю последующую жизнь слово «собака» – в первую очередь и неизменно – ассоциировалось у него с овчаркой.

А еще Кирилл привык и даже полюбил смешные дедушкины выражения, которыми тот пользовался в шутку, как бы давая понять, что он – настоящий еврей: «Держи карман шире!», «Не дрожи стол!», «Спи скорей, мне подушка нужна!» или «Об чем речь? Об шкаф?» Но больше всего Кирилл любил, когда дедушка, сердясь, ворчливо приговаривал: «Черт его бога душу матери знает!» Это было действительно смешно, и все всегда весело смеялись.

В общем, когда Кирилл вернулся к маме, та его просто не узнала. И не потому, что он сильно изменился – вырос и поумнел, а из-за того, *как* он стал говорить:

– Боже мой! Что с тобой стало! Откуда этот акцент? Почему ты поешь в конце каждого слова?! – запричитала мама и, обратившись к папе, ехидно спросила:

– Аркадий, ты слышишь, как говорит твой сын? Это же ходячее пособие по антисемитизму. Что с ним сделали мои родители? Как мы будем жить? – и, горестно всплеснув руками, добавила: – Был бы чужой, так посмеялась! А что делать со своим?

– Перестань, Ритуль, – ответил папа, – все образуется. Не пройдет и недели, как акцент исчезнет.

А Кирилл вдруг понял, что такое – «акцент». Он стал произносить слова, как дедушка, а нужно так, как мама.

– Мамочка, – закричал он, – я исправлюсь! Я буду говорить как надо! Я же слышу! Я все слышу!

– Золотце ты мое, ненаглядное! – мама обняла его, прижала к себе и, поцеловав в макушку, одновременно заплакала и засмеялась.

И Кириллу стало так хорошо и сладко на душе, как, наверное, никогда еще и не было в его жизни.

6

Проснувшись поздно, Кирилл Аркадьевич решил, что не пойдет на завтрак. Голова слегка болела, и он, умывшись и поставив чайник, подумал с грустью: «Ну вот, чуть засидишься, и привет – башка раскалывается и вообще неймется. А раньше-то как было здорово! Сидишь до трех, до четырех, а утром – хоть бы хны! Нет чтобы тогда заняться литературой, а не писанием в газеты! Да что уж там, проехали!»

Побрившись и попив чайку, Кирилл Аркадьевич принял прописанные лекарства, оделся и вышел на улицу. Солнце сияло, воздух был прозрачен, и на чуть колышущемся от ветерка заливе весь горизонт просматривался как на ладони. И все же украшение пейзажа – это сосны, стволы которых в солнечных лучах приобретали цвет чуть загорелой кожи, которую хотелось и потрогать, и погладить.

Поднявшись к соснам, он пошел тихонько по затвердевшему песку, припоминая, как гулял здесь летом, по щиколотку проваливаясь в рыхлую смесь песка и сосновых иголок, с трудом вытягивая ноги из этой смеси и с наслаждением вдыхая запах смолы. «Удивительное место! В любое время года – благодать!»

Придя к обеду вовремя, он, к удивлению, застал всех сотрапезников уже собравшимися и уставившимися на него с волнением:

– Куда вы запропастились, Кирилл? – спросил Василий с упреком. – Мы за завтраком не знали, что и думать.

– Тут ночью женщине одной так плохо стало, что ее в больницу увезли. Мы и заволновались. Вас нет за завтраком и нет, – Виктория смешно затараторила, пытаясь объяснить их трогательную озабоченность утранным отсутствием Кирилла.

– Да уж, не шутите так, Кирилл! Предупреждайте, если шуры-муры или, там, амурсы подвернулись. Мы пойдем, – хохотнул Виталий, и все собравшиеся его дружно поддержали.

– Простите, ради бога, меня грешного! Какие там амурсы!? – Кирилл Аркадьевич улыбнулся. – Да засиделся просто. Воспоминания нахлынули, чайку попил, папу с мамой вспомнил. Ну, а насчет амуров?.. Когда после инфаркта, первого, выписывался, спросил у доктора: «А сексом-то заниматься можно?» А та смеется: «Конечно, если сможете!»

– Ну и как, смогли? – Василий подмигнул, но было ясно, что вопрос серьезный и волнует всех.

– По-разному, Василий, по-разному. Как говорится, раз на раз не приходится. Не при дамах, пардон, будет сказано.

– Ах, оставьте, Кирилл. «Не при дамах!», – Виктория передразнила, подбоченившись. – А вот на «Эхе Москвы», к примеру, только дамы и ведут беседы о простатите, дисфункциях и преждевременном, ах, семяизвержении. Да с таким толком, знаете, со знанием дела! Я не о врачах, я о ведущих. Понимаю, что реклама, но тем не менее.

– Да слышали мы, и не раз, – засмеялись мужчины, смущенно поглядывая друг на друга.

– А знаете, мой знакомый уролог говорит, что лучшее лечение простатита – мастурбация! – сказав это, Кирилл пожал плечами и с удовольствием присоединился к взрыву смеха, раздававшемуся за столом.

– Ой, чуть полегче, мальчики! Тут санаторий все-таки сердечный, а не сексологический! Хотя не знаю, есть такие? Нет? – Виктория, смеясь, тихонечко сказала: – На нас внимание уже обращают, неудобно. Давайте-ка обедать! Потом поговорим.

Все дружно принялись за еду, но разговор не прекратился:

– Послушайте, у меня идея! – Кирилл поправил воротник рубашки, помолчал, нахмурился и вдруг продекламировал, хоть и не пятистопным ямбом: – Я виноват, заставил волно-

ваться. Хочу вино я искупить. И приглашаю всех в свою палату. Немножечко чайку попить. После обеда, как бы на фиесту. Что это значит, я не знаю сам. Но обещаю: виски, фрукты, сласти и кое-что для милых дам. Я искупить вино обязан, и я ее, блин, искуплю. Немножко выпьем, поболтаем, авось всех вместе не побьют.

Дружный хохот, раздавшийся в ответ, заставил многих оглянуться на их стол с осуждением, и они пристыженно примолкли.

– Ну, вы даете! – отсмеявшись и переведя дыхание, Виктория спросила: – Это что, экспромт? Да вы поэт, право! Или заготовка?

– Ну, удивил! – Василий и Виталий, не сговариваясь, подняли вверх большие пальцы в знак солидарности с Викторией и, недолго думая, дружно кивнули, как бы принимая приглашение.

– Вам хорошо! – Виктория завистливо взглянула на Кирилла: – У вас отдельная палата, да вы еще и процедуры игнорируете! А мы, как лыски, – то бассейн, то физкультура, то горный воздух. Не санаторий, а трудовой профилакторий какой-то!

– Ну, так у меня второй инфаркт, плюс операция. Тоже не малина, – парировал Кирилл и добавил: – Ну как, часиков в пять? В пятьсот семнадцатой. Договорились! – Кирилл встал первым, церемонно поклонился, сделал Виктории ручкой и направился к выходу из столовой.

Сходяв через часок в роскошный магазин у железнодорожной станции, ничуть не уступавший заграничным по ассортименту, но заметно превосходивший их по наценкам, Кирилл Аркадьевич, с учетом того, что у него в запасе были виски, кофе и сахар, купил маленькую фляжку хорошего коньяка, немного апельсинов и бананов, коробочку конфет, сок, сливки и пирожные. Упаковав все в фирменный пакет, он не спеша вернулся в санаторий, а затем, спустившись в столовую и попросив там чашки, ложки и стаканы, за несколько минут привел палату в надлежащий вид. Включив телевизор, он уселся в кресло и стал ждать гостей.

Примерно в пять минут шестого раздался деликатный стук, и в дверь вошли нарядные и чуть смущенные Виктория, Василий и Виталий. В руках у Вики был роскошный ананас, а мужчины вытащили из карманов по маленькой бутылочке виски.

– Ну, братцы, вы переборщили! – Кирилл всплеснул руками. – Куда нам столько!

– Ничего, останется на следующий раз. Или вы, Кирилл Аркадьевич, нас более не пригласите? – кокетливо спросила Вика, передавая ему ананас.

– Да и вы тоже, видим, постарались, – Виталий и Василий, оглядев застолье, довольно крикнули и подвели итог: – Еще раза на два нам алкоголя хватит. Ну, и с закуской тоже нет проблем, – они засмеялись, а Василий добавил: – Тем более что все мы, кажется, не так давно поели.

Все снова засмеялись, а Кирилл признался:

– Вот это мне жена и предсказала. Водка, девочки, конфеты, несмотря на лазареты!

– Сейчас сочинили или опять заготовка? – Вика с изумлением взглянула на Кирилла.

– Какие заготовки? И тогда, и сейчас – чистый экспромт! Просто я сегодня в ударе. Право, я рифмую редко, разве только под конфетку. Ох ты, боже мой! Опять получилось. Честное слово – случайно!

Все захохотали, будто поймав в рот смешинку.

– Ну что, нальем по капельке? – спросил Кирилл, увидев, что гости уже расселись. – В тесноте, да не в обиде, как говорится. С чего начнем?

– А может, с виски? Все-таки хочу попробовать! – Виктория, подняв стакан, посмотрела его на просвет. – Тем паче, говорят, что виски нужно наливать только в стаканы. Рюмок-то нет!

– А почему, Кирилл, вы отдаете предпочтение виски? Я понял так, что вы ничего, кроме виски, из спиртного и не пьете, – задал Виталий вопрос, по-видимому, интересовавший всех.

– Да это все Андрей Петров, – смутился Кирилл, наливая всем по капельке в стаканы, – его школа.

– Андрей Петров? Композитор? – Василий удивленно посмотрел на Кирилла. – Так вы были знакомы?

– Не только знаком, но и работал под его началом.

– Так расскажите же, ужасно интересно! – с любопытством уставившись на Кирилла, гости опустили уже поднятые стаканы.

– Да что рассказывать! Потеряли мы не только талантливого и всеми любимого композитора, но и неординарного человека, по сути, гения компромисса, обладавшего способностью общаться с самыми разными людьми. В том числе и с властями. Вдумайтесь: сорок два года подряд руководил Союзом композиторов нашего города! Вообще, когда не стало Петрова, а затем и Лаврова, в городе – я имею в виду искусство – что-то надломилось. Ушли не только профессиональные, ушли моральные авторитеты. А те, кто остались, пока на это звание не тянут. В этом и беда, – Кирилл взял стакан и улыбнулся: – Да ладно, не для того собрались.

– Ну, а про виски? – Виктория упрямо гнула в свою сторону. – Уж договаривайте, раз начали!

– Да ничего особенного, хотя забавно. В 92-м я стал работать у Петрова в Музыкальном обществе. Ну, поначалу часто приходил к нему домой – документы подписать, посоветоваться. И провожая меня каждый раз, он предлагал: «По капельке, на ход ноги!» И наливал в красивые стаканы виски, на полпальца. Я говорю: «Так самогонка же, невкусно!» А он: «Попробуйте, а вдруг понравится?» Ну, я и пробовал, по капельке. Вообще, Андрей Петров не пил – чуть-чуть пригубливал. Да и курил он тоже понемногу, так, сигарет пять-шесть, и только вечером, под чашку кофе да под виски. Ну вот, на пятый раз или шестой меня пробило – я выпил и попросил еще. Вдруг вкус почувствовал. Так радости Петрова не было предела: «Ура! – ликовал он. – Нашего полку прибыло!» С того момента и пошло – и мне, кроме виски, ничего и не хочется.

– Действительно, забавная история! – Василий, оглядев всех, предложил: – Давайте выпьем за упокой души талантливого человека. Какой был композитор, просто чудо! Все песни знаю, хоть и не пою.

Все выпили и, глядя на Вику, улыбнулись:

– А что, неплохо! – Вика облизнула губы, прислушалась к себе: – Я ожидала – хуже будет. Правда – самогон, только хороший. И что-то есть такое, непривычное, но, в общем-то, приятно.

– Ну, слава богу! И главное – полезно, – шутливо произнес Кирилл. – Хотите доказательства? Извольте: когда в 99-м я свалился с инфарктом, все тот же Петров мне в больницу принес фляжку виски. Помню, из-за его прихода все переполошились, заметались. Ну как же, сам Андрей Петров! А он-то был тактичным, деликатнейшим человеком и всегда тушевался, когда вокруг его персоны устраивалась шумиха. Ну, да дело не в этом. А в том, что мы потом с врачами эту фляжку в несколько приемов добились. И они меня авторитетно заверяли, что виски – по капельке, но каждый день – очень даже полезно! А главное – закусывать не обязательно. Но если хочется, то можно чем угодно.

Мужчины весело переглянулись, потянулись к фруктам.

– Хорошо сидим! Действительно санаторий, в полном смысле слова, – Вика зажмурилась, повела плечами. – Вот это, может, и есть – счастье. Как думаете?

– Я вот часто задаю себе вопрос: был ли я когда-нибудь по-настоящему счастлив? И не могу ответить, – Виталий задумчиво очистил апельсин, разделил на дольки. – Разве что в аспирантуре, когда на мгновение прикоснулся к настоящей науке. Не могу словами передать

то ощущение, когда передо мной открылось ранее неведомое. Мне казалось, я могу летать! Был счастлив полностью и безраздельно. Никогда такого больше со мной не было.

– А я вот часто вспоминаю первое утро после последнего экзамена на весенних сессиях в консерватории, – Кирилл мечтательно прикрыл глаза. – Такого ощущения свободы, такого истинного счастья, как в те дни, я никогда уж больше не испытывал!

– Давайте-ка еще нальем, – предложил Василий.

– И правда, надо выпить, – взяв бутылку виски, Кирилл капнул в свой стакан, – кому что наливать? Может, хватит виски вас насиловать? Давайте-ка, по коньячку!

Разлив по стаканам коньяк и включив чайник, Кирилл достал пирожные, чай, банку кофе и, передав все это Вике, спросил у Василия:

– А у вас как со счастьем?

– У меня, как у всех, хвастать нечем, – Василий выпил, закусил бананом: – Если связанное с семьей отбросить, то остается – вы удивитесь – лишь полет Гагарина в 61-м. Я тогда учился в восьмом классе. До сих пор помню радость, охватившую нас. Мы высыпали все на улицу, а там – не поверите – все обнимались, целовались. Совсем чужие люди были как одна семья. Такого чувства счастья я больше не испытывал. Когда плохо бывает, то вспоминаю то двенадцатое апреля и, поверьте, на душе легче. Я и учиться лучше стал, потом в летчики пошел... И куда потом все подевалось! Но тогда я был счастлив, это точно!

Все приумолкли. Разлив кипяток по чашкам, Кирилл печально подтвердил:

– Я тоже помню этот день, в седьмом тогда учился. Да, было здорово. Все точно. И мне казалось, что то чувство единения навсегда останется с нами. Но мы какие-то Иваны, не помнящие родства. Ей богу – обидно. А вот Василий – сила! О, смотрите, опять скаламбурил: сила – Василий!

Все засмеялись, и обстановка разрядилась.

– Ну а у вас, Виктория? – спросил Виталий.

– А не скажу, – Виктория кокетливо поежилась, – вам расскажешь – потом стыда не оберешься, – звонко рассмеялась и добавила: – До отъезда-то еще – ого! Запрезираете и отвернетесь. Я что, одна останусь? Но это ж ужас, просто ужас!

Хохот, раздавшийся в ответ, разбудил бы мертвого. Отсмеявшись, мужчины выпили еще по маленькой, добавили в чашки кто чаю, кто кофе, и Кирилл решил еще немного посмешить компанию:

– Про ужас анекдот-то знаете? Нет? Так вот. В бордель приходит клиент. Ну, к нему, как водится, отправляют девицу. Через минут пятнадцать та выскакивает с криком: «Ужас! Ужас!» Ну, к клиенту отправляют другую. Все повторяется в точности. И третья вылетает с тем же криком: «Ужас! Ужас!» Мадам не выдерживает и отправляется сама. Через полчаса мадам выходит, привычным жестом поправляет бюст и говорит: «Ну, ужас, да. Но ведь не ужас-ужас».

Вдоволь насмеявшись, выпив и закусив, собравшиеся чуть размякли, но, глянув на часы, заволновались:

– Если мы хотим попасть на ужин, надо собираться, – деловито заметил Василий.

– А ананас? – спросила Вика. – Мы так его и не разрежем?

– Вот ведь святая простота! – Виталий громко рассмеялся.

– А кто нам помешает после ужина собраться? И чай допить, и ананас разрезать! – Кирилл с Василием смеялись над Викторией столь заразительно, что и она, не выдержав, расхохоталась:

– Только, чур! За ужином вести себя прилично, а то нас всех до срока по домам отправят. А мне бы так хотелось здесь подольше задержаться.

Они шли по коридору и смеялись: трое пожилых мужчин и немолодая женщина – пациенты кардиологического санатория, – смеялись так, как будто им исполнилось семнадцать и

впереди у них была еще вся жизнь. На самом деле эти люди готовились достойно встретить свою старость, прекрасно понимая, что срок их пребывания на этом свете уже отмерян где-то наверху, а их инфаркты – лишь звоночки из того небесного пространства, в которое – кто раньше, а кто позже, – но каждый обязательно переместится. И тем не менее они смеялись, словно дети, не думая ни о чем серьезном. Им было хорошо, и, может быть, именно в этом и заключалось их лучшее лекарство.

Глава третья

Квартирные хозяева. – Манька. – «Театр перед микрофоном». – Друзья папы и мамы. – Снова у бабушки. – Квартирантки. – Что такое «черта оседлости»? – Постыдный поступок. – В первый класс. – Кто такой Сизиф? – Помидоры. – «Плохой еврей».

1

А через день, как это часто бывает – значит, и следует ожидать, – случилась неприятность. Виталию Петровичу после обеда стало плохо: внезапно резко упало артериальное давление, и он впал в полубморочное состояние. Сосед по палате, со страху позабыв про кнопку экстренного вызова, кинулся на сестринский пост; дежурная сестра сейчас же прибежала, вызвала врача; врач дал команду ставить капельницу; собрался небольшой консилиум – в общем, началась та суматоха, когда все понимают: решается вопрос не столько о здоровье пациента, сколько о том – везти его в больницу не откладывая или немного подождать и посмотреть, что будет дальше. Всем все понятно: санаторий – не больница, здесь реабилитация, а не лечение. Но все равно присутствовавшим при случившемся пациентам из соседних палат видеть это было крайне неприятно. Однако обошлось: Виталия врачи решили куда-то не отвозить, приставили к нему надзор и прописали строгое лежание.

Кирилл Аркадьевич узнал о неприятности за ужином. Расстроился, подумав, что причиной приступа могла стать их позавчерашняя «смешная» посиделка. О том же самом не могли не думать и Василий с Викой, и ужин их, впервые, прошел даже не скучно, а просто мрачно. Чувствуя вину, все трое старались не встречаться взглядом, кляня себя за то веселье, которое позволили себе, нисколько не подумав о здоровье. Но был ли приступ следствием их легкомыслия или на то были иные причины, не знал никто. Палатный врач Виталия – женщина без сантиментов, – когда Кирилл назавтра рассказал ей про их посиделку, высказалась прямо:

– Не только отрицательные, но и положительные эмоции вполне способны привести к сильнейшему спазму коронарных сосудов. Причины могут быть столь различны, что только господь Бог их в состоянии определить. А современная кардиология бессильна.

Поговорив с врачом, Кирилл Аркадьевич подумал: «Лихо! Как же жить? Ходить тихонечко и дуть на воду?» И вспомнил, как Ирина Михайловна, его больничный врач, еще тогда, девять лет назад, удивила четкостью своей формулировки:

– Ах, дорогой Кирилл Аркадьевич, – сказала она, отвечая на его вопрос о том, насколько осторожно теперь надо жить, – важна не жизнь, а качество жизни!

Кирилл это запомнил и жил – за исключением диеты и лекарств, – как раньше: реактивно, не вспоминая каждый день о том, что он – инфарктник, инвалид и должен быть предельно осторожен. Перед его глазами всегда стоял знакомый журналист, который, пережив инфаркт, вдруг сник, обрюзг, стал вслушиваться в каждое болезненное проявление организма, потерял интерес ко всему и превратился в полного инвалида, причем – уверен был Кирилл Аркадьевич – инвалида не сердца, а, скорее, головы.

«Ох, ладно, все эти мысли до добра не доведут, – подумал он, – не зря же говорят, что мысль материальна. Надумаешь себе хворобу – так ее и получишь!»

Вернувшись в палату, Кирилл сел в кресло, закрыл глаза и погрузился в свои детские, спасительные для него сейчас, воспоминания.

Последний перед школой год Кирилл провел в подлинном блаженстве. Мама ненадолго уходила учить своих учеников, оставляя Костика на попечение тети Оли, а когда возвращалась, кормила Кирилла и разговаривала с ним обо всем и подолгу. Он же с удовольствием играл на пианино заданные ему пьески и этюды, читал книжки и слушал радио, к которому недавно пристрастился. Помимо детских передач, ему особенно нравился «Театр перед микрофоном», в радиоспектаклях которого актеры так выразительно читали свои роли, что, закрыв глаза, Кирилл отчетливо представлял себе происходящее на воображаемой сцене.

Особенно ему запомнилась «Корзина с еловыми шишками», поставленная по повести Константина Паустовского и посвященная жизни и творчеству норвежского композитора Эдварда Грига. Причем запомнилась не только сама пьеса, но и волшебная музыка великого Грига. Когда же, спустя годы, он впервые попал в настоящий театр, то долго не мог смириться с тем, что весьма бледное впечатление, полученное им от «живого» спектакля, не шло ни в какое сравнение с теми яркими эмоциями, которые он испытывал от радиоспектаклей в детстве. И, надо сказать, это юношеское негативно-эстетическое отношение к живому драматическому театру осталось у него на всю жизнь, исчезая лишь на спектаклях Георгия Товстоногова в ленинградском БДТ имени М. Горького и постановках Юрия Любимова в московской «Таганке».

А еще он обожал слушать по радио песни – те самые лирические и массовые песни, воспитавшие не одно поколение советских людей, причем получше всяких газетных передовиц и самых умных политинформаций. Слушая невероятно красивые мелодии и тексты – «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля», «Прощайте, скалистые горы», «Холодные волны вздымает лавиной широкое Черное море», «Бьется в тесной печурке огонь», «Спойте, друзья, ведь завтра в поход», «Я по свету немало хаживал, жил в землянке, в окопах, в тайге», «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек», «Темная ночь, только пули свистят по степи», «Шаланды, полные кефали» и другие, многие из которых пел и играл отец, Кирилл чувствовал, как в его груди поднимается горячая волна гордости и любви к своей Родине – синониму страны, к своему народу, а еще конкретней – к матери и отцу, которые, собственно говоря, и олицетворяли для него и Родину, и народ, и страну. Особенно же он любил слушать Поля Робсона – не просто американского, но негритянского певца, – с огромным чувством, низким басом и по-русски певшего «Широка страна моя родная».

Вспомнив об этом, Кириллу Аркадьевичу пришлось признаться самому себе, что он и сегодня безумно любит эти песни; что и сегодня они вызывают у него практически те же чувства, на которые никоим образом не повлияли ни громкие разоблачения преступлений сталинского режима, ни те, пусть менее чудовищные, но не менее мерзкие подробности жизни и деятельности советской правящей верхушки, преданные гласности в первые годы перестройки. А тогда, в 53-м, живя в блаженном неведении, Кирилл радостно впитывал все, что его окружало, и был совершенно счастлив и доволен своей жизнью, ибо никакой другой он, естественно, не знал.

Прислушивался он и к классической музыке, также нередко звучавшей по радио. Он уже узнавал «Полонез» Огинского, «Вторую Венгерскую рапсодию» Листа, «Венгерский танец» Брамса, «Славься» Глинки, «Танец маленьких лебедей» Чайковского, арию Князя Игоря из одноименной оперы Бородина и некоторые другие популярные произведения. В любимой музыкальной школе он начал делать заметные успехи, что откровенно радовало и отца, и маму. В общем, все было так хорошо, что казалось, лучше уже быть не может.

Мама стала часто брать его с собой в школу, уходя после обеда на всякие педсоветы, методические заседания, политучебу и другие мероприятия, во время которых Кирилл слонялся по коридорам и классам, рассматривая многочисленные стенные газеты и восторженно представляя себе, как через год он станет здесь учиться. Но, пожалуй, самым важным в жизни Кирилла стало то, что родители начали брать его с собой в гости к друзьям – чаще всего к Грусманам – Мирону Михайловичу и Марии Моисеевне, младшая дочь которых – Мила – была сверстницей Кирилла и училась вместе с ним в дошкольной группе музыкальной школы.

Мирона Михайловича Кирилл очень любил – прежде всего, за громкий, грозно рыкающий командирский голос, пышные буденновские усы и за – предмет особой зависти Кирилла – несметное число наград: Орден Ленина, два Ордена Боевого Красного Знамени, Орден

Отечественной войны, два Ордена Красной Звезды и множество медалей. Мирон Михайлович был подполковником и заместителем командира полка, в котором служил отец Кирилла. Мария Моисеевна нигде не работала и занималась воспитанием Милы. Грусманы жили в красивой квартире, много больше той, в которой ютились Лавровские. Кириллу очень нравилась мебель Грусманов, висевшие по стенам картины, и особенно – большая немецкая радиола «Телефункен», на которой часто слушали пластинки, чаще всего вальсы, из которых Кирилл на всю жизнь запомнил «Амурские» и «Дунайские волны». Как понял гораздо позже Кирилл – Грусманы тоже были евреями, и их дружба с родителями Кирилла, начавшаяся именно на этой почве, вскоре переросла во взаимную искреннюю сердечную привязанность.

Несмотря на грозный вид, Мирон Михайлович был добрейшим человеком. Тем не менее, как говорили, он был отважным боевым командиром и пользовался в офицерском кругу большим авторитетом. Мария Моисеевна была дамой манерной, однако очень начитанной и по житейски мудрой. Их дочку – Милочку – Кирилл не любил, так как вообще терпеть не мог девчонок, а Милочка к тому же была задавакой и гордячкой.

Но если походы к Грусманам проходили чинно и степенно, то вечеринки в гостях у других друзей папы обставлялись совершенно иначе. Там всегда было много молодых офицеров и их подруг, все они пели, пили вино, танцевали и в шутку флиртовали друг с другом. Женщины, красивые и нарядные, все норовили потискать Кирилла и громко охали, вслух удивляясь его необычайно раннему, на их взгляд, развитию. Они громко смеялись, обсуждали наряды и сплетничали, совершенно не обращая внимания на присутствие любопытного ребенка. Папа в таких компаниях всегда ухаживал за какой-нибудь красивой дамой, а мама милостиво принимала знаки внимания чужих мужчин. Кирилл откровенно радовался за папу, но маму все же нередко ревновал. Правда, слушая, как они потом, смеясь, обсуждали прошедший вечер, Кирилл успокаивался, понимая, что все, чему он был свидетелем, происходило не всерьез, а понарошку.

Из многих таких вечеринок ему особенно запомнилась одна, на которой гости неожиданно поссорились между собой из-за двух песен – «Темной ночи» Богословского в исполнении Бернеса и песни «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?», которую часто пели по радио знаменитые Рудаков и Нечаев. Одни, в том числе и папа Кирилла, называли эти песни прекрасными: первая, по их словам, была очень серьезной и тонкой, а вторая – просто шуточной. Но другие гости с пеной у рта доказывали, что обе песни – мещанские: первая из них потакает упадническим настроениям, а вторая – проповедует легкомыслие и высокоглядство, и та, и другая должны быть чужды советским людям.

Став невольным свидетелем этой достаточно серьезной ссоры, Кирилл недоумевал: как же так? Разве песни могут быть одновременно и красивыми, и плохими? А в том, что они очень красивы, он ни капельки не сомневался. И потом, если эти песни плохие, то почему их передают по радио и записывают на пластинки? Что-то здесь было не так. Однако на все эти вопросы, адресованные маме и папе, он не получил вразумительного ответа.

– Отстань, и никогда не влезай в разговоры взрослых, – раздраженно сказала мама, сопроводив свою отповедь обидным подзатыльником.

Папа же ответил просто:

– Мал еще, подрастешь – узнаешь! А песни эти – хорошие, и знать тебе больше ничего не надо!

Вспомнив сейчас, по прошествии пятидесяти пяти лет, давние споры, Кирилл Аркадьевич невольно улыбнулся: «Это ж надо! Сколько лет прошло, а те песни живут. Причем не только в памяти старшего поколения, но и в сознании молодежи. А значит, папа с друзьями были правы!» Впрочем, он, Кирилл, и тогда, будучи дошкольником, в этом был совершенно уверен.

Нравились Кириллу и две закадычные мамыны подружки – тетя Женя, учительница немецкого языка, и тетя Инна Станиславовна, учительница истории. Женя – молодая незамужняя женщина – отличалась смешиливостью и веселым нравом. Инна Станиславовна, будучи гораздо старше и мамы, и Жени, одна воспитывала сына-подростка Дениса и была женщиной рассудительной и серьезной. Обе они очень любили и маму, и папу, и Кирилла, и даже совсем маленького, ничего еще не понимавшего Костика, приходили к ним в гости, как к себе домой, и были почти членами их дружной семьи.

– Ну, что? – с порога спрашивала тетя Женя, подхватывая Кирилла на руки и целуя его в обе щеки. – Мама – не свинья? – и хохотала в полный голос.

– Да ну вас, – обижался Кирилл, но не надолго. Он прекрасно знал, как к нему относились мамыны подружки, всегда находившиеся в курсе их семейных событий, и не сильно дулся на их подтрунивания.

– И как у тебя, Ритка, рука поднимается на такого ангелочка? – смеясь, спрашивала тетя Женя у мамы, делая вид, что осуждает ее за подобные методы воспитания.

– А по-другому он не понимает, – отвечала мама серьезно, – шалит и беспрерывно болтает черт-те что, сил моих уже нет. Меня вот мама в детстве высекла просмоленной веревкой, так до сих помню, почем фунт лиха.

– А за что? – хором спросили Женя и Инна Станиславовна.

Мама Кирилла усмехнулась и призналась:

– Как сейчас помню: мама, собираясь уходить куда-то, сказала мне, чтобы сметану в миске на столе не смела трогать. Да я и не собиралась, но после маминых слов так захотелось сметанки попробовать. Я и подумала, что сметану вполне могла съесть наша кошка. Ну, сначала попробовала, а потом и доела – даже вылизала, будто кошка. Вернувшись и обнаружив вылизанную миску, мама спрашивает: кто сметану съел? Ну, я и говорю: киска, наверное. Тогда она берет меня за ухо и подводит к кладовке. Открывает дверь, а оттуда наша кошка как выскочит! Вот тогда мама и сняла с гвоздя ту веревку. Скрутила, заголила и так отходила, что я дня два не сидела, да и спала на животе. Хороший способ, лучше не бывает!

Подружки дружно посмеялись над давней мамыной оплошностью, а Инна Станиславовна, потрепав Кирилла по щеке, грустно сказала:

– Да, Кира, луплен ты будешь часто, уж поверь мне. Мамочку твою я хорошо знаю. Уж если ей что-то втемяшилось – спорить бесполезно. Хотя я своего Дениску тоже иногда охаживаю ремешком – на какое-то время помогает.

– Вот видишь! – торжествовала мама. – И нечего меня воспитывать!

Откинув голову на спинку кресла и прикрыв веки, Кирилл Аркадьевич будто воочию увидел давних маминых подруг. Их, как и мамы, уже не было в живых, и он, с усилием проглотив невесть откуда взявшийся ком в горле, почувствовал, как увлажнились сами по себе глаза. «Ну да, время было такое, – вздохнул он про себя, – всех лупили, не только меня. Хорошо хоть, не сломался. Всякое ведь могло стать. И почему я никогда не обижался? Наверное, потому, что лупили за дело».

А еще в этот год Кирилл поближе познакомился со всеми обитателями их большого дома – с квартирной хозяйкой пани Волчковой, ее мужем паном Ладиславом, их племянницей Манькой, а также с жившими на втором этаже старенькими «панове Ставицкими». Как звали по имени их квартирную хозяйку, а также «панове Ставицких», Кирилл не знал, и обращался к ним, как и все вокруг: пани Волчкова, пан Ставицкий. Вообще местное население говорило на смешной смеси из трех языков – русского, польского и белорусского, называвшейся, как он позже узнал, «трасянкой». Но тогда он этого не знал и с удовольствием впитывал незнакомые и странные слова: мабуть – может быть, мусить – наверное, хіба – разве, сукенка – кофточка, спідниця – юбка, дзятячыя цацкі – детские игрушки, перукарня – парикмахерская, лепей – лучше, тэраз – теперь, и многие другие. Папа и мама говорили на

хорошем, правильном русском языке, и если у мамы иногда в речи слышалось твердое «г», то у папы никакого намека на какой-либо акцент не было и в помине.

Все эти люди очень хорошо относились к Кириллу: пани Волчкова всякий раз норовила угостить его чем-нибудь вкусным; Манька – пятнадцатилетняя длинноногая девица – иногда играла с ним в «чижика» и прятки; старик Ставицкий, зарабатывавший на хлеб тем, что делал по заказу почты фанерные ящики для посылок, разрешал ему стоять рядом и смотреть, как ловко приколачиваются заготовленные брусочки к заранее нарезанным фанерным листам. Но больше всего Кирилл ценил те моменты, когда пан Ладислав разрешал ему заходить в свою столярную мастерскую, расположенную в цокольном этаже дома.

Пан Ладислав был столяром-краснодеревщиком и делал, или, как он говорил – резал, – кухонные дубовые буфеты, украшенные различными фигурными накладками. В мастерской, помимо обычных досок и брусков, хранились чурбачки из разных пород дерева – черные, красные, коричневые, запах которых, как и запах лака, столярного и казеинового клея, запомнился Кириллу на всю жизнь. На огромном верстаке пана Ладислава лежали всевозможные наточенные до блеска инструменты – резцы, рубанки, стамески, пилы, – трогать которые Кириллу строго-настрого запрещалось. Но Кирилл их и не трогал, хотя очень хотелось, а во все глаза смотрел, как из-под резца пана Ладислава выползает тонкая, изящная, необычайно вкусно пахнущая стружка. Всегда не в меру разговорчивый, Кирилл в эти минуты стоял тихо и молчал, с немим восторгом наблюдая за работой настоящего мастера.

С тех самых минут Кирилл Аркадьевич сохранил особую, едва ли не нежную привязанность к дереву, его запаху, цвету, структуре волокон, и всю последующую жизнь мечтал завести верстак и инструменты и попробовать что-либо сделать из дерева своими руками. Мечта сбылась в начале 90-х, когда в маленькой кладовке на тещиной даче ему удалось соорудить что-то вроде верстака и поработать там пилой, стамеской и рубанком. Увлечение длилось недолго, но за это время ему удалось-таки сделать три табуретки: первую, уж слишком кособокую, пришлось разломать на части; вторую, получившуюся гораздо презентабельнее, он оставил в своей импровизированной мастерской; ну а третью, совсем уж пристойную, он покрыл лаком и поставил в одной из двух дачных комнат, где она по сию пору с успехом выполняет свою основную функцию.

Кирилл Аркадьевич встал, потянулся. Воспоминания о детстве, заставившие его поволноваться, невольно растравили душу и потянули за собой совсем уже, казалось бы, забытые эпизоды. Он вспомнил пани Волчкову и ее фирменное угощение – как-то по особому зажаренный картофель вместе с мягким ароматным мясом и золотистым, сильно поджаренным луком. Запах этого блюда, которое все ели прямо со сковородки, вызывал такое слюноотделение, что отказаться от угощения было просто невозможно. Никогда больше в своей жизни он не пробовал ничего подобного. Разве что пять лет назад в Москве, в ресторане «Метрополь», куда он, будучи в командировке, зашел в послеобеденное уже время, вконец измотанный, голодный и усталый.

В парадном зале ресторана не видно было ни одной живой души, прибранные столы сияли сверкающими фужерами, хорошей посудой и живыми цветами; негромко журчал фонтан, а на небольшой сцене одинокая молоденькая арфистка, прижав к себе арфу и сексуально суча ногами, играла что-то до боли знакомое, но что конкретно, Кирилл Аркадьевич так и не вспомнил. Подошедшему с меню официанту – немолодому и, по всей видимости, также уставшему – Кирилл Аркадьевич вдруг рассказал о том белорусском или польском блюде, которое ел в детстве. В ответ, внезапно улыбнувшись, официант сказал, что понял, и минут через двадцать принес и поставил перед ним на деревянной подставке горячую сковородку, до краев наполненную такими же, как в детстве, картофелем, мясом и луком. Впоследствии Кирилл Аркадьевич не раз, и с самым теплым чувством, вспоминал тот ресторан, официанта

и арфистку, но главное – то восхитительное блюдо, нежданно подарившее ему не только прилив сил, но и одно из самых ярких воспоминаний детства.

Услужливая память тут же вытащила из глубин сознания еще одно, не менее яркое, но очень «стыдное» воспоминание, связанное с Манькой, а точнее, с обнаженным женским телом. Как-то, сидя в дровяном сарае и глядя сквозь чуть приоткрытую дверь во двор, Кирилл, сам того не желая, стал свидетелем смешной и жуткой сцены, неожиданно разыгравшейся у него на глазах. Манька, посланная теткой в огород за луком, возвращаясь, забыла запереть калитку, и две козы – предмет особой гордости и постоянной заботы пани Волчковой, щипавшие возле забора травку, – немедленно проникли в запретное пространство. Кирилл хотел уж было закричать, как пани Волчкова, выйдя за чем-то во двор и увидев это безобразие, рассвирепела, схватила длинный гибкий прут и, ругая Маньку почему зря, попыталась выгнать коз из огорода. Но ничего не получалось. Козы, мирно щипавшие грядки, уходить не собирались и с громким блеянием метались из одного конца огорода в другой. Выскочившая следом Манька, давась от смеха, поспешила к тетке на помощь. Вдвоем они кое-как справились с козами, но тетка, глядя на смеющуюся Маньку, покраснев от злости, вдруг со всего размаха вытянула ее прут по ноге. Манька взвыла, схватилась за ногу и закричала:

– Тетя, перестаньте! Я уже не маленькая, чтоб лупить меня из-за каких-то коз!

– Ах, не маленькая! Ах, бардзо большая! Сколько я казала – зачиняй калитку! Ты, что ли, огород сажала! Вам бы только жрать! Вот я тебе!

И, неожиданно схватив Маньку левой рукой за волосы и сильно дернув вниз, тетка поставила девочку на колени и, наклонив ее голову, крепко зажала между своими голеньями. Задрав Маньке юбку и спустив с нее трусы, она стала сильно, со злостью, стегать оставшимся в правой руке прут по обнаженным ягодицам девочки. От увиденной сцены, разыгравшейся прямо напротив сарая, Кирилл онемел. Манька визжала, крутила голым задом, но вырвать голову из ног Волчковой не могла. Вид же сзади обнаженной плоти юной девушки, стоявшей на коленях с опущенной головой, потряс Кирилла. Ощувив жгучий стыд, он отбежал вглубь сарая, закрыл лицо руками и, спрятавшись за дровами, с трудом дождался окончания постыдной экзекуции. Но подсмотренная сцена осталась в его памяти надолго. И еще много дней спустя, встречаясь с Манькой глазами, Кирилл краснел, отворачивался и убегал. А Манька, не подозревая в нем свидетеля своего позора, никак не могла понять, что с ним случилось и чем она обидела сыночка квартирантов.

2

Звонок мобильного оторвал Кирилла Аркадьевича от воспоминаний. Звонила жена:
– Ты где? – классический вопрос всех абонентов мобильной телефонной связи в устах жены неожиданно раззадорил Кирилла Аркадьевича.

– Где, где? Не скажу, – и хмыкнул: – Хочешь анекдот?

– Давай!

– Звонит один тампон другому: «Ты где?» А тот и отвечает: «Где, где? На работе!»

– Охальник ты этакий! – засмеялась жена. – Небось, уж охмурил сестричку?

– А как же! И охмурил, и закадрил, и склеил! – Кирилл Аркадьевич самодовольно покрутил отсутствующий ус. – Палата-то у меня отдельная!

– Да ладно, Казанова! А новый анекдот про секс по телефону слышал?

– Нет! Рассказывай!

– Ну, слушай: звонит мужик в контору «Секс по телефону», а там проникновенный женский голос: «Ах, я вся такая блондинка!» Он: «О, как я люблю блондинок!» Она: «У меня красивые длинные ноги!» Он: «О, я обожаю длинные ноги!» Она: «У меня большая пышная грудь!» Он: «Уу...», а она, быстренько: «А вторая – маленькая!» – Татьяна Николаевна, не выдержав, звонко засмеялась.

– Класс! Ну ты даешь! – смеясь вместе с женой, Кирилл Аркадьевич воочию представил себе эту сценку. – Кто рассказал?

– Да бабы на работе. Ладно. Как ты там?

– Да все нормально. Сплю, ем, гуляю, чувствую себя отлично, доктора довольны!

– Да ты соврешь – недорого возьмешь! – Татьяна Николаевна вздохнула: – Правда гуляешь?

– Вот те крест! – Кирилл Аркадьевич добавил в тембр голоса побольше искренности. – Ты-то как? Работа? Дети? Мама?

– Да все в порядке! Тебе ничего не нужно?

– Да нет, все есть.

– Ну, ладно. Называется, поговорили. Пока, целую! Не шали!

Выключив мобильник, Кирилл Аркадьевич вернулся к прерванным воспоминаниям.

В последний для Кирилла год до школы его жизнь текла размеренно и даже скучно. Дни шли за днями, похожие как близнецы. Длинная дождливая осень, не пускавшая мальчишек во дворы, наконец-то сменилась снежной морозной зимой. В солнечные дни снег блестел и искрился так ярко, что смотреть на него было больно. Кирилл с друзьями, чаще всего с Игорем Сивковым – соседом-сверстником, с которым подружился летом, – катался на салазках с горки, лепил снежных баб с морковкой вместо носа, играл в снежки, а также, спрятавшись в сарае, рассказывал друзьям истории, прочитанные в книжках или придуманные им самим. Он по-прежнему много читал, играл на пианино, ходил в музыкальную школу, слушал радио и иногда играл с быстро подраставшим Костиком.

Из всех событий, случившихся в ту зиму, осталось в памяти немного – покупка первого в его жизни перочинного ножа и походы на дневные сеансы в кино, которое стали крутить в расположенном неподалеку Доме культуры.

Желание иметь перочинный ножик, как, впрочем, и собаку, было давней мечтой Кирилла. Правда, о таком ноже, какой был у отца – толстенном, с зелеными костяными накладками и большим количеством различных лезвий, – Кирилл и не помышлял. Ему хватило бы простого, с двумя лезвиями, но, к его горю, в продаже вообще не было перочинных ножей. И вот однажды к ним забежал запыхавшийся Игорь и сообщил, что в универмаг на площади завезли ножи – перочинные, с пластмассовыми боковинками, со штопором и

двумя лезвиями. Глаза его от возбуждения горели. Сказав, что надо мчаться, пока ножи не разобрали, он стал торопить Кирилла, который от такого сообщения даже засучил ногами. По счастью, мама, находившаяся дома, дала деньги и отпустила с Игорем на площадь.

Отстояв большую очередь и ежеминутно опасаясь, что ножи закончатся, Кирилл и Игорь наконец-то получили по заветному, завернутому в промасленную бумагу, перочинному ножу и от свалившегося на них счастья не знали, что сказать и куда спрятать драгоценную покупку. Они пританцовывали от восторга и уж, во всяком случае, им казалось, что счастливее их нет никого на свете. Тот ножик много лет служил Кириллу, и расстался с ним он лишь тогда, когда оба его лезвия были сточены вконец.

С кино, как и с тем ножом, все было далеко не просто. Чтобы попасть на единственный дневной детский сеанс, надо было отстоять огромную очередь из таких же, а то и много старше Кирилла и Игоря, мальчишек и девчонок. Сначала в кассу, а затем и в зрительный зал на втором этаже, куда вела узенькая лестница с хлипкими перилами. На билетах, стоивших десять копеек, не было указано ни ряда, ни места, и тот, кто первым влетал в зал, тот и занимал лучшие места. Легко представить, что творилось, когда орава подростков штурмовала сначала кассу, а затем и готовую рухнуть в любую минуту деревянную лестницу. Слезы обиды и изрядно помятые бока были постоянными спутниками малышни, стремившейся вместе со всеми, во что бы то ни стало, попасть на заветный сеанс.

Но тем радостнее было само попадание в зал. Наградой за смелость служили старенький экран и громко стрекотавший проектор, дарившие всем, невзирая на возраст, невиданные и еще очень долго вспоминаемые и коллективно обсуждаемые впечатления.

Из кинофильмов, увиденных в тот год, Кирилл запомнил «Красных дьяволят», «Ленина в Октябре» и «Ленина в 18-м году», а также «Детство» Горького – фильм, врезавшийся в память прежде всего сценой порки мальчика, заставившей сердечко Кирилла больно сжаться от сочувствия и страха. Запомнившиеся кадры из кино потом неоднократно снились: то меньшевик, в котелке и костюме, стреляющий из браунинга в большевика в кожанке; то Ленин, горячо ораторствующий на трибуне; то перепоясанные пулеметными лентами матросы, бегущие с винтовками наперевес. Снились и бесстрашные, неуловимые «дьяволята», и дед Алеши Пешкова с прутом в руке, приказывающий ему, Кириллу, спустить штаны и лечь на лавку. Просыпаясь в холодном поту, он обмирал от страха, но, сообразив, что это был лишь сон, засыпал с облегчением.

В начале лета Кирилл вновь оказался в городе на Березине, в гостях у бабушки и дедушки. Отвезла его мама, пообещав, что в августе они приедут уже вместе с папой и, погостив немного, увезут домой. А первого сентября, как и все семилетние дети, он наконец-то пойдет в школу.

Уже знакомый город встретил их душным зноем. Сад и огород – запахом цветов и невиданно большими помидорными кустами. А бабушка и дедушка – полной миской невероятно вкусного сливочного мороженого и большой картонной коробкой бракованных вафельных стаканчиков, принесенных дедушкой со своей работы. Но главное – его узнал Джульбарс. Приветливо залаяв и натянув до предела цепь, он извернулся и лизнул Кирилла прямо в нос. Обняв Джульбарса и поцеловав, Кирилл едва не разрыдался от счастья, совсем не принимая во внимание отчаянные крики взрослых, требовавших сейчас же отойти от сидящей на цепи собаки.

Однако в доме произошли большие изменения. Ту комнату, в которой прошлым летом спал Кирилл, сейчас снимали две молодые девушки, только что закончившие педучилище и собиравшиеся осенью пойти работать в школу. Кириллу это поначалу очень не понравилось, но Стася и Анюта – так звали девушек, – откровенно робевшие перед его мамой, тем не менее шепнули Кириллу, что, если он будет послушным, они возьмут его купаться на Березину.

Услышав это, Кирилл буквально задохнулся от восторга. В их городке не было ни озера, ни даже маленькой речушки, и он только в прошлом году впервые в своей жизни увидел настоящие большие реки. И то лишь мельком, из окна вагона пассажирского поезда, пере-езжавшего те реки по гулким, узорчатым железнодорожным мостам. А потому Кирилл, как, впрочем, и соседские мальчишки, плавать не умел и научиться этому только мечтал, читая в книжках про моря и океаны.

Однако радостное сообщение Кирилла о том, что он со Стасей и Анютой завтра же отправится купаться на Березину, неожиданно встретило яростный отпор со стороны бабушки. Да и дедушка от этой идеи в восторг не пришел. И бабушка, и дедушка почему-то считали, что если он пойдет купаться, то обязательно утонет.

– Ты даже представить себе не можешь, сколько людей каждый день тонет, – зловещим шепотом говорила бабушка, делая страшные глаза. – Вот вчера хоронили генерала, столько орденов несли на подушечках! Ты думаешь, он умер от ран или от болезни? – бабушка вплотную приблизила свое лицо к лицу Кирилла. – Таки нет – он утонул! Пошел на Березину и утонул! Он – генерал! А ты кто? Ты даже плавать не умеешь! И никакая Стася, никакая Анюта тебя не спасут!

Услышав это, Стася и Анюта прыснули от смеха, а мама, зажав рот рукой, засмеялась одними глазами. Кирилл же, опешивший от бабушкиного отпора, поначалу растерялся, но потом, почувствовав молчаливую поддержку мамы, пошел в атаку:

– Бабушка, ну как я утону, если я плавать не умею? Я же не дурак и не полезу в глубину. Я потихонечку у берега буду. Все же купаются! И никто не тонет! Вот научусь плавать, тогда и переживай! А пока-то зачем бояться?

Неожиданно для Кирилла его поддержала мама, напустившаяся, в свою очередь, на родителей:

– Бросьте вы эти еврейские штучки! – сердито сказала она. – Мало вам, что я всю жизнь воды боялась больше, чем огня. Вы и Кирилла хотите в свою веру обратить! Мальчик должен уметь плавать и не бояться воды. А сказочки про утонувших уважаемых людей я все свое детство слушала, – мама сердито махнула рукой и подвела итог: – Завтра все вместе пойдем купаться и загорать. Я тоже плавать не умею, но не думаю, что утону, – и, повернувшись к двум девушкам-квартиранткам, спросила: – Стася, Анюта, возьмете нас с собой? – И, получив их молчаливое согласие, сказала: – Вот и хорошо! Давайте лучше обедать!

– Ты, Рита, можешь делать все что хочешь! Иди, тони! – бабушка горестно качнула головой. – А вот ты, Кирилл, подумай! Утонешь, можешь домой не приходить!

И хотя все дружно рассмеялись, из-за этой перепалки обед прошел грустно – не помогла даже дедушкина виноградная наливка, которую он в знак примирения налил из огромной бутылки всем, кроме Кирилла. Бабушка смертельно боялась воды, и дедушка – редчайший случай – в этом вопросе ей не перечил.

К вечеру напряжение спало. Дедушка и бабушка, убедившись, что никакие их резоны не удержат маму и Кирилла от купанья, успокоились и даже обещали, что с утра помогут им собраться на пляж.

Кирилл Аркадьевич помотал головой, словно пытаясь отогнать свои детские воспоминания. Но они всплывали в памяти уже помимо его воли. Вспомнил он и свое первое купание: как сначала испугался, даже струсил и, поминая бабушку, уж хотел было пойти на попятную, но потом пообвык – хотя плавать и не научился, но воды бояться перестал. Стася и Анюта плескались, как рыбки, а вот мама купалась очень смешно. Она медленно, повизгивая, входила в воду по пояс, резко приседала по шею, потом вставала, и все повторялось сначала. Поприседав так несколько раз, мама, очень довольная собой, выходила из воды и, гордо оглядываясь, укладывалась на подстилку загорать. Березина и впрямь оказалась широкой быстрой рекой, в которой действительно было много омута, и, несмотря на

мягкий береговой песок и кажущуюся спокойной воду, требовала от купающихся немалой осторожности.

Через несколько дней мама уехала, взяв с бабушки слово, что та и впредь будет отпускать Кирилла с девушками-квартирантками на речку. Бабушка, скрепя сердце, слово сдержала, но каждый раз, когда Кирилл уходил, волновалась безмерно. И он, понимая это, старался всеми силами подлизаться к бабушке и донимал ее вопросами и разговорами.

Как оказалось, бабушка была не так проста, как показалось ему в прошлый раз. Родом она из беднейшей еврейской семьи, в которой выросли тринадцать детей. Папа был у всех один, а вот мам – две. Когда первая жена папы умерла, он женился – как это было принято у евреев – на ее младшей сестре, и она к семи уже имевшимся детям родила еще шестерых. Жили они в страшной нищете, в маленьком поселке, расположенном в так называемой черте оседлости – то есть в местности, дальше которой небогатым евреям в царской России жить не разрешалось.

Бабушка рассказывала, что если в их семье на ужин была корка хлеба каждому – то это уже счастье. Рассказывала она и о еврейских погромах – частых избиениях жителей еврейских городков и деревень черносотенцами. То есть темными, необразованными, вечно пьяными людишками, входившими в так называемую «черную сотню» – добровольное объединение неразумных, считавших, что во всех бедах на земле виноваты евреи. Самое же страшное заключалось в том, что, по глубокому убеждению бабушки, черносотенцев подкармливали и подзуживали богатые евреи. И делали они это для того, чтобы держать бедных евреев в страхе и повиновении. А потому бабушка и уважала советскую власть, давшую евреям, как она выражалась, относительную свободу. Потому и перестала верить в Бога, будучи абсолютно убежденной в том, что если бы Бог был, то и евреям жилось лучше, и ее старший сын Боря – дядя Кирилла – никогда бы не погиб на фронте.

Вспомнились Кириллу Аркадьевичу и пышные похоронные процессии, медленно и печально, под рвущие душу звуки духового оркестра, шествовавшие по главной улице города, вблизи от которой и находился их маленький домик. Заслышав страшную мелодию шопеновского траурного марша, все жители близлежащих домов высыпали на тротуары и провожали идущих по центру улицы за гробом печальными взглядами. Чаще всего с такими почестями действительно хоронили высокопоставленных военных, и перед гробом, на специальных красных подушечках, несли их многочисленные боевые награды. Но переубедить бабушку было невозможно – она продолжала доказывать Кириллу, что все эти люди в самом деле утонули в Березине.

Ну и, конечно же, Кирилл Аркадьевич не мог не вспомнить свои ужасные переживания, причиной которых стала собственная преступная глупость. Суть дела заключалась в том, что его любимую колбасу по двадцать шесть рублей за килограмм, которую они с дедушкой покупали, отстояв длинную очередь в магазине, бабушка не разрешала есть без хлеба. Кириллу же есть хлеб не хотелось, и он, недолго думая, стал забрасывать свежие ломти, выданные бабушкой в придачу к колбасе, в открытый лаз сарайного чердака. А какое-то время спустя туда же последовали и вареные всмятку яйца, с детства не любимые Кириллом.

Все вскрылось уже в августе, незадолго до приезда мамы с папой. Обнаружив это безобразие, дедушка пришел в негодование. Он стал кричать, смешно тряся руками, что розги – это меньшее из наказаний, которые, уж точно, заслужил Кирилл. Стася и Анюта дружно поддержали деда, сказав, что с удовольствием поддержат сорванца за руки и за ноги, если дедушка решит его высечь. Кирилл не знал, куда деваться. Он с ужасом представил себе собственную порку, и стыд – как за содеянное, так и от предстоящего наказания – жаркой волной залил не только щеки, но и его душу. Дедушка же достал веник, вытащил из него пяток длинных толстых прутьев и, замочив в ведре, сказал, что вечером, с помощью девушек, разложит Кирилла на диване и всыпет ему по первое число. Неописуемый ужас охва-

тил Кирилла. Главное – он так и не смог объяснить, почему делал это. Ведь понимал же, что такое хлеб, с каким трудом его выращивают люди, как не хватало хлеба в тылу и на фронте, как хлебная корка спасала в детстве его бабушку и ее родных. И тем не менее бросал хлеб на чердак!

Спасла Кирилла бабушка. Спасла от порки, но не от стыда. Поставив его носом в угол, она сказала дедушке:

– Арон, не будь на Киру опекун! У него есть родители! Вот приедут и решат – сечь или не сечь. Если решат высечь – я им сама помогу. А Стася и Аня здесь ни при чем! Тоже мне – учительницы. А пока не приехали родители, убери свой веник, – бабушка сердито засопела и, обернувшись к внуку, с презрением произнесла: – А ты, Кирилл, даже не писер. Ты – просто какер! Вот ты кто! Стой в углу и думай, *что* ты сделал! Мерзкий мальчишка! Босяк!

И Кирилл, стоя в углу, плакал навзрыд и думал лишь о том, что когда приедут мама с папой, то его, без всякого сомнения, прилюдно высекут. И слезы страха и раскаяния лились из его глаз рекой. Ну почему он это делал?!

Кирилл Аркадьевич крякнул и подумал: «Действительно, ну почему я это делал? Ведь знал же, что нехорошо! А почему я делал глупости и позже? Понимал же, чем заканчиваются авантюры! Поистине, какой-то идиомоторный акт! Психологи считают, что так бывает и с водителями-бедолагами: знают же, что нужно жать на тормоз, а жмут на газ».

Когда приехали родители, Кирилл от страха был ни жив ни мертв. Узнав о его «подвигах», мама посмотрела на него как на какую-то гадюку или жабу. Брезгливо сморщившись, она сказала:

– Надо было высечь! И как следует, чтобы запомнил! Ну, а теперь-то я и рук марать не стану, – и спросила, обратившись к мужу: – Правильно, Аркадий? Или все-таки разложим?

– Да нет, пожалуй, уже поздно, – пожал плечами папа, – да и Кирилл, наверное, давно уже все понял.

– Я понял, понял, – закричал Кирилл, – я никогда больше не буду так делать! Мне очень стыдно! Только не надо меня сечь! Я, честное слово, все понял.

И Кирилл физически почувствовал, как потихонечку уходит страх и оттаивает его много дней болевшая душа. Теплая волна нежности, любви и благодарности к родителям захлестнула его, и слезы ручьем снова полились из глаз.

3

А совсем скоро у Кирилла началась новая жизнь – он, наконец-то, пошел в школу. Сопровождаемый мамой и папой, он в первый день шел в школу, как на праздник, – в новенькой форме, с цветами для учительницы и коричневым портфелем, в котором рядышком лежали пенал с карандашами и стирательной резинкой, тетрадки и учебники, не раз прочитанные им от корки и до корки.

И знакомая уже Кириллу белоснежная двухэтажная школа, и их просторный светлый класс, и одноклассники, среди которых были Мила Грусман и Игорь Сивков, и его первая учительница – Любовь Матвеевна, немолодая, но приветливая женщина с косой, красиво уложенной вокруг головы, – Кириллу очень понравились. Все было как в фильме «Первоклассница», который он недавно посмотрел вместе с папой и мамой: и первый звонок, и приветствие десятиклассников, и речь директора и кого-то из родителей – в общем, все прошло так, как и ожидалось. А вот сама учеба Кириллу показалась скучной: он уже умел хорошо писать, читать и считать, в то время как подавляющее большинство его одноклассников едва знали буквы и цифры. И пока Любовь Матвеевна возилась на уроках с остальными, Кирилл откровенно скучал, не зная, чем себя занять.

Другое дело – перемены. На них всегда было и весело, и интересно: большие просторные коридоры давали всем возможность найти себе занятие по душе: старшеклассники играли в чехарду; малышня, жавшаяся к стенкам, смотрела на них с ужасом и восторгом; дежурные по школе, с красными повязками на рукавах, пытались наводить порядок, но все равно все бежали, смеялись, суеились. А еще все дружно ели бутерброды, принесенные с собой из дома: кто с колбасой, кто с сыром, а кто и просто с маслом или маргарином, густо посыпанные сахарным песком.

Электрического звонка в школе не было – в большой медный колокольчик звонила нянечка-техничка, внимательно следившая за стрелками на больших круглых часах, висевших высоко на стенке возле входа. А еще у гардероба на небольшом столе стоял высокий серый бак с водой для питья, со встроенным краном и железной кружкой, прикрепленной к баку никелированной цепочкой.

Помимо переменок, Кириллу нравились уроки пения и рисования, а также те занятия, которые Любовь Матвеевна проводила с ними на природе – в густом парке, расположенном поблизости на склонах Замковой горы, на школьной спортплощадке и на приусадебном участке с многочисленными грядками и цветочными клумбами. Но больше всего нравились Кириллу уроки труда, на которых все та же Любовь Матвеевна учила первоклашек с помощью ножниц и клея делать всевозможные поделки то из цветной бумаги и картона, то из собранных в парке желудей, то из сырых яиц, приносимых ими из дома, и из которых с помощью двух дырочек они учились извлекать содержимое.

За несколько месяцев они так наловчились, что к новогодним праздникам сумели понаделать несметное количество красивых елочных игрушек, которые потом с восторгом узнавали на огромной школьной новогодней елке, установленной в спортивном зале. Запомнились Кириллу и первый в его жизни школьный костюмированный бал, и традиционный конкурс новогодних стенгазет, ежегодно проводимый старшеклассниками.

На уроках же по-прежнему Кириллу было скучновато. От нечего делать он увлекся прописями – специальными тетрадками со слабо пропечатанными графическими элементами букв и цифр, которые нужно было обводить, учась тем самым писать красивым, или, как принято было говорить – каллиграфическим, почерком. Преуспев в этом занятии, Кирилл научился писать так красиво, что его почерк стал неотличим от прописей, и мама с

гордостью долго хранила его тетрадки по чистописанию – был и такой школьный предмет, – хвастаясь перед знакомыми его успехами.

Все в школе шло по заведенному порядку и, казалось бы, ничто не предвещало неприятностей. Но они вдруг неожиданно пришли. Все началось с того, что старшеклассники принесли в школу карбид – вещество, используемое на стройках и имеющее свойство взрываться при соприкосновении с водой. Недолго думая, на перемене ребята бросили карбид в бачок с водой и убежали. Понятно, через некоторое время раздался сильный взрыв и помещение школы наполнил жуткий запах. Бачок, подброшенный до потолка, упал обратно на пол и расплющился. Что началось! Завхоз Иван Данилович, всегда ходивший в гимнастерке с портупеей, стал хвататься за бок в поисках отсутствующего пистолета, директор – вызывать милицию, а школьники и педагоги, оправившиеся от испуга и выскочившие в коридор, увидев мечущегося завхоза, – хохотать! Виновных так и не нашли – приехавшие милиционеры, вместо того чтобы искать преступников, зажали вмиг носы и присоединились к смеющимся учителям и детям.

Но с этих пор карбид стал в школе очень моден. То в одном, то в другом классе начали взрываться чернила, установленные в специальных углублениях на каждой парте. Наученные опытом с бачком, мальчишки-старшеклассники стали бросать в чернила мельчайшие карбидные крупы, не причинявшие большой беды, но вызывавшие такую же реакцию, сопровождавшуюся и чернильным всплеском, и неприятным запахом. Дело дошло до того, что каждую чернильницу перед уроком стали проверять не только педагоги, но и ученики.

Со временем история с карбидом подзабылась, но чернильница – источник прошлых неприятностей – привлекла внимание Кирилла как возможный объект новых шалостей. Причина была в том, что сидевшая перед ним Мила Грусман – такая же отличница, как и Кирилл, но редкостная ябеда, не упускавшая случая доложить учительнице о мальчишеских проделках, – обладала пышной черной и длинной косой с большим бантом, постоянно мелькавшим у него перед глазами. И в какой-то момент, разозлившись, Кирилл засунул кончик Милкиной косы в свою чернильницу. Печальные последствия столь дерзкого поступка не заставили себя долго ждать. Измазанные чернилами передник и платье вызвали у Милки не только злые слезы, но и приступ яростного гнева, завершившийся сильнейшим ударом Милкиного портфеля по Кирилловой голове. Обоих нарушителей порядка Любовь Матвеевна выставила из класса в коридор, где они, не найдя лучшего применения своим чувствам, еще и подрались.

Вернувшись после уроков мама, сполна проинформированная о его подвигах, поставила Кирилла в угол, пообещав попозже – когда вернется папа – как следует погладить попу сына ремешком. Ну, а уж когда пришла взбешенная Мария Моисеевна – мама Милки, требовавшая самых строгих мер воздействия, вечерняя порка стала практически неотвратимой.

– Ну что, выдрали, выдрали?! – заверещала Милка на весь класс назавтра, увидев входящего в дверь Кирилла.

– С чего ты взяла? Вовсе нет, – ответил ей Кирилл, внезапно ощутив, помимо саднящей ниже спины боли, еще и слезы обиды, предательски подступившие к глазам.

– Выдрали, я точно знаю. Мне мама сказала. Маргарита Ароновна пообещала. А она свое слово всегда держит! – торжествовала Милка. – Будешь теперь знать!

– Ну ты, коза кудрявая, лучше помолчи, – вступился за приятеля Игорь Сивков. – Будешь вопить – мы тебя на перемене в мужской туалет затащим!

Милка заткнулась мгновенно – страшнее угрозы для девчонок в их школе не существовало.

– А ты, Лаврик, не переживай, – хлопнув Кирилла по мягкому месту, Игорь по-своему утешил товарища: – Тебя-то хоть дома драли. А меня отец летом при всех во дворе отлупил. Спустил штаны – и крапивой! Вот стыдуха-то была! Ты бы видел!

И, показав кулаки Милке, приятели, обнявшись, вышли в коридор под хохот всего класса.

Окончив год круглым отличником и в общеобразовательной, и в музыкальной школе, Кирилл вместе с подросшим Костику и мамой опять уехал к бабушке и дедушке на лето. У папы были сборы и учения в лагерях, а тетя Оля наконец-то получила отпуск.

Приехав в третий раз в гости к бабушке и дедушке, Кирилл в первые же дни ощутил произошедшие в доме перемены. Причем перемены к худшему.

Во-первых, Стася и Анюта уехали работать на все лето в пионерский лагерь, а значит с частыми купаниями в Березине, о которых так мечтал всю дорогу Кирилл, можно было попрощаться. Во-вторых, все обитатели дома как-то разом сильно постарели: заметно сник Джульбарс, все больше лежавший в тенечке и не прыгавший даже при виде мозговой косточки; куда-то запропастился кот Мурзик, появлявшийся, по словам бабушки, лишь к вечеру, чтобы поест, и быстро исчезающий вновь; да и сама бабушка внешне сильно сдала: сгорбилась, сморщилась и стала часто беспричинно плакать, читая и перечитывая две свои любимые книги – «Войну и мир» Льва Толстого и «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Она и в прошлые годы читала эти книги – читала медленно, пришептывая и как бы про себя, но на самом деле вслух, только очень тихо. В-третьих, дедушка стал сильно кашлять, надолго заходясь в частых приступах, из которых выходил с трудом, отплевываясь и утирая выступившие слезы. Курить же свой любимый «Север» он не перестал и на все советы сходить к врачу отделивался шуточками.

«Сколько же лет всем нам тогда было? – Кирилл Аркадьевич задумался и, посчитав, пришел к удивившему его результату: – Мне – семь, Костику – два, маме – всего двадцать девять, папе – тридцать один, а бабушке с дедушкой, наверное, за пятьдесят. А ведь они казались мне глубокими стариками! Странная это штука – детское восприятие. А может, полвека назад люди и впрямь выглядели старше своих лет». – Озадаченно почесав в затылке, он стал вспоминать, чем же запомнилось ему то лето. А запомнилось оно немногими, но очень характерными штрихами.

Приезд мамы, Костика и Кирилла сразу же создал в тихом доме бабушки и дедушки обстановку легкой истерии. Детей надо было развлекать, разнимать, утешать, укладывать спать, читать им книжки, отвечать на вопросы и следить, чтобы они чего-нибудь не натворили. Но главное, о чем непрестанно заботилась бабушка, их надо было сытно кормить!

Пощупав своими длинными узловатыми пальцами ягодицы Костика и Кирилла, бабушка сварливо заявила маме:

– Ты что их, Рита, не кормила? У них же попы жидкие! Их надо срочно откормить!

На что мама, не менее сварливо, отвечала:

– Отстань от детей! Они нормально упитанны! Нечего им печень портить! И не клади ты столько масла во все блюда! Они же к этому не привыкли, только желудок расстроят! Ну не тридцатые же годы – голод уже в прошлом!

Смертельно оскорбленная бабушка гордо умолкала, но продолжала тем не менее откармливать, как на убой, любимых внуков, упрямо считая плотность их ягодиц основным мерилем физического здоровья. Дедушка же, растерянно глядя на все это, поднимал вверх руки и вздыхал:

– Их вэй! Черт его бога душу матери знает! Суетоха! Ей богу, суетоха!

Новое словечко, изобретенное дедушкой, – по всей видимости, производное от «суеты» и «суматохи», – очень веселило и маму, и Кирилла. И вообще, он узнал много новых слов на идиш, то есть на еврейском языке, которым взрослые время от времени стали поль-

зоваться для того, чтобы скрыть смысл своих пререканий от Кирилла. Так он узнал, что по-еврейски «кум а гер» – значит «иди ко мне», «чепезахоп» – «отстань», а «ге а век» – «уйди». Слово «мишугинэ» означало «сумасшедший», а «шлимазл» – «неудачник», «аидише коп» – «умный еврейский мальчик», а «гой» – «не еврей». Но больше всего ему нравилось слово «балабостэ» – «хозяин» и смешное выражение «азохен вэй», означавшее, примерно: «А! Перестаньте мне сказать!»

Ну а поскольку в разговоры бабушка и мама вставляли много русских слов, Кирилл стал вскоре понимать, о чем шла речь. А шла она в основном о деньгах. То, что «гелд» на идиш означает «деньги», Кирилл понял сразу. Бабушка талдычила, что мама не умеет считать деньги, что деньги надо собирать «копеечка к копеечке», что умные люди всегда откладывают «на черный день», а «мишугинэ-мама» бездумно тратит все, что зарабатывают и она, и папа. На это мама отвечала: ни за что, из-за одного «черного дня», она не будет делать все дни «черными». Что всегда можно занять у друзей, а потом отдать – не для того они с папой работают, чтобы колготиться над каждой копеечкой.

Бабушка опять бубнила, что у них с папой нет своего дома, что жить на частных квартирах – глупо, что папе нужно уходить с военной службы, раз он, трижды сдав на все пятерки, не прошел мандатную комиссию при поступлении в академию. Что ему надо учиться, что «самашедший» Хрущев все равно разгонит армию, что надо возвращаться всей семьей к ним с дедушкой и «строить жизнь». На что мама отвечала, что ни за какие коврижки не вернется, что с нее хватит того «еврейского кагала», в котором она прожила всю свою молодость, и что не надо лезть в ее жизнь, а главное – не надо портить жизнь детям.

Кирилл из этих перепалок узнал немало нового. Во-первых, то, что папа трижды поступал в какую-то, наверное военную, академию, и его не приняли по какой-то особой причине. Будучи не по годам смышленным, он догадался, что это было прямо связано с еврейством. А во-вторых, он как-то сразу понял, что старые евреи – во всяком случае, и бабушка, и дедушка, и их знакомые – люди шумные и странные, живущие не такой жизнью, как другие, и раз уж мама против какого-то «еврейского кагала», то и ему, Кириллу, от евреев надо держаться подальше. К тому же, горькое воспоминание о Милочке и ее маме – единственных евреях, кроме бабушки и дедушки, с которыми он был знаком, – надежно укрепило его в этом мнении. Правда, непонятно было, как относиться к Костику и самому себе, Мирону Михайловичу и папе с мамой – тоже евреям, но на этот вопрос он ответа найти так и не смог.

Дедушка, явно побаивавшийся бабушку и маму, в их яростные споры не влезал, а вставлял лишь едкие слова на идиш, понять которые Кирилл не мог. Затем дед уходил на огород, где все свое свободное время возился с каким-то особым сортом помидоров, доставшимся ему по случаю в прошлом году. И действительно, еще в прошлый приезд Кирилл отметил, что помидорные кусты у дедушки были намного больше тех, которые он видел в огороде их квартирной хозяйки.

Своим любимым помидорам дедушка отдавал все силы. Придя с работы и едва успев поесть и выкурить папироску, он брал большую кисточку и шел на грядки. И там, присев на корточки или согнувшись – в зависимости от высоты куста и местоположения распутившихся на помидорных веточках желтых цветочков, – погружал кисточку в чашечку цветка и делал там несколько кругообразных движений. По сути он выполнял работу, которая природой была предназначена пчеле – то есть опылял каждый цветок своими собственными руками. А поскольку кустов было много и цветков на кустах – видимо-невидимо, то и конца-края дедушкиной работе тоже не было видно.

И бабушка, и мама, посмеиваясь над его трудом, который мама называла не иначе как сизифовым, не упускали все же случая прикинуть, каких размеров будет урожай, если, дай бог, все опыленные цветы принесут завязь, а потом и вожаделенные плоды.

– Смейтесь, смейтесь, глупые курицы, – ворчал дедушка и с новой силой продолжал корпеть над кустами. – Вот вырастим мы помидоры, да повезем с Кирюшей на базар, да продадим – тогда посмотрим, кто из нас Сизиф.

– А кто такой этот Сизиф? – как-то спросил Кирилл, не отходявший ни на шаг от деда в надежде, что и ему он разрешит хоть чуточку поопылять цветочки.

– Да в древности был такой царь – очень плохой. И после смерти его наказали боги – заставили вкатывать на гору тяжеленный камень, который все время обратно скатывался вниз. И так с утра до темной ночи, каждый день.

– И получалась бесполезная работа?

– Ну, таки да! Совершенно бесполезная! А что может быть хуже бесполезной работы! Подумай, Кира! Ничего! Человек должен всегда видеть результат! Запомни это!

И Кирилл запомнил. На всю жизнь.

«Да, действительно запомнил, – подумал про себя Кирилл Аркадьевич, – и если всеобщая формула счастья, по-видимому, отсутствует, то всеобщим синонимом несчастья вполне может являться понятие “сизифова труда”. И, к сожалению, примеров – пруд пруди! Как говорил дедушка – большой воз и маленькая тележка».

Однако, вспомнив эпопею с помидорами, Кирилл Аркадьевич не мог не вспомнить и ее финал. Цветочки таки вскоре превратились в завязь, а там – недели через три, к концу июля – на всех кустах набухли и плоды. Сначала серые, потом зеленые, они в какой-то миг порозовели и налились. Не дожидаясь, когда помидоры покраснеют, дедушка их аккуратненько снимал с кустов и, завернув в газетные обрывки, укладывал в большие чемоданы и сундук, стоявшие в сарае.

Спустя еще неделю помидоры в чемоданах стали совсем красными, и дедушка начал готовить тележку и картонные коробки, чтобы в ближайшие субботу и воскресенье везти свой урожай на базар. Он был готов взять с собой и Кирилла, но мама, в принципе не одобрявшая идею с торговлей, но не знавшая, как дедушку остановить, сразу же заявила свое категорическое «нет».

– Где это видано, чтобы сын учительницы и офицера торговал на базаре? Стыд и срам какой-то получается! – шумела мама и, пытаясь найти поддержку со стороны бабушки, просила ее уговорить мужа:

– Хоть ты меня поддержи! Что восьмилетнему ребенку делать на базаре? Там ходят разные люди, антисанитария полнейшая! Где он там поест? А проблема с туалетом! С ума все посходили!

Но бабушка, совсем неожиданно для Кирилла, готового на все, только бы пойти с дедом на базар, маму не поддержала:

– Ты, Рита, не шуми. Продавать выращенное своими руками не стыдно. Да и деньги в доме не валяются. Я и так не отхожу от швейной машинки – обшиваю всех, кто ни попросит. А Кирилл уже не ребенок. Он умный мальчик. Пусть посмотрит, как деньги достаются. Да и пойдут они ненадолго, не так много у Арона помидоров. А что он твой сын – так кто это знает? И тебя здесь не знают, и твоего Аркадия. А Кирилла и подавно никто не узнает.

– Мапочка, миленькая, – завопил Кирилл, – отпусти меня на базар! Я буду дедушку слушаться, честное слово! Мне так хочется пойти с ним. Да и ему со мной будет не скучно. А я хорошо позавтракаю и есть совсем не захочу. И в туалете я знаю, что и как делать. Я же в школе первый класс закончил!

– Нет, вы все сошли с ума! Какой базар, какая торговля! – не унималась мама, но постепенно, под напором родителей, убедительно доказывавших ей, что ничего с Кириллом не случится, сдалась:

– Черт с вами, пусть идет! Но смотри, Кирилл, от дедушки ни на шаг! Чтобы слушался беспрекословно и не шалил!

– Мамочка, я буду слушаться! Вот увидишь! Правда-правда! – у Кирилла от счастья даже дыхание перехватило.

И вот в ближайшую субботу, рано утром, плотно позавтракав и выслушав все наставления бабушки и мамы, они с дедом выкатили тележку с помидорами за ворота и не спеша направились к базару. Идти было совсем недалеко – кварталов пять, – и минут через двадцать они уже оказались на базаре. Заплатив в конторе за место и весы, дедушка пристроил тележку у свободного прилавка овощного ряда, выложил помидоры, поставил ценник и стал ждать покупателей.

Кирилл с любопытством огляделся. Вокруг них за прилавками стояли люди, тоже торговавшие овощами – морковкой, огурцами, помидорами, луком, редисом, баклажанами и кабачками, а также привезенными откуда-то арбузами. Покупателей было немало. Они толпились, переходили от прилавка к прилавку, приценивались, трогали овощи и спрашивали, откуда привезли. Но покупать не торопились. Казалось, все пришли не для того, чтобы купить, а для того, чтобы лишь присмотреться.

Ребенок, восседавший рядом с дедом за прилавком, привлекал внимание:

– Ой, какой кудрявый мальчик! Помогает дедушке? Ай, молодец! И откуда помидоры? Здешние? Да они ж не на кусте спели! Небось, их в темноте держали? Вот жулики!

– Какой класс кончил? Первый? И уже торгуешь? Странно. Зачем вы, гражданин, ребенка к рынку приучаете? Нехорошо!

– Вот молодец, надо, надо к труду приобщаться! А растить помогал? Да? Ну, давайте, куплю у вас килограммчик.

Но в целом торговля шла плохо. Дедушка стеснялся хвалить свой товар, не скрывал и того, что овощи не привозные. Цену не снижал, а запрашивал, как все. Взвешивая помидоры, всегда давал «поход», то есть бесплатную прибавку.

Кириллу все безумно нравилось. Вот только то, что их товар брали немногие, его, конечно, задевало.

– Дедушка, ну почему у нас не покупают? – спрашивал он с обидой, вглядываясь в проходивших мимо покупателей с робкой надеждой.

– Видишь ли, Кирилл, – отвечал дедушка, – торговать-таки надо уметь. Тут нужен особый талант. А у нас с тобой его нет. И вообще, торговать должен не тот, кто товар производит, а тот, кто лучше его продает. Это целая профессия!

– Почему же мы сами торгуем?

– Потому, что мы мелкие частники. А они никому не нужны.

Кто такие «частники», Кирилл так и не понял, но зато быстро сообразил, что немалую часть их товара придется отвозить назад. В конце концов они оба устали и, не дожидаясь окончания торговли, направились домой.

И тем не менее и Кирилл, и дедушка были довольны: из привезенных на базар четырех больших коробок три им удалось продать.

– И сколько выручили? – спросила бабушка прежде всего, зайдя в воротах.

– Сколько мы выручили – все наше! – смеясь, ответил дедушка. – Совсем неплохо, три коробки продали! И, знаешь, мне Кирилл помог. Он привлекал внимание, и люди подходили.

Раздувшийся от гордости Кирилл бросился к маме, вышедшей из дома, и закричал:

– Мам, все было здорово! Мы с дедом торговали как настоящие крестьяне. А кто такие – частники?

– О, господи! Где ты такого набрался? Частничек мой, ненаглядный! Иди умойся и за стол. Небось, проголодались!

Кирилл Аркадьевич невольно улыбнулся, вспомнив свое боевое крещение на ниве частной торговли. «А ведь действительно таланта торговать у меня нет! Как не было его и у деда. Скорей всего, это врожденный дар. И наши книги – те же помидоры! Когда еще

была жива оптовая торговля, был и доход, и прибыль. А как накрылся опт – упали тиражи, а значит, и доходы. А уж о прибыли пришлось совсем забыть. Как выживают все издательства – одному богу известно! И все же прав был дед: торговать таки надо уметь!»

Они еще не раз возили помидоры на базар, но торговля у них шла без явного успеха. Возвратившись домой, дед недовольно бурчал, чесал в затылке и, подсчитав на бумажке доход, протяжно вздыхал: «И-ээх!» Кириллу же продажа помидоров быстро надоела, и он шел с дедом на базар скорее из чувства солидарности, чем с желанием заработать деньги. К деньгам он относился равнодушно, и бабушка шутливо говорила, что Кирилл – «плохой еврей».

Лето подошло к концу, и надо было начинать готовиться к отъезду. Костик заметно вырос и окреп, да и Кирилл поправился и возмужал. Жаль было лишь того, что на Березине он побывал всего три раза – мама на большее не решилась, а взрослых, с которыми его могли бы отпустить купаться, к сожалению, не нашлось. Из-за разнообразнейших забот Кирилл в летние месяцы прочел на удивление мало. Зато он разучил все пьесы, заданные ему Верой Кузьминичной на лето – день через день они ходили с мамой к родственникам «с пианино», где он усердно, чуть ли не по часу, занимался.

Мама с бабушкой перед отъездом почему-то перестали препираться и, сидя рядышком, о чем-то тихо и подолгу говорили. Дедушка все так же сильно кашлял, много курил, возился со своими накладными и перекладывал какие-то бумаги синей копиркой. А за обедом и за ужином все чаще заходила речь о сносе дома и о том, как будут бабушка и дедушка существовать, если вместо него, а также вместо огорода с садом, они получат, в лучшем случае, двухкомнатную квартирку. Горестно вздыхая, взрослые прикидывали варианты, но так и не могли найти ответа на этот вопрос.

А накануне самого отъезда, обойдя участок и попрощавшись с помидорными кустами – попутно навсегда запомнив волшебный запах помидорных листьев, растертых между пальцами, – погладив стволы яблонь и расцеловав Джульбарса, Кирилл с грустью подумал, что в этот огород и сад, он никогда, наверное, уж больше не вернется.

4

На следующий день перед обедом Кирилл Аркадьевич зашел к Виталию в палату, чтобы провести и морально поддержать товарища. Сосед по палате отсутствовал, и Виталий в одиночестве лежал одетым на кровати и читал журнал. Увидев гостя, он обрадованно привстал с подушки, улыбнулся и сказал, что ему уже гораздо лучше:

– Врачи считают, что кризис миновал, и завтра я уже выйду на свободу.

– Ну и чудно. А что же все-таки случилось? – Кирилл Аркадьевич присел на стул и пытливо посмотрел на Виталия.

– Да, говорят, спазм сосудов. Я сдуру перетрусил, и всех напугал, – Виталий смутился. – Уж думал, все – конец! Но потом отпустило, и все дурацкие мыслишки улетучились.

– Да бросьте вы, Виталий Петрович. Помирать вздумали! Еще чего! – возмутился Кирилл Аркадьевич.

– А я где-то читал, что накануне смерти вся жизнь перед глазами проходит, – Виталий улыбнулся. – Слыхали об этом?

– Да слышал я, но думаю, что враки, – Кирилл Аркадьевич озадаченно потер мочку уха. – Хотя все может быть. Черт его знает! – И про себя, поежившись, подумал: «А я тут вздумал вспомнить жизнь. К добру ли? Тьфу, тьфу, тьфу!»

– Так вот, я в это верю. И поскольку ничего такого ни во время инфаркта, ни во время этого приступа мне не привиделось, то я и решил: черта с два я помру сейчас. Рано еще! – Виталий засмеялся и задорно взглянул на Кирилла. – Какие наши годы, чтоб помирать. Вон мы как посидели! Здорово было, спасибо вам!

– А может, наша посиделка и подтолкнула приступ? – Кирилл Аркадьевич поерзал на стуле и нехотя признался: – Мы, честно говоря, так и подумали. И знаете, определенную вину почувствовали – и я, и Вика, и Василий.

– Не смешите меня, Кирилл! Мне кажется, я рыбой отравился: поплохело, давление – вниз, вот вам и приступ, – Виталий нахмурился: – Терпеть не могу вареную рыбу, а за обедом через силу съел. Вот и вся причина. Моя врачиха говорит, что все возможно. Так что не берите в голову.

– Ну, дай-то бог! – Кирилл Аркадьевич облегченно вздохнул и хотел уж было попрощаться, как Виталий, остановив его жестом, попросил:

– Погодите, Кирилл, не уходите. До обеда-то еще полчаса. Все хотел спросить у вас: где вы берете оптимизм?

– О чем вы? Побойтесь бога, Виталий! Какой оптимизм? Да все это не более чем актерское мастерство! – Кирилл Аркадьевич рассмеялся, прижал руки к сердцу и добавил: – Просто я всегда радуюсь тому, что есть, и не грущу от того, что чего-то нет! Вот и все.

– Значит, у вас много чего есть, – задумчиво сказал Виталий, словно подводя итог каким-то своим размышлениям.

– Ну, это как посмотреть, – Кирилл Аркадьевич покачал головой, – у всех много чего есть, только некоторые сами иногда о том не ведают.

– Это как? – удивился Виталий.

– А просто, – Кирилл Аркадьевич прищурился. – Как правило, у нас у всех – я имею в виду людей одного поколения, ну и, скажем, одного социального положения – в активе примерно одно и то же: мама, папа, вуз, работа, женитьба, дети, квартира, возможно, даже дача и машина, и, при всем при том, полное ощущение бездарно и бесплодно прожитой жизни. Разве не так?

– Напротив, абсолютно так! В самую точку! Но почему? Почему я, к примеру, чем дальше, тем больше ощущаю себя выброшенным из жизни? И все время думаю о том, зачем я жил, что сделал, что оставлю после себя и детям, и вообще? А вы об этом никогда не думали?

– Да думал, думал! И придумал. Хотите знать? Извольте! – Кирилл Аркадьевич уперся руками в колени. – Детям я оставлю сделанную своими руками табуретку на тещиной даче да кучку наград и почетных дипломов в придачу, а вообще – два дерева, посаженных вместе с женой в честь рождения наших детей: дуб в год рождения старшего – Сережки, и сосну, которую мы посадили после рождения младшей – Варьки. И все! А сделанное по работе не считается! Во-первых, за редчайшим исключением, все устаревает и забывается, а во-вторых, ушедшего из жизни человека помнят только близкие, да и то – недолго. Что, я не прав? Да прав я, прав, и примеров тому – тьма!

– Неужели все так примитивно? – Виталий даже растерялся. – Не может того быть! Ну для чего-то мы на свет явились?

– Как для чего? – Кирилл Аркадьевич удивился. – Да для любви! И только! Все остальное – гарнир, приложение. У кого оно побогаче, у кого – победнее. Но главное – любовь! Тот, кто этого не испытал – заметьте, я не про семью, жену, детей, а про *любовь*, пусть даже юношескую, пусть единственную, – тот, я согласен, зря пришел на этот свет. И пусть повесится, не жалко! – Кирилл Аркадьевич завелся, его, как и небезызвестного Остапа, понесло. – Вот где источник преступлений, извращений и прочих гнусностей – в отсутствии испытанной любви! Я в этом уверен так же, как и в том, что такой человек не в состоянии оценить ни синевы неба, ни зелени травы, ни улыбки ребенка, ни красоты животного.

В палате повисла неловкая пауза. Виталий, сидевший на постели, откинулся на стенку и нахохлился:

– Так просто? – и повторил ранее сказанное: – Не может быть!

– Да может, может! – Кирилл Аркадьевич вышел из себя: – Мы просто этого подчас не замечаем, не отдаем себе отчета! Ну вспомните, ведь было в вашей жизни что-то, что до сих пор жжет сердце? Только не отвечайте вслух – ответьте про себя. А если было, то и нет смысла злиться на весь свет. Политика, карьера, деньги – все преходяще, а вот воспоминания о чуде, которое хоть раз, но состоялось, – единственная ценность, дарованная нам природой, – Кирилл Аркадьевич перевел дух: – Вы знаете, Виталий, я снимаю шляпу перед женщиной, которая родила ребенка от любимого мужчины и на всю жизнь осталась ему верна, даже если этого мужчины нет рядом уже много лет по любой причине. Вот она – сила любви! Хотя мы этих женщин и не понимаем, называем дурами и учим жить. Другое дело, что их дети бывают жестоки и, сами того не желая, ранят матерей смертельно. Ну, да это – совсем иная история. А вообще, про то, *кто что* оставит после смерти, могу сказать, что мой отец оставил только ордена и медали, а тесть – в придачу к орденам свой офицерский кортик и фуражку с крабом. Все!

– Ну, вы тут прямо мне словно краткий курс КПСС все изложили. Тогда, конечно, вопросов нет, – Виталий рассмеялся, но упрямо добавил: – На самом деле – все не так просто, все – гораздо сложнее. Хотя вот про любовь, наверное, точно.

– Ну, слава богу, еще одного неверующего в свою веру обратил! – Кирилл Аркадьевич засмеялся примирительно. – Не знаю, что уж на меня нашло, – разошелся, понимаете ли. Раздухарился, как говорили во времена нашей юности. Тема-то больная. Кусается! Конечно, в молодости проще было: за каждым поворотом что-то ждало. Теперь-то – фигурки! Вот в этом все и дело...

Вошедшая в палату нянечка, толкавшая перед собой тележку с обедом для Виталия, прервала их горячую беседу, и Кирилл Аркадьевич, тепло попрощавшись, отправился в столовую.

Василий и Виктория уже сидели за столом и что-то оживленно обсуждали.

– О чем вы на сей раз? – спросил Кирилл Аркадьевич, приветствуя соседей по столу,
– Да вот Василий все про армию рассказывает, – ответила Виктория, – о том, что было, и о том, что стало. Просто ужас! Его послушаешь, так дыбом волосы встают! – передернув плечами, она принялась за еду.

– Да ничего уж я такого нового и не сказал, – Василий усмехнулся. – Просто я согласен с кем-то умным, кто сформулировал закон: тот, кто не кормит, во всех смыслах, свою армию, тот, рано или поздно, станет кормить чужую. Не знаете, случайно, кто это сказал?

– Да нет, не знаю, – Кирилл Аркадьевич задумался, – формулировку эту слышал и, разумеется, согласен. Я все-таки сын офицера, и состояние дел в армии меня волнует. Вот только изменить мы ничего не можем. А жаль!

– Я, знаете, о чем намерен тут подумал? – Василий оживился и даже отложил ложку. – О том, что с семнадцатого года – по тридцать седьмой – прошло всего лишь двадцать лет. За этот срок наша страна – что бы там все злопыхатели ни говорили – сделала скачок, равного которому в истории и не сыскать. А мы сего дня? Ведь с девяносто первого прошло уже семнадцать лет, а воз и ныне там! А почему, спрашивается? А потому, что нет идеи, идеологии, если хотите. А без нее ничего не построишь. Так и будем в хвосте плестись – и у Америки, и у Китая. Китайцы, кстати, лет так через тридцать у нас Дальний Восток оттяпают – будьте уверены! Точнее – сами отдадим. Детей-то не рождем. Вот и будем кормить узкоглазых военных. И поделом нам! – сердито засопев, Василий замолчал и взялся за остывший суп.

– Да, перспектива, – Виктория поежилась, – скажите лучше, как там наш Виталий? Мне же неловко лезть в мужскую палату. А вы как, вроде, собирались его навестить.

– Да все нормально, – Василий улыбнулся, – завтра заточение Виталия закончится. – И, обратившись к Кириллу, спросил: – Вы заходили?

– Да, заходил перед обедом. Мы даже с ним поспорили. Так что, действительно, все в норме.

– А о чем был спор? – загорелась Виктория. – Жутко интересно, расскажите.

– О смысле жизни. Только ничего не расскажу. Когда два старых мужика заводятся на отвлеченные темы, ничего, равным счетом, понять невозможно.

– Куда уж нам, молодым бабам! – Виктория лукаво посмотрела на мужчин: – Вообще-то ни один из вас на старика не тянет.

– Мерси за комплимент, – Василий хохотнул и подмигнул Кириллу. – Алаверды вам, Вика. Вы тоже не старушка, уж поверьте!

– Ну вот и объяснились. Не прошло и пяти дней, – все засмеялись, а Виктория, решив продолжить разговор, призналась: – Мне с вами, правда, очень интересно. Давно уж не общалась по-людски. Все как-то больше мы на бытовые темы разговариваем – и с мужем, и с подругами, и на работе. Ну, сами понимаете. А здесь вдруг повезло на собеседников. Так рассказали бы о чем-нибудь веселом. А то все про политику, про армию да про смысл жизни. Мне же так хочется поговорить о музыке, о литературе, о кино.

– Ну, это все епархия Кирилла, – мгновенно перевел стрелки Василий, – его и пальма первенства.

– Да что рассказывать, Виктория? Поверьте, нечего! – Кирилл Аркадьевич, застигнутый врасплох, второй раз в этот день вдруг рассердился. – И в музыке, и в литературе, и в кино у нас все прежнее – советское. Конечно, если брать искусство подлинное, а не искусные подделки. И в чем причина – не пойму. Действительно, Василий прав. Семнадцать лет прошло, а мы все смотрим «Иронию судьбы», «Белорусский вокзал», «А зори здесь тихие» да «Иван Васильевич меняет профессию». Ничего нового, по-настоящему, ведь нет. Одни эксперименты. И в литературе то же – Улицкая да Рубина, Маканин да Пелевин. А кто еще? Аксенов и Сорокин? Ну не считать же за литературу серийные опусы Марининой, Акунина, Устиновой, Донцовой и Бушкова! Единственный остался – Гранин. Так патриарху ведь

уже немало! А что до музыки, так еще хуже, – Кирилл Аркадьевич перевел дух: – Понимаете, после Шостаковича и особенно Прокофьева в серьезной музыке ничего принципиально нового не появилось. Все, что написано, – не более чем повторение пройденного. Ну, может быть, Хачатурян или Канчели. И то – с большой натяжкой. А так, кого ни возьми – Хренников, Щедрин, Свиридов, Гаврилин, Петров, – все они в той или иной мере талантливые продолжатели традиций. А это для искусства, по большому счету – губительно. Нужна новация, а ее нет. И может быть, уж никогда не будет, – Кирилл Аркадьевич умолк и взялся за второе.

– Ну, вы даете! – Василий даже поперхнулся. – Я половину тех фамилий, что вы назвали, впервые слышу. И, разумеется, судить не в силах. Но то, что развитие искусства может остановиться – это вы загнули! Просто нет идеи! Да и людей искусства, по большому счету, у нас осталось мало – кто умер, кто уехал. И многие потенциальные художники вместо искусства ушли в бизнес. Ну, и худсоветов нет. Раньше-то, небось, без разрешения властей не только книжка в свет не выходила, но и симфония не исполнялась! А нынче? Кто во что горазд! Кто первый встал, того и тапки! Были бы денежки, а уж остальное...

– Сдаюсь, сдаюсь, вы правы, тут я перегнул, – Кирилл Аркадьевич досадливо поморщился. – Вы понимаете, Василий, для меня это – больной вопрос. А потому и горячусь. Конечно, раньше-то без творческого обсуждения ничто не выходило в свет – ни книга, ни картина, ни симфония. Беда была лишь в том, что худсоветы все «сидели» на партийном стержне. А мы с водой, как водится в России, выплеснули и ребенка – вместе с понятием партийности отменили и художественные обсуждения. Кто что создал – то и выходит, и звучит, и выставляется. И получается, что даже лучшие работы не находят адресата. Все усреднилось – и тиражи книг, и масштабы художественных выставок, и качество, да и число концертных исполнений. У музыкантов даже шутка родилась: такой-то композитор – автор многих, исполненных по разу, сочинений. Вместо того чтобы настойчиво пропагандировать таланты, мы их, в лучшем случае, не замечаем. И все, конечно, в деньги упирается, точнее, в их отсутствие. Понятно, нашим новым партиям не до культуры и искусства – им бы самим выжить. И в этом смысле у КПСС еще учиться и учиться!

Все дружно рассмеялись и, казалось, завершили тему. Но Виктория, жеманно надув губки, заявила:

– Нет сладу с мужиками! Я вас попросила рассказать о чем? О музыке, литературе, о кино! А вы о чем? Опять о каких-то проблемах? Да ну вас! Называется, поговорили...

– А хотите, Вика, анекдот на эту тему? – Кирилл Аркадьевич подмигнул Василию.

– Хочу! Вы, право же, Кирилл, ходячий сборник анекдотов.

– Так слушайте! На одном заводе, при советской власти, начальник цеха поделом послал к такой-то матери рабочего-партийца. Тот обиделся и пошел жаловаться в партком. Секретарь парткома, выслушав рабочего, сейчас же вызвал на ковер его начальника. А тот, войдя к секретарю и увидев своего рабочего, очень удивился: «Я, – говорит, – тебя куда послал? А ты куда пошел?!»

Но даже дружный смех, раздавшийся в ответ, не поставил точку в разговоре. Вика, отсмеявшись, вдруг спросила:

– Вот скажите, Кирилл, только честно: вы кому-нибудь из мужиков в своей жизни завидовали?

– Еще как! И сейчас завидую, – с серьезным видом заявил Кирилл Аркадьевич, предвкушая предстоящую реакцию Виктории на свой будущий ответ.

– Кому же, если не секрет?

– Какой секрет? Извольте! Завидую, и сильно, всем пьяницам и бабникам!

– ?!

– Ну, посудите сами! Пьяница дорвется до стакана и... всецело счастлив! С бабником, в конечном счете, происходит то же самое. Ну, а что же делать мне, непьющему и не столь

охочему до женского пола? Где ж мое-то счастье? Только и остается, что завидовать, – не выдержав, Кирилл Аркадьевич, а следом и Василий, расхохотались, глядя на пытающуюся сделать вид, что сердится, Викторию.

– Да ну вас! Подкололи женщину, и рады! Я же серьезно вас спросила, а вам все шуточки. Да ладно, хватит уж смеяться! Неудобно же. Пошли.

И они с легким сердцем разошлись по палатам.

Глава четвертая

Дрова. – Духовой оркестр. – Испорченный почерк. – Хрущев. – Анекдоты. – Драка в школе. – Демобилизация отца и его новая работа. – Киев. – Домашние вечеринки. – Концерты в Доме культуры. – Болезнь Костика. – Вино. – Заслуженная расплата.

1

Возвратившись после обеда в палату, Кирилл Аркадьевич присел к ноутбуку, включил его в сеть и задумался. «Пожалуй, перебор активного общения, – сказал он сам себе. – Ох, надо сокращать контакты и глушить эмоции! А то, ей-богу, не успею до отъезда завершить задуманное».

Разумно подойдя к поставленной перед собой задаче, Кирилл Аркадьевич, сразу по приезде в санаторий, решил вначале, до того, как сесть за текст своего будущего сочинения, составить его план – по сути, развернуть перед самим собой едва ли не кинематографический монтажный лист всех главных эпизодов своей жизни, осевших в памяти, причем в хронологическом порядке. Работа, как ни странно, продвигалась успешно. К его большому удивлению, память выдавала «на гора» все новые и новые подробности, казалось бы, совсем забытых за давностью прошедших лет событий. И он лишь успевал фиксировать в компьютере и то, что вспомнилось, и то, что думалось попутно с этим непростым, но радостным процессом упорядочивания собственных воспоминаний.

Однако слишком бурное общение с товарищами по столовой стало негативно отражаться на его работе – он вдруг невольно, в мыслях, все чаще начал возвращаться к темам разговоров, деталям, репликам, смешным моментам в их общении. Виктория, Виталий и Василий, ни сном ни духом не ведавшие об этом, стали занимать в его сознании все больше и больше места. И с этим надо было что-то делать. «Ладно, придумается что-нибудь, – мысленно успокоил себя Кирилл Аркадьевич, – буду посдержаннее. А то, вон, распустил хвост, как павлин, и сам собой любуюсь. Все! Пора за работу! Баста!»

Перечитав написанное вчера и кое-что добавив, он снова погрузился в свои детские воспоминания, и уже глубокой ночью родился конкретный план, пунктирно отражающий его мальчишескую жизнь на протяжении последующих четырех лет, а именно – с сентября 1955-го по сентябрь 1959 года.

План был составлен по годам и включал в себя основное содержание его давнишней жизни – то, что он сумел вспомнить и зафиксировать:

Сентябрь 1955-го – сентябрь 1956-го (8–9 лет)

Учеба во втором классе общеобразовательной и музыкальной школы. Солирование в хоре.

«Студебекер» и дрова. Отцовские уроки колки дров.

Военный духовой оркестр и усатый старшина-баритонист.

Книги Аркадия Гайдара. Попытка написания собственного сочинения. Вконец испорченный почерк.

XX съезд КПСС и отношение людей к Н. С. Хрущеву. Гости в доме. Первые подслушанные «взрослые» анекдоты.

Стычка с мальчишками на тему еврейского вопроса, в частности, на тему еврейской пасхи и мацы. Драка в школе.

Начавшиеся неприятности у отца на службе. Начхим, начфин, начальник клуба. Отец и домашние обеды. Требования отца к поведению за столом.

Увольнение отца в запас. Поездка в Киев.

Новая работа отца в должности директора клуба. Домашние вечеринки.

Первые уроки игры в шахматы.

Парикмахерская как мужской клуб.

Концерты художественной самодеятельности. Рентгенолог Бардин.

Воспаление легких у Костика. Его выздоровление.

История с вином, шприцем и кипяченой водой.

Сентябрь 1956-го – сентябрь 1957-го (9–10 лет)

Учеба в третьем классе. Общественная работа. Начало мутации голоса. «Скворцы прилетели» и «Эх, дороги!».

Книги Жюль Верна и «Морские рассказы» Константина Станюковича. Мечты о море и бесконечное рисование парусников.

Фильм «Карнавальная ночь».

Размышления родителей и их друзей о путях дальнейшей жизни.

Неожиданно появившаяся и вскоре исчезнувшая собака.

Прием в пионеры. Фильм «Тайна двух капитанов».

Решение родителей о принятии предложения Грусманов переехать в другой город. Прощание с тетей Олей и подругами мамы. Переезд.

Новый город и новая работа отца в должности экономиста автобазы. Новая квартира в четырехквартирном финском домике. Рождение Ксении.

Самостоятельная поездка в гости к бабушке и дедушке. Жалобы бабушки на соседей. Походы с дедушкой к нему на работу. Бесплатное мороженое. Шариковая ручка и ГАЗ-51. Интерес к курению и первая папироса. Ссоры бабушки и дедушки. Бабушкина ревность.

Проснувшееся вдруг либидо. Постыдный эпизод с замочной скважиной.

Сентябрь 1957-го – сентябрь 1958-го (10–11 лет)

Учеба в четвертом классе. Новая школа и новые учителя. Новая учительница в музыкальной школе.

Директор средней школы и его привычки. Уборка школьных классов.

Первый искусственный спутник Земли.

Знакомство с коллегами мамы. Учителя и актерское мастерство. Мама в школе и дома.

40 лет Великого Октября. Вступление мамы в партию. Поступление отца в Минский институт народного хозяйства на заочное отделение.

Новая няня – тетя Ледя.

Книги и ноты. Библиотеки. Чтение запоем. Романы Александра Беляева и «Два капитана» Вениамина Каверина. Домашняя война против ночного чтения. Рыбная ловля с книгой.

Осознание собственной половой принадлежности. Безответная любовь.

Нецензурная лексика. Что такое презерватив?

Письмо от дедушки о сносе дома и получении однокомнатной квартиры.

Первые попытки игры на фортепиано по слуху. Договоренность с отцом. Первые успехи на сцене.

Конкурс имени Чайковского. Ван Клиберн.

Первые мысли о своей будущей профессии.

Пионерский лагерь. Постыдный инцидент со старшей пионервожатой. Расплата за грехи.

Сентябрь 1958-го – сентябрь 1959-го (11–12 лет)

Учеба в пятом классе. Уроки математики и мама.

Успехи в музыкальной школе.

Игра на рояле как способ понравиться девочкам.

Концерты в Доме офицеров и Доме культуры.

Первая профессиональная настройка и регулировка домашнего пианино. Осознание того факта, что пианино настроено на полтона ниже положенного.

Уроки производственного обучения. Столярные и слесарные мастерские.
Попытки завоевания авторитета у сверстников.
Первые шалости и хулиганские поступки.
Школьные вечера. «Маленький цветок» и «Серебряная гитара».
Школьные драки.
Увлечение волейболом. Борьба учительницы по фортепиано с занятиями спортом.
Первый велосипед. Поездки на велосипеде к Костику в лагерь.
Первый алкоголь и первые сигареты.
Поездки с мамиными коллегами за грибами и эпизод на речке. Месть учительнице рисования.

Назавтра утром, встретившись в столовой со своими сотрапезниками и тепло поприветствовав Виталия, вернувшегося, как он говорил, из заключения в палате, Кирилл Аркадьевич безо всяких предисловий попросил у всех прощения за свою вчерашнюю горячность.

– Да вы чего, Кирилл, не выпались, что ли? – искренне удивился Василий, с недоумением посмотрев на товарищей.

– Есть немного, – ответил Кирилл Аркадьевич, – работал до глубокой ночи.

– Ну, и не приходили бы на завтрак! – воскликнул Василий. – Делов-то! С этим, слава богу, здесь не строго.

– Так вы бы стали волноваться, – усмехнулся Кирилл Аркадьевич. – Может, так и буду делать. Я ведь сова, люблю работать по ночам.

– Кирилл, о чем вы говорите? – удивился и Виталий. – О какой горячности? Мы с вами просто по душам поговорили, и я вам очень благодарен!

– Ну, значит, мне это просто показалось, – улыбнулся Кирилл Аркадьевич.

– А то-то я смотрю, у вас компьютер маленький стоит на туа летном столике, – Виктория лукаво посмотрела на Кирилла: – Я-то подумала, что он вам нужен по работе, а вы, значит, пописываете по ночам.

– Пописываю, есть грех. Задумка у меня одна имеется. Днем гуляю – думаю, а по ночам – пишу. Ну, а компьютер по работе тоже нужен, – Кирилл Аркадьевич почесал в затылке. – Как сегодня обойтись без электронной почты? И документы получаю, и материалы. Ну, и отвечаю так же.

– А с Интернетом связываетесь как? – спросил Виталий.

– Да у меня модем – скайлинковский, удобно и недорого.

– Да-а, – протянул Виталий, – что бы мы делали без Интернета? А без мобильных? Ведь ни один фантаст не предсказал!

– Вот это точно! – Василий оживился: – Ведь раньше как было? Наши родители по телефону лишь договаривались о встрече. Мы уже по телефону научились решать все вопросы. А нашим детям телефона уже мало – им, ишь, компьютер подавай, не оторвать, спят с ним!

Все дружно согласились, а Виктория призналась:

– Я, к сожалению, пока с компьютером на «вы». Так, только игры. Надо будет научиться. А что? Внуки покажут!

– И с Интернетом сразу же осваивайтесь, не оставляйте на потом, – дал совет Василий. – Удобно чрезвычайно! По сути дела, библиотека на дому.

– Но проверять все же надо, – сказал Кирилл Аркадьевич, – вранья немерено и в Интернете.

– Ну вот, а сами говорили, что ничего после себя вы оставлять не собираетесь! – с улыбкой упрекнул его Виталий.

Кирилл Аркадьевич смущенно засмеялся:

– Как говорили древние: мысль изреченная – есть ложь! Может, и не прав я был, а может быть, и прав. Кто знает?

– Да ладно вам! – махнул рукой Виталий. – О чем пойдет хоть речь? Не скажете, конечно.

– Не обижайтесь, не скажу. Быть может, и не выйдет ничего, – Кирилл Аркадьевич постучал по деревянному покрытию стола. Все снова засмеялись, а Виталий, резюмируя, подвел черту:

– Не сомневаюсь, все у вас получится. Рассказчик вы отменный, а значит, и напишете не скучно, о чем бы ни писали. К тому же это не на бумаге ручкой мучиться. Вы представляете, сколько леса раньше уходило на бумагу для писателей? Тонны! Все-таки компьютер – это чудо!

Все дружно согласились, а Виталий вдруг мечтательно добавил:

– Я слышал, недалек тот час, когда компьютер поместят в мобильник.

– А клавиатура? – спросил Василий удивленно.

– А с помощью оптической проекции с того же мобильного на любую гладкую поверхность. Ну, и сенсорный принцип набора, – Виталий гордо осмотрел товарищей, как будто сам и изобрел это чудо. – Вот как!

– Ага, как говорили наши техники: «Мама не горюй!» – потеряв ладонью шею и прищурившись, Василий выразил общее мнение: – Дожить бы до этого! Уж очень хочется!

– Постойте, постойте, – вмешалась вдруг Виктория, – опять вы не о том! – И, обратившись к Кириллу, спросила: – Не означает ли все это, что мы больше не встречаемся в вашей палате, не пьем коньяк и виски и не ведем заумные беседы?

– Ну что вы, Вика, – Кирилл Аркадьевич смутился, – вовсе нет. Конечно, встретимся, и выпьем, и поговорим. Но просто чуть попозже.

На том и порешили и, закончив завтрак, разошлись.

2

Вернувшись в палату и перечитав еще раз план, Кирилл Аркадьевич задумался и мысленно перенесся в те далекие годы, когда его жизнь, казавшаяся совершенно безоблачной, обещала много нового и интересного.

Новый 1955/1956 учебный год начался как обычно и не сулил Кириллу ничего особенного. Дома все было по-прежнему: папа служил, мама вела уроки в школе, тетя Оля возилась с уже подросшим Костиком, а сам Кирилл, возвратившись из школы и скоренько похватав, что повкуснее, быстро делал уроки и оставшееся до ужина и сна время проводил по-разному: занимался на пианино, ходил на занятия в музыкальную школу, бегал с Игорем Сивковым по своему и по его дворам, читал книги и играл с Костиком.

Младший брат рос очень спокойным, даже флегматичным ребенком – обожая спички, он мог часами перекладывать их из одного коробка в другой, скручивать и раскручивать портновский сантиметр, рассматривать картинки в книжках и что-то рисовать на листах плотной бумаги, которую из школы приносила мама. Единственное, что его раздражало и выводило из себя, так это мамины подруги – Женя и Инна Станиславовна, часто заходившие за ней, чтобы куда-нибудь пойти. В этих случаях он вставал в дверях, раскидывал руки и бубнил:

– Уходите! Я маму не пушу! Вы все плохие! Мамочка, не уходи с ними! Останься дома!

Мама смеялась, обнимала и целовала Костика и всегда обещала прийти очень скоро, во всяком случае, как только освободится. Костик утыкался головой в живот тети Оли и начинал тихо плакать. Но как только за мамой закрывалась дверь, Костик переставал плакать и продолжал спокойно заниматься своими делами.

Единственным заметным событием, произошедшим уже в сентябре, стало то, что руководитель хора в музыкальной школе доверила Кириллу, обладавшему звонким и чистым дискантом, партию солиста в нескольких песнях. И папа, и мама были несказанно рады и, поддразнивая сына, говорили, что если так пойдет и дальше, то все скоро услышат Кирилла Лавровского не иначе, как со сцены Большого театра в Москве. Сам Кирилл отмахивался от таких намеков, но все равно испытывал немало гордых чувств.

Одним из эпизодов того времени, навсегда оставшимся в памяти Кирилла, стала история с дровами, которые в тот год пани Волчкова купила, но привезти их то ли не смогла, то ли не захотела. Она и обратилась к маме с просьбой, намекая на возможности ее супруга-капитана, а уж мама в свою очередь вцепилась в папу мертвой хваткой:

– Ну что тебе стоит, Аркадий? У тебя есть в части и машины, и солдаты. Все так делают, не будь белой вороной! Ты со своей щепетильностью только людей сметишь. Ну какое это использование служебного положения в личных целях? Это же просто помощь людям! А армия и должна людям помогать! Зима на носу. Я понимаю, что Волчкова экономит, но мы же у нее живем. Ну пожалуйста, поговори с начальством – тебе уж точно не откажут. Ты же никогда и ничего не просишь.

И папа сдался. Кирилл, конечно же, не знал, легко ли было обеспечить ту доставку дров, но, как бы там ни было, в одно прекрасное субботнее утро к их дому подкатил огромный «студебекер» – американский грузовик, доставшийся Советской Армии по какому-то загадочному «ленд-лизу». Он был таким большим, что, даже встав на цыпочки и подняв руку, Кирилл не смог дотянуться до верхнего края ни одного из его шести колес. Тупорылый, с грозной решеткой на радиаторе, он живо напомнил ему чемодан, лежавший на шкафу в их комнате и отблесками своих замков, напоминавших глаза великана, пугавший по ночам маленького Кирилла до смертного ужаса.

Доверху нагруженный березовыми и осиновыми бревнами, «студебекер» медленно подполз боком к забору и, выплюнув струю сизого дыма, застыл как вкопанный. Кроме водителя-сержанта, в кабине находилось еще двое солдат. Выскочив оттуда и отдав папе честь, солдаты быстро откинули борт и принялись скатывать бревна через забор прямо на пригтовленное во дворе место. Пан Ладислав вместе с папой помогли солдатам, и очень скоро ворох бревен заполнил все свободное пространство. Откозыряв, солдаты сели в кабину, и «студебекер», взревев мощным мотором, уполз прочь.

А дальше началось то священное действо, мимо которого ни один уважающий себя мужчина не может пройти спокойно, а именно – пила и колка дров. Вытащив из сарая козлы и большую двуручную пилу, пан Ладислав и папа, уложив первое бревно и предварительно его разметив поленом из старых запасов, принялись дружно пилить. Зубастая пила легко ходила от одного пильщика к другому, разбрасывая во все стороны опилки, и смотреть на этот завораживающий и кажущийся очень легким процесс было невероятно приятно. Когда же, вняв просьбам Кирилла, пан Ладислав уступил ему ручку пилы, предоставив возможность попробовать свои силы, Кирилл сразу же понял, что это далеко не просто. Пила гнулась, застревала, не хотела идти ни туда, ни обратно.

– Не расстраивайся, Кира, – сказал папа, – эта наука не такая уж сложная, быстро освоишь. Здесь не сила нужна, а сноровка. Обязательно научишься, я помогу. Каждый мужчина должен уметь и пилить, и колоть. Это аксиома.

Кирилл не знал еще, что значит «аксиома», но про себя поклялся, что умрет, но научится пилить, как папа.

Устав пилить, мужчины взяли в руки колуны и, подобрав широкие и ровные колоды, принялись колоть на них напильные чурбаки. Смотреть на это было сладостно, но и немного страшно. Расколотые чурбаки под топорами разлетались с сухим треском. Когда же дровосекам попадался непростой, со множеством сучков чурбак, они, вонзив в него колун, подкидывали чурбак в воздух и, подняв его над головой, в перевероте, с уханьем и хрустом били обухом о твердую колоду. Чурбак раскалывался, доставляя дровосекам массу удовольствия.

Отец не обманул Кирилла. И всю неделю, вечерами, расправляясь с теми бревнами, они с Ладиславом по очереди учили его этому нехитрому искусству. Спустя день-два Кирилл вполне освоился с пилой, а там и с помощью подобранного для него топорика усвоил и простой физический закон: чтобы расколоть чурбак, нужна не сила рук, а правильно направленный вес топора. И кто бы мог подумать, что в недалеком будущем этот закон еще не раз придет ему на помощь в процессе обучения фортепианной игре: секрет владения роялем, как оказалось, кроется не в силе рук и пальцев, а в правильном распределении веса рук.

И всякий раз, когда Кириллу выпадала редкая возможность продемонстрировать свою сноровку в колке дров, он с радостью хватался за топор и чувствовал себя в эти минуты полностью счастливым. Правда, этим умением, как он сам признавал, его чисто хозяйственные навыки и ограничивались.

Эта история с дровами заметно сблизила отца с Кириллом. Почувствовав, что у него растет не маменькин сынок, а будущий мужчина, отец не только стал с ним больше разговаривать, но даже брать его с собой на службу в выходные дни, когда он в клубе части репетировал с военным духовым оркестром. Кирилл с восторгом наблюдал за музыкантами, разучивавшими с помощью отца те марши, вальсы и фокстроты, которые всегда входили в традиционный репертуар гарнизонных оркестров.

Само звучание оркестра Кирилла просто завораживало. И трубы, и кларнеты, ведущие мелодию, и вспомогательные инструменты – теноры и альты, и высоко повизгивающие флейты, и туба, и валторны, и тромбон – все они нравились Кириллу. Но все же среди этих инструментов ему особо приглянулся один – побольше тенора, но меньше тубы, – на кото-

ром с явным удовольствием играл усатый старшина-сверхсрочник. Понравился он прежде всего тем, что вел не тему и не элементы аккомпанемента, а какую-то другую, очень красивую мелодию, прекрасно сочетающуюся с общим строем музыки. Назывался этот инструмент «баритоном», и его тембр казался поистине волшебным. Волшебным было и мастерство баритониста, немолодого украинца с рыжими усами, всегда подмигивавшего Кириллу, словно приглашавшего его в свою военно-музыкантскую компанию.

Когда Кирилл спросил отца, что за мелодию играет баритон, отец ответил: это «облигато», то есть мелодия, которая обязательно должна звучать, раз уж написана. Она, быть может, и не главная, но без нее музыка выходит – как еда без соли. Кирилл запомнил это на всю жизнь, и когда встречался с музыкой «без соли» – если по науке, то без контрапунктического сопровождения темы, – всегда кривился и называл такое сочинение любительским и непрофессиональным.

В свободное от уроков и занятий в музыкальной школе время Кирилл, как и обычно, много читал. В ту осень, словно по заказу, мама принесла ему «Тимура и его команду» Аркадия Гайдара, которого в действительности звали Аркадием Голиковым и который в прошлом был командиром Красной Армии. Как пояснил отец, Гайдар был командиром не совсем обычным – так получилось, что в боях Гражданской он командовал полком уже в шестнадцать лет.

Залпом проглотив «Тимура» и навсегда влюбившись в его смелых героев, Кирилл к Новому году прочитал и все остальные книги писателя, имевшиеся в школьной библиотеке: и «РВС», и «Школу», и «Голубую чашку», и «Чука и Гека». Но две из книг Гайдара – «Судьба барабанщика» и «На графских развалинах» – произвели такое впечатление, что он, забросив все, сел сочинять нечто подобное под названием «Судьба».

Как вспоминал уже Кирилл Аркадьевич, тетрадки с этим его опусом, бережно хранимые мамой, к сожалению, пропали во время одного из переездов семьи с квартиры на квартиру. Сам же он о содержании своего первого писательского труда ровным счетом ничего не помнил. Но помнил хорошо другое. Когда он сел писать, то неожиданно столкнулся с чисто технической проблемой, о существовании которой и не подозревал.

Проблема состояла в том, что он писал гораздо медленнее, чем думал. Мысль обгоняла руку, выписывающую завитушки, терялась, забывалась, и Кирилл вдруг понял, что надо научиться писать быстро. И, не придумав ничего другого, попробовал писать, как под диктовку, вслед за любым текстом, звучащим по радио. Вначале ничего не получалось. Но вскоре он освоился и стал вместо выписывания букв, как в прописи, писать придуманными им самим значками. Эти значки, вполне похожие на буквы – чаще на печатные, – писались быстро. Но, овладев их написанием, он неожиданно утратил навык правильного рисования букв.

Что было с мамой, когда она увидела его каракули, – не описать! Она просто рыдала. Вместо каллиграфического почерка, которым мама так гордилась, сын стал писать какими-то, хоть и похожими на буквы, но крючками. Не обрадовалась этому и его учительница – Любовь Матвеевна, сказав и маме, и ему, что за такой почерк он больше тройки в жизни не получит. Кирилл же в первый раз не испугался грозной мамы, ходившей черней тучи, – ну выдерут, подумал он, поплачу, зато теперь могу писать, как взрослый, – и быстро, и понятно.

Однако мама драть его не стала. Прекрасно разобравшись в происшедшем и поняв, что подтолкнуло сына к глупому поступку, она произнесла уже знакомое: «Был бы чужой, так посмеялась!» Ну а потом, прижав его к себе, действительно, не только плакала, но и смеялась, приговаривая: «Писатель ты мой глупенький, такой почерк испортил!»

3

Партийно-государственная агитация и пропаганда в СССР, особенно в послевоенные годы, были поставлены, как надо. Не только взрослые, но даже дети знали, кто руководит страной и партией после смерти Сталина. Имя Никиты Сергеевича Хрущева было известно всем – от мала до велика. Другое дело, как относились к нему люди: любили, не любили, ненавидели, боготворили. Однако вслух об этом говорили лишь между собой, да и то только с очень близкими людьми. Страх репрессий, буквально въевшийся за прошедшие десятилетия в кожу, был еще силен, и подавляющее число советских людей жило по принципу: думаем одно, говорим другое, а делаем третье.

XX съезд КПСС, прошедший в феврале 1956 года, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Точнее, не сам съезд, а прозвучавший на нем секретный доклад Хрущева, адресованный только членам партии, но очень быстро ставший «секретом полишинеля». Смешно, но спустя недолгий срок все основные положения доклада были известны даже детям.

Разговоры о Хрущеве, о его докладе, равно как и о будущем страны интенсивно шли на каждой кухне, в каждой гостиной, в общественном транспорте и в курилках. Не обошли эти дебаты и семью Лавровских. Помимо мамы с папой, не просто спорящих, но даже ссорящихся из-за Хрущева – мама была его поклонницей, а папа относился к нему сдержанно, – на эти темы, собираясь в кухне у Лавровских, всякий раз вели беседы и Женя с Инной Станиславовной, и Мирон Михайлович с супругой.

Кирилл не очень-то прислушивался к их разговорам о политике. Но так или иначе из серьезных разговоров взрослых он четко понял два момента: во-первых, вместе с политическими заключенными, которых, слава богу, станут отпускать на волю, из тюрем выйдут и десятки тысяч уголовников, часть из которых обязательно окажется в их городе. А во-вторых, Хрущев, конечно же, пойдет на сокращение армии, а значит, и Лавровского, и Грусмана – единственных евреев в их полку – демобилизуют в числе первых. Что делать? Где искать работу?

И все же эти важные вопросы Кирилла как-то мало волновали. Выйдут ли из тюрем уголовники, и обязательно ли окажутся в их городе – вовсе не известно. Как точно не известно и про армию: уменьшат ли ее, и отправят ли в отца запас – еще бабушка надвое сказала. Хотя, как говорила бабушка Кирилла – и он это хорошо запомнил, – ««самашедший» Хрущев все равно разгонит армию». Но все-таки серьезно он об этом не задумывался: мало ли что говорят взрослые – вечно у них всяческие страхи!

Его намного больше волновало то, к чему всегда сводились эти разговоры, – короткие рассказы-анекдоты, после которых все хохотали в голос. Подслушав несколько из них, Кирилл расстроился: он понял далеко не все. И если в ряде случаев он весело смеялся про себя, то в иных рассказах он не разбирал их смысла. И, вроде, все слова понятны, а про что – неясно.

Спросить у мамы с папой Кирилл, конечно же, не мог. Узнав, что он подслушивает, родители, во-первых, строго наказали бы его, а во-вторых, уж точно обеспечили бы надежную звукоизоляцию между комнатой и кухней. Товарищи по школе, которым он пересказал, легко запомнив, эти анекдоты, тоже не смогли помочь. Пожав плечами, они решили, что Лаврик что-то перепутал. Взрослые, конечно же, не дураки и ржать над глупостью не будут.

Кирилл Аркадьевич усмехнулся: «Сколько лет прошло, а те анекдоты помню! Это ж надо! А анекдоты, в целом, были неплохие. Недаром до сих пор в компаниях, нет-нет, да и прозвучат». И невольно рассмеялся, вновь вспомнив образцы неувядающей народной, в том числе еврейской, мудрости:

Идет Абрам, встречает Хайма – тот ведет за руль его велосипед.

– Откуда у тебя мой велосипед? – спрашивает Абрам.

– Зашел к тебе в гости, а там Сара в постели, – отвечает Хайм. – Увидела меня, и говорит: – Ах, Хайм, бери что хочешь! – Ну, я и взял велосипед.

Абрам не спит, ворочается в постели. Сара спрашивает:

– Что ты не спишь?

– Я нашему соседу, Хайму, должен сто рублей. И не могу отдать, – отвечает Абрам.

– Делов-то, – заявляет Сара, – сейчас уладим! – и громко стучит в стенку: – Слышишь, Хайм, – кричит она, – Абрам долг не отдаст! – И повернувшись к мужу: – Все, спи, пусть теперь он не спит!

В НКВД ранним утром раздается звонок, и чей-то голос шепчет:

– А у Рабиновича в дровах брильянты!

– Кто говорит? – спрашивает дежурный.

– Неважно.

После обеда телефон звонит уже у Сары:

– Ну что, Сара, были? – спрашивает тот же голос.

– Были, были, – отвечает Сара.

– И как? Распилили?

– И раскололи!

Перед воротами в рай и ад стоит апостол Петр, а перед ним – шеренга женщин. Петр командует:

– Кто мужу изменил хоть раз – шаг вперед! – Все делают шаг, а одна стоит.

Петр снова:

– Кто дважды мужу изменил – еще шаг! – Все делают шаг, а та же женщина стоит.

Петр в третий раз:

– Кто мужу трижды изменил – еще раз шаг вперед! – Все шагают, а она стоит.

Петр, сердито:

– Всех в ад, и глухую тоже!

Умер человек, и все члены его тела собрались на совет: кому дать пенсию?

Сердце первым взяло слово:

– Я столько крови за всю жизнь перекачало! Мне пенсию!

Легкие туда же:

– Мы столько воздуха через себя пропустили! Нам пенсию!

Желудок тоже:

– Я столько пищи переварил! Мне пенсию!

Вдруг тонкий голосок:

– Мне пенсию!

Все:

– Кто ты? Встань-ка, покажись!

– Эх, если бы я мог подняться, я бы и пенсию не просил!

Посмеявшись над самим собой, Кирилл Аркадьевич припомнил, что не менее двух лет прошло, пока он разобрался с этим последним анекдотом. А вот еврейские анекдоты подвели-таки его под монастырь.

Рассказывая их сверстникам, он и не подозревал, что будит зверя. Местное, в основном польское, население к евреям относилось плохо. И несмотря на то, что эти анекдоты вроде бы высмеивали евреев, Кирилл предстал в глазах польских ребят-одноклассников чуть ли не апологетом еврейства. Один из мальчиков – Збышек Полятковский – прямо заявил ему в присутствии других ребят, что всех евреев надо уничтожить.

– За что?! – Кирилл опешил.

– А за то, что вы, жида, Христа распяли!

– Так сам Иисус Христос ведь был евреем! Я точно знаю, мне дедушка сказал! – от возмущения Кирилл буквально задохнулся.

– Все это враки! – зло возразил Збышек. – Не мог Христос быть евреем! А вот я точно знаю, мне тоже дедушка сказал, что жида на Пасху убивают христианских младенцев и на их крови пекут свою мацу. И ты – жид – тоже эту мацу ешь!

Что было дальше, Кирилл Аркадьевич помнил плохо. Точнее, помнил, что была драка, и в этой драке он как будто даже одержал победу. Во всяком случае, с криком «фашист!» он сбросил Збышека со школьной лестницы, и тот расшибся не на шутку. Его родители, узнав о подоплеке драки, пришли к родителям Кирилла просить прощения за сына, пообещав растолковать и Збышеку, и его деду основы интернационализма. Но папа с мамой, приняв извинения, и не подумали им верить. А папа вечером даже провел с Кириллом разъяснительную беседу:

– Пойми, сынок, – сказал он, – мы живем в непростом месте и в непростое время. Вся Западная Белоруссия вошла в состав нашей страны совсем недавно – только за два года до войны. К тому же люди, здесь живущие, три года были в оккупации, под немцами. И многое советское им непонятно. Фашисты ненавидели евреев и убивали их, как коммунистов. Ты это знаешь. Но это не значит, что все, кто не любит евреев, – фашисты. То, что подрался, – молодец! За правду надо всегда драться. А вот кричать «фашист» – не стоило.

– Но, папа, Збышек же действительно фашист!

– Дурак он, а не фашист! Глупостей наслушался и повторяет, сам не зная что.

– А Христа правда евреи распяли? И за это теперь нас не любят?

– Ох, Кирилл! – папа даже привстал. – Никакого Христа вовсе не было! Все это сказочка, и называется она библейской легендой. И в этой сказочке все достаточно просто. Христос родился в Палестине – значит, был евреем. Он пришел в столицу Палестины – Иерусалим – и стал там проповедовать свое учение – христианство. Это многим не понравилось – особенно богатым. Ну, например, он, по легенде, выгнал торгашей из храма. А те нажалились на него римлянам, которые тогда и управляли Палестиной. Ну, и наврали, сказав, что Христос призывает поднять против римлян восстание. И тогда римляне Христа судили, и приговорили к распятию на кресте. Римские солдаты его и распяли, к радости богатых евреев и к огорчению бедных. Ну, а потом, по легенде, Иисус Христос воскрес и поднялся к Богу на небо. Так что подумай: кто Христа распял – римляне или евреи?

– Получается, что римляне, – Кирилл задумался, – а что, Христос – разве не Бог?

– Да нет, он – сын Бога, не путай. Да слышал ты, как Костик наш гундосит: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа!» – слышал? Это и значит: во имя Бога, его сына – Иисуса Христа и какого-то там духа.

– А что такое «Святой Дух»? – Кирилла было не остановить.

– Да я и сам толком не знаю, – ответил папа, – что-то божественное, сверхъестественное, а мы – коммунисты – в сверхъестественное не верим. И никому не советуем.

Мама, слушая их разговор, все пыталась встрять, но у нее никак не получалось. Наконец она улучила момент:

– Запомни, Кирочка, другое: никогда не говори дураку, что он – дурак! Все равно ведь не поймет. И потом, не надо драться. Сын учительницы драться не должен. Ты тут отца не

слушай. Ему бы только подраться! Знаю я его. Надо научиться защищать себя словами, а еще лучше – просто уйти. И когда дразнят – не отвечать! Подразнят, подразнят – и перестанут. На всякий роток не накинешь платок! Есть такая поговорка. А в каждой поговорке – много мудрости. И раз ты родился евреем, то должен быть мудрым. И умным. Желательно, умнее остальных. Тогда все в жизни сложится, как надо. Сильных – боятся, но не любят и не уважают. Уважают только умных. Запомни!

И Кирилл запомнил, как запомнил уже многое из сказанного ранее его родными.

4

А вскоре у отца на службе начались предвиденные неприятности. Командир его дивизии – генерал-майор Малявин – прямо заявил:

– Капитан Лавровский – вы первый кандидат на увольнение в запас. А потому, пока дойдет до дела, я освобождаю вас от вашей должности и назначаю на вакантную – начальника службы химической защиты. Приступайте!

Что гвардии капитан Лавровский – опытный артиллерист – мог разуместь в химической защите, было ясно всем. Понятно, что, спустя недолгий срок, от этой должности его освободили и назначили на новую – начальником службы финансов. На ней он тоже не задержался, и был назначен, наконец, начальником клуба полка. А вот это назначение отец принял с радостью.

Прекрасно понимая, что в любой момент может расстаться с погонами, он уже давно подыскивал себе работу «на гражданке». И в горисполкоме, и в горкоме партии, куда он обратился, ему пообещали – если он выйдет в запас – должность директора Дома культуры. Нынешний руководитель давно спился и развалил всю работу вконец. Зная о музыкальных талантах отца, местные власти надеялись, что с его помощью – офицера, фронтовика, коммуниста – культурный уровень их городка поднимется на требуемую высоту.

Учитывая это обстоятельство, отец надеялся, что опыт, приобретенный в клубе полка, пригодится ему и в работе на ниве городской культуры. И хотя коллеги-офицеры сразу наградили его кличкой: «начхим, начфин, начальник клуба» – он не обижался, а старался вникнуть в те проблемы, о которых до того не имел и понятия.

Новая должность внесла заметные коррективы и в образ жизни отца. Он стал много чаще бывать дома – во всяком случае, впервые в жизни начал в будни приходить домой обедать. Однако с этого момента домашние обеды превратились для Кирилла в пытку. Будучи достаточно избалованным в плане еды, Кирилл часто капризничал – то не буду, этого не хочу. Чуть что, он жаловался на боли в животе, на тошноту, на головокружение – то есть любыми путями настаивал на своем: ел только то, что хотел и что любил. Ежедневные приходы отца к обеду сразу же положили конец капризам Кирилла.

Вымыв руки и расстегнув только верхний крючок на воротнике своего кителя, отец в жесткой форме требовал от сына неукоснительного исполнения четких правил: за стол – только с чисто вымытыми руками, в опрятной и застегнутой на все пуговицы одежде; до обеда – не кусочничать; ни звука на тему «не нравится, не хочу, не буду»; локти на стол не ставить; доедая первое, наклонять тарелку не к себе, а от себя; второе блюдо есть с помощью ножа и вилки; не чавкать и не разговаривать, а отвечать только на вопросы взрослых.

Робкие попытки мамы и тети Оли защитить Кирилла, как говорила мама, от казарменных порядков успеха не имели. Кирилл попробовал было бунтовать, но отец, напомнив ему о тех ломтях хлеба, которыми он кидался у бабушки, твердо пообещал посадить его на манную кашу – утром, днем и вечером. Трудно сказать, что больше подействовало на Кирилла – напоминание о давнем позорном поступке или угроза ограничить его рацион манной кашей – ее-то он терпеть не мог больше всего на свете. Но так или иначе Кирилл стал привыкать к отцовскому порядку за столом, а главное – есть с аппетитом все, что мама с тетей Олей подавали. Видя такую перемену, мама не могла нарадоваться. Да и сам Кирилл со временем – особенно в студенческие годы – прекрасно понял, насколько прав был его требовательный отец.

К лету ожидаемое наконец произошло – отец по сокращению вышел в отставку. Ему была положена военная пенсия, но, разумеется, значительно уступавшая его былой зарплате.

Надо было срочно думать о новой работе и вообще определяться с дальнейшей жизнью. Мама, как могла, поддерживала невольно растерявшегося отца:

– Не печалься, Аркадий! Ты же знаешь, что в армии тебе ничего не светило. Раз не дали учиться – значит, прощай, карьера! Выкрутимся! Ты вон какой талантливый! И потом, должность директора Дома культуры – совсем не так плохо. Пусть зарплата небольшая, зато – почет и уважение! Да и дело любимое. Не печалься!

Но папа печалился. И, может быть, больше всего от того, что вынужден был снять военную форму. В штатском он выглядел неплохо – намного лучше остальных отставников. Но все равно видеть отца в пиджаке, брюках и ботинках, вместо привычных кителя и галифе с сапогами, было как-то странно. Носить же форму без погон, как это делали другие, он не хотел.

По закону отцу полагался месячный отпуск для улаживания дел и поиска новой работы. Также, по закону, он мог выбрать для будущего местожительства любой город страны, при условии, что в этом городе он смог бы найти работу для себя и жилье для семьи. Бабушка и дедушка настойчиво звали к себе. В их рассуждениях был свой резон: при сносе собственного дома, который так или иначе скоро ожидался, им всем бы дали большую квартиру или, быть может, даже две поменьше, учитывая состав семьи. Но мама ни в какую не хотела возвращаться и жить с родителями.

Оставаться навсегда в том городке, где жили, тоже было несподручно: зарплата директора Дома культуры была небольшой, а своей квартиры как не было, так и не предвиделось. Что было делать, на что решаться? Никто толком не знал. А поскольку приступить к новой работе отец был должен также спустя месяц, он решил съездить в Киев. Навестить свою старенькую маму и сестру с детьми (будучи армейским офицером, он регулярно помогал им деньгами), а также осмотреться и понять, нельзя ли – чем черт не шутит? – перебраться в Киев.

Но главное во всем этом для Кирилла заключалось в том, что, выполняя свое обещание, отец готов был взять его с собой. В предвкушении поездки Кирилл совсем потерял голову – он скакал от счастья, беспрекословно выполнял все поручения взрослых, был как никогда послушен и даже соглашался сидеть с Костиком.

Что было по дороге в Киев и обратно, Кирилл запомнил плохо. На пути туда, не отлипая от вагонного окна, он все время фантазировал, что представляет из себя «мать городов русских», каков он – этот Киев, и что их с папой ждет в нем. А главное – неужто может так случиться, что они станут там жить? А на пути обратно Кирилл был грустен, во-первых, понимая, что мечтам их не суждено сбыться, а во-вторых, припоминая те события – вернее даже, не события, а переживания, – которые случились с ним в этом прекрасном городе.

Киев одновременно и очаровал, и ошеломил Кирилла. Огромный, очень красивый и зеленый, город поразил его своей природой и архитектурой: цветущими каштанами, свободно росшими вдоль широких проспектов; невиданными парками; могучим Днепром, а также Крещатиком, Владимирской горкой, Святой Софией, и особо – впервые виденными им фуникулером и шумными трамваями, по вечерам нежданно брызгающими искрами на стыках проводов, – все это привело Кирилла в полный восторг.

Совсем другое впечатление произвел на него Подол – один из киевских районов, населенный, преимущественно, бедными людьми; с полуразрушенными зданиями и дворами, совсем не походившими на блестящий центр. Именно в таком дворе и доме жили папины родные: старенькая мама Геня – вторая бабушка Кирилла, а также папина сестра Полина, давно оставшаяся без мужа, но с двумя детьми – Лилей и Семеном. Полина была старше папы на пять лет и работала бухгалтером в какой-то маленькой конторе. Лиля и Семен – погодки, учились уже в средних классах школы.

Гостей родные папы встретили с восторгом: бабушка сказала, что угостит Кирилла теми блюдами еврейской кухни, каких он никогда не ел; Полина, не сводя с папы влюбленных глаз, расспрашивала его о маме, Костике и будущей работе; а Лиля и Семен сразу же пообещали показать Кириллу город. Но сначала папа показал ему то место во дворе – точнее, на стене, – где раньше были выемки, в которые он в детстве укладывал гриф скрипки. Но, к сожалению, от выемок тех не осталось и следа – стену давно оштукатурили, и папа лишь посокрушался о былом.

Бабушка Геня, выполняя обещание, кормила их неслыханно вкусными блюдами, из которых Кирилл запомнил мясо в кисло-сладком соусе и странный цимес, приготовленный в горшочке, из картофеля, моркови, чернослива и изюма. Полина с папой все прикидывали так и этак возможности переселения семьи из Белоруссии в столицу Украины, но ничего у них не получалось. Квартира в Киеве была малюсенькой – вход в кухню со двора на первом этаже, а дальше – две проходные комнаты. И если прописаться в ней было еще возможно, то жить вместе – никак. А стоимость частных квартир в Киеве для их семьи была недостижимой. И это при наличии работы, которой в городе для папы явно не было – таких, как он, отправленных в отставку офицеров, и в Киеве было полно, и все они настойчиво искали место приложения своих сил. Папа много раз куда-то уходил, с кем-то встречался, но возвращался он всегда понурый – работы не предвиделось даже в обозримом будущем.

Кирилл же с Лилей и Семеном побывал везде, где только мог. Гулял и сам, не отходя уж очень далеко от дома. И каждый раз невольно обращал внимание на красивых девушек, стайками ходивших по проспектам. Таких хорошеньких он раньше и не видел. Вообще-то он к девчонкам относился просто – ябеды, капризы, задаваки, плаксы, с которыми не стоит и водиться. Но тут ему пришлось задуматься – а так ли это? Уж больно хороши были те украинки-школьницы, которых он случайно заприметил в сквере, – стройные, в нарядных платьях, они стояли под огромным дубом и смеялись. Кирилл вдруг обратил внимание на их фигуры – на красивые шеи, высокие груди, изгиб спины и ягодиц, длинные ноги. Подувший резкий ветер невзначай задрал у них подолы, и до того, как девочки, завизжав, присели, Кирилл заметил трусики – белые и голубые – и ощутил, как стали мокрыми его ладони и что-то застучало в горле. Он даже испугался поначалу, но, вспомнив Маньку и ее голый зад, вертящийся под теткинм прутом, зажмурился, как тогда в сарае, и густо покраснел. С тех пор на девушек и молодых женщин Кирилл стал смотреть совсем не так, как смотрел раньше. Он начал отмечать их необъяснимо-волнующую красоту и замечать ту удивительную притягательность, противостоять которой, как он понял, у большинства мужчин не было ни сил, ни возможностей.

5

После возвращения из Киева отец заметно изменился. Вступив в новую должность, он обзавелся не только кабинетом, но и немалым кругом новых знакомых. Руководители кружков художественной самодеятельности, активные участники концертов и несколько сотрудников горисполкома, ведавших культурой, стали по вечерам часто бывать дома у Лавровских. Приходили и подруги мамы, и им всем вместе, несмотря на неприветливый быт семьи, было и весело, и хорошо.

Кирилл Аркадьевич прекрасно помнил эти вечеринки. Вино и легкие закуски, обычно приносимые гостями, были далеко не главным в тех застольях. Главным были разговоры, обсуждения планов новой папиной работы и, конечно, песни. Помимо популярных песен из кино, у папы было два коронных номера – две песенки, которые он всегда пел маме. Мелодии, как и слова, тех сентиментальных и наивных песен, Кирилл запомнил навсегда, не зная, впрочем, – как не знал и папа – кто автор музыки и текстов этих популярнейших в те годы шлягеров.

Первая из них, лирическая, написанная от лица любящей жены, пелась папой так:

Ты пришел домой такой усталый,
И у глаз морщинка залегла.
Я тебя, родного, ожидала,
Много слов хороших сберегла.

И тебя по-прежнему люблю я,
Так люблю, что ты не знаешь сам.
Я тебя немножечко ревную
К книгам, совещаньям и друзьям.

Пусть дни проходят, летит за годом год,
И если вдруг минутка грустная придет,
Я обниму тебя, в глаза твои взгляну,
Спрошу: «Ты помнишь нашу первую весну?»
Тот тихий вечер, обрыв к реке,
И чью-то песню на Волге вдалеке?
Мы ту весну с тобой сквозь годы пронесли,
Мы эту песню вместе в сердце сберегли».

Вторая же, шуточная, с еврейским подтекстом и в словах, и в мелодии, звучала следующим образом:

Снова годовщина.
Три любимых сына
Больше не стучатся у ворот.
Только шлют нам телеграммы:
«Как живут там папа с мамой?
Как они встречают Новый год?»

Налей-ка рюмку, Роза, мне с мороза!
Ведь за столом сегодня – ты да я.

И где найдешь ты лучше, в мире, Роза,
Таких детей, как наши сыновья?

Боря стал артистом,
Семен – певцом-солистом,
Яша, младший, тоже – молодец!
То летит он за границу,
То на полюс он садится —
Полюс ему ближе, чем отец!

Мама от этих песен млела, гости – тоже, и всем было необычайно хорошо, тепло и уютно.

И лишь много лет спустя Кирилл узнал, что первая из этих песен – «Пусть дни проходят» – была написана еще до войны композитором Борисом Терентьевым и разошлась по стране в нескольких мелодических и текстовых вариантах. В конце 60-х ее спела Майя Кристалинская, и Кирилл, прослушав пластинку, поначалу даже возмутился: не та мелодия и не те слова! Но затем, спохватившись, понял, что, скорее всего, это отец пел маме один из вариантов, а Кристалинская пела в точном соответствии с авторским текстом.

Вторую же песню – «Налей-ка рюмку, Роза» – Кирилл Аркадьевич услышал – в записи – много позже, в исполнении Аркадия Северного, или, иначе – Звездина. Слова в этой записи были также отличными от тех, которые пел отец. Кто являлся автором мелодии и текста этой песни, Кирилл Аркадьевич не знал и поныне.

Отец был компанейским человеком, любил петь песни и играть на пианино, ухаживать за женщинами, танцевать. Но он, фактически всю свою жизнь отдавший армии, не был готов к гражданской жизни. И уже вступив в должность директора Дома культуры, никак не мог понять, что люди могут лгать, глядя в глаза; что распоряжения директора могут неделями не исполняться; что за комплиментами в свой адрес нередко кроется только угодничество и лесть, а вовсе не признание его талантов. Он был незаменим в организации концертов, вечеров и прочих праздничных мероприятий. Но когда надо было что-либо достать, пробить, договориться – он пасовал. И тем не менее вначале все было прекрасно. Отец был полон планов, и ему казалось, что он сумеет воплотить их в жизнь.

Кирилл, оставшийся на это лето дома, стал часто приходить к отцу в его рабочий кабинет. И там он с удивлением узнал, что отец, оказывается, играет в шахматы, и неплохо. Во всяком случае, он выигрывал у многих. Заметив интерес Кирилла к шахматам, отец пообещал, что и его научит, и в самом деле дал первые уроки этой древней игры. А вскоре шахматная доска с фигурами появилась и дома. Мама очень обрадовалась новому интересу сына, но сама учиться игре в шахматы категорически отказалась.

Кирилл Аркадьевич с необычайно светлым чувством вспомнил свое бывшее увлечение шахматами. Во времена социализма шахматы были не просто игрой. Они – как музыка, как космос, как балет – являли собой некий символ таланта народа, и фамилии Алехина, Ботвинника, Смыслова, Бронштейна, Таля, Петросяна, Спасского, Котова, Нимцовича, Тайманова, а затем и Карпова с Каспаровым были известны почти каждому. Кирилл Аркадьевич припомнил телерепортажи с шахматных чемпионатов; печатавшиеся почти в каждой газете нотации лучших шахматных партий и характерные диаграммы с изображением ключевых позиций; издававшуюся огромными тиражами шахматную литературу и работавшие в каждом Доме пионеров шахматные кружки. В юности он сам не раз участвовал в студенческих турнирах и даже умудрился получить третий взрослый разряд. Но, к сожалению, с распадом страны куда-то запропастились и шахматы, и только старики, сидящие с двухциферблат-

ными часами на скамейках в скверах, напоминают о былом величии советской шахматной школы.

Приходя к отцу, Кирилл встречал там множество людей, но чаще – бывших сослуживцев, заходивших к папе, кто за чем: кто в поисках работы; кто просто так, по старой дружбе; кто занять денег и попытаться вытащить отца в пивную, где под вяленую воблу и вареных раков все брали «два по сто и кружку пива» и вспоминали о войне, о мужской дружбе и о несложившейся любви. Но папа был совсем непьющий, и все попытки сослуживцев поговорить с ним за бутылкой оказывались безрезультатными.

Разумеется, отец мог выпить рюмку-две для поддержания компании, но не больше. И Кирилл, и мама видели его пьяным лишь однажды – когда в 63-м отца вызвали в военкомат и вручили ему второй орден Красной Звезды, нашедший его спустя двадцать лет. Кирилл Аркадьевич хорошо помнил, как отец пришел домой шатаясь и, смеясь от собственной беспомощности, тихо лег спать.

Вообще, отец не пил, не матерился, не курил. И позже на вопрос Кирилла, уже учащегося музыкального училища, почему отец не курит и не пьет, тот ответил: и до войны, и в первые годы на фронте – курил. Но после выхода из окружения – бросил. Когда попали к немцам в тыл и кончился табак – все начали курить траву, а он – не смог. Ну, а добравшись до своих, вдруг понял, что уже не тянет.

С алкоголем, а точнее – с водкой, было посложнее. На фронте часто приходилось преодолевать пристрелянные немцами пространства. Представь, рассказывал отец, что надо на загруженном снарядами ЗИС-5, да с пушкой на прицепе, проехать метров триста на виду у немцев от одного перелеска к другому. Колея же расхлябана вдрызг, и проехать можно лишь по брустверу. Скатишься с него – застрянешь, немец возьмет в вилку – и конец. Солдат-водитель одновременно крестится и матерится: «Что хочешь делай, командир, я не поеду!» Вот и приходилось самому брать в руки руль. Но предварительно хлебнув примерно стакан водки. Иначе не проехать. Потом же, запоздало трясаясь от испытанного страха, не то что пить – смотреть на водку не мог. Рефлекс и закрепился.

Если одним из популярных мест общения безработных отставников служила городская пивная, то другим подобным местом вскоре стала парикмахерская, точнее – ее мужской зал, куда охотно заходили не столько для того, чтобы побриться и постричься, сколько «поправить виски». А попутно – встретиться друг с другом, обменяться новостями, позлословить, да и всласть покостерить Хрущева, бросившего их – фронтовиков – на произвол судьбы.

Отец, неловко чувствовавший себя перед товарищами – так как попал в число счастличиков-отставников, сразу же нашедших работу, – стал захаживать туда все чаще. И, не найдя лучшего предложения для общения с бывшими сослуживцами, даже перестал бриться дома.

Парикмахерская постепенно превратилась в мужской клуб. Но он служил лишь клапаном для выпуска пара из сердитых мужчин, ничуть не помогая им в трудоустройстве. Многие из них оказались в буквальном смысле на улице – без жилья, без пенсии и без работы. Отец пытался что-то сделать и даже предлагал начальству укомплектовать незаполненный штат Дома культуры, но наткнулся на глухое недовольство и немотивированный отказ.

И тем не менее жизнь продолжалась, и, как всегда в нашей стране, трагическое мирно уживалось с праздничным. Кирилл Аркадьевич прекрасно помнил те концерты, которые организовывал отец, особенно в начале своей директорской карьеры. Участниками тех концертов являлись исключительно самодеятельные коллективы и артисты, невесть откуда бравшиеся почти в любом населенном пункте.

Культурная политика и партии, и государства была, без сомнения, выше всех похвал. Если в городке был Дом культуры, не говоря уже о Доме офицеров, то, значит, там были и хоры, и оркестры – как минимум, народных инструментов и духовой, а в ряде случаев и

самодельный драматический театр, и танцевальная студия. Народные умельцы, ведомые своими беззаветными руководителями, прекрасно пели и плясали, читали басни и стихи, играли в скетчах и небольших спектаклях, всегда находя благодарных и восторженно откликавшихся на их искусство слушателей.

Все концерты строились по единому, не забытому до сих пор принципу: всякой твари по паре. Открывался концерт выступлением хора, в программу которого входили и патристические, и лирические песни. А завершался – выступлением оркестра. В середину концерта, как правило, вставлялись танцевальные номера или сценки из спектаклей. А между ними пели сольно, играли на различных музыкальных инструментах, читали стихи и иногда показывали акробатические или даже цирковые номера.

Отец и сам нередко принимал участие в этих концертах – пел или аккомпанировал кому-либо на стареньком ободранном рояле, с незапамятных времен стоявшем на сцене Дома культуры. Кирилл Аркадьевич навсегда запомнил, как его отец пел в концертах две разнохарактерные песни из кинофильма «Свадьба с приданым».

Первая из них – «На крылечке» – до слез трогала Кирилла своей пронзительной мелодией, как, впрочем, не перестала волновать и по сей день:

На крылечке твоём каждый вечер вдвоем
Мы подолгу стоим и расстаться не можем на миг.
«До свидания» скажу,
Возвращусь и хожу,
До рассвета хожу мимо милых окошек твоих...
И сады, и поля, и цветы, и луга,
И глаза голубые, такие родные твои
Не от солнечных дней,
Не от теплых лучей —
Расцветают от нашей горячей и светлой любви...

Если надо пройти все дороги-пути —
Те, что к счастью ведут, я пройду: мне их век не забыть!
Я люблю тебя так, что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда, никогда
Разлюбить...

Вторую же, шуточную, называемую «Куплетами Курочкина»:

Хвастать, милая, не стану,
Знаю сам, что говорю.
С неба звездочку достану
И на память подарю.

Обо мне все люди скажут:
Сердцем чист и не спесив...
Или я в масштабах ваших
Недостаточно красив?

Кирилл запомнил вовсе не из-за простенькой мелодии, а из-за смешного недоразумения. Строки из последнего куплета: «Я тоскую по соседству, и на расстоянии, ах, без вас я, как без сердца, жить не в состоянии», Кирилл понял так: «Я тоскую по соседству, и на раз –

то я не и». И очень удивился: во-первых, он не понял смысла в этих словах, а во-вторых, все это очень напомнило ему уроки в музыкальной школе, на которых его учительница – Вера Кузьминична – заставляла во время игры на фортепиано считать вслух: «раз-и, два-и» и так далее, чего он, честно говоря, терпеть не мог. Когда же недоразумение прояснилось, все, в том числе и Кирилл, очень долго смеялись.

Но больше всего на этих концертах Кириллу нравились выступления большого смешанного хора, и особенно две песни. Первая из них, горячо любимая папой, пелась так:

Для защиты свободы и мира
Есть гранаты, готова шрапнель.
Наши пушки и наши мортиры
Бьют без промаха в цель!

Артиллеристы, точней прицел!
Разведчик зорек, наводчик смел!
Врагу мы скажем: «Нашу Родину не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь!»

Вторая же песня, особенно ее припев, очень нравилась Кириллу:

Светит солнышко
На небе ясное
Цветут сады,
Шумят поля.
Россия вольная,
Страна прекрасная,
Советский край —
Моя земля.

И спустя много лет, где-то в начале 90-х, увидев фильм Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор!», Кирилл Аркадьевич в буквальном смысле вздрогнул, услышав в превосходном исполнении профессионального хора эту, давно уже не слышанную им, песню. И вновь, как уже не раз бывало, подумал и о схожести талантов отца и Петра Ефимовича Тодоровского, и о горькой несхожести их судеб.

А еще Кириллу запомнился артист, с блеском и невероятным артистизмом читавший со сцены различные басни – от Ивана Крылова до Сергея Михалкова. Звали этого самодельного артиста Вениамин Аркадьевич Бардин. По основной профессии он был врачом-рентгенологом и, как сплетничали взрослые, ужасным сердцеедом. Будучи холостяком, Бардин жил со старенькой мамой и являл собой предмет любовных вожделений не только незамужних, но и многих замужних жительниц их городка.

В нем поражало все – и внешность, и умение одеваться, и невиданные до того Кириллом, что называется, светские манеры. В будущем, увидев, а потом и познакомившись с блистательным Игорем Борисовичем Дмитриевым, Кирилл Аркадьевич всегда, общаясь с ним, вспоминал Бардина, чем-то неуловимо походившего как на самого Игоря Дмитриева, так и на его многочисленных киногероев. Надо было видеть выразительное, словно вылепленное скульптором лицо Бардина; гриву темных, слегка вьющихся волос; его статью и умение перевоплощаться на сцене, не говоря уже о смокинге – невиданной в провинции тех лет форме одежды, – чтобы понять: вот он, идеал мужчины и артиста!

6

В то лето, медленно катившееся к осени, в их городке установилась необычайно жаркая и душная погода. Уже к полудню солнце жгло невыносимо, и только к концу дня дышалось чуточку полегче. Большая полная луна, вползавшая по вечерам на небо, пугала всех своим кровавым ликом, и люди верующие, глядя на нее, тихонечко крестились.

Кирилл вместе с соседскими мальчишками во все глаза смотрел на круглую луну, пытаясь рассмотреть на ней неясные узоры, как будто нанесенные неведомым космическим художником.

– Пап, что там, на Луне? – спросил Кирилл отца, вышедшего с мамой, Костиком и тетей Олей на крыльцо.

– А что ты там увидел? – удивился папа. – Ах, это! Ты не знаешь? Да это ж отражение Земли. Точнее, отражение Кавказских гор, – скорее пошутив, чем сказав то, что думал в самом деле, ответил папа. Однако же Кирилл это запомнил, и всякий раз, увидев полную луну, он вспоминал отца и его шутку.

– Кирилл! – позвала его мама. – Мы в гости к Грусманам зайдем. Присмотри за Костиком, а то он кукуется чего-то. Не обижай его. Мы скоро. Оля тоже быстренько вернется. Будь молодцом!

Похныкав по привычке, Костик, когда родителей уже не стало видно, спокойно сел на нижнюю ступеньку и чем-то занялся. Все стали бурно обсуждать услышанное от отца Кирилла, заспорили, и тут вдруг кто-то из ребят, подойдя к крылечку, крикнул:

– Лаврик, посмотри! У Кости рвота!

Все дружно бросились к крыльцу и действительно увидели у Кости на губах белую пену. Кирилл платочком вытер брату губы и пощупал лоб – он был горячий. Не растерявшись, Кирилл попросил ребят побыть немного с Костей, а сам помчался к Грусманам, за мамой.

Переполошившиеся родители, примчавшись домой пулей, сразу уложили Костика в кровать, поставили ему под мышку градусник и, попросив Кирилла присмотреть за братом, побежали за врачом – Ольгой Петровной, жившей по соседству. Та, придя и осмотрев горевшего уже огнем ребенка, внимательно прослушала его грудную клетку и предположила худшее – воспаление легких. Вернувшаяся вскоре тетя Оля стала вместе с мамой делать Косте укусное обтирание, папа побежал в аптеку, а Кирилл, забившись в угол и не на шутку испугавшись, благодарил судьбу за то, что спохватились вовремя.

Однако несмотря на все лекарства и уколы, Костику не становилось лучше. Он лежал пластом в своей кроватке, не пил, не ел, а лишь тихонечко стонал, не отвечая на вопросы и никого не узнавая. Высокая температура не спадала, и мама была в полном отчаянии.

Диагноз, к сожалению, подтвердился – воспаление легких, причем двухстороннее. Кто только из врачей не побывал у них! Но никто так толком и не знал, что делать. На третий день явился даже Бардин. Был уже вечер, и Вениамин Аркадьевич, осмотрев больного, вдруг спросил у мамы:

– Какую из своих игрушек Костик больше всего любит?

Мама растерялась:

– Какую из игрушек? Ну, я не знаю. Вообще-то спички.

– Спички? – удивился Бардин. – Ну хорошо. Несите спички! Мне кажется, что кризис миновал. Сейчас увидим!

И тут, действительно, случилось чудо! Почувствовав в своей ручонке коробок, Костик вдруг открыл глаза, промолвил: «Пички!», и попросил попить. Что было дальше – трудно описать. Одновременно и смеясь, и плача, мама целовала Бардина, потом Кирилла с папой,

ну а потом поила Костика его любимым морсом, все время причитая, как крестьянка: «Господи! Спасибо тебе за сыночка! Он выздоровеет, выздоровеет! Костик будет жить! Какое чудо!»

Счастливо улыбаясь, она спросила Бардина:

– Вениамин Аркадьевич! Как вы догадались? Вы же волшебник! Это просто чудо!

Тот импозантно поклонился и, склонившись к маминой руке для поцелуя, щелкнул каблуками:

– Интуиция, дорогая моя Маргарита Ароновна, интуиция! Все-таки я врач, хотя и рентгенолог. Да и повидал немало, – он улыбнулся и добавил: – Безмерно рад, что догадался. И вам теперь полегче будет. Не смею больше беспокоить, всего хорошего. – И, обменявшись рукопожатием с папой, вышел.

Через неделю Костик был уже совсем здоров. Мама же, летая как на крыльях, все поминала Бардина и спрашивала папу, как им быть: собрать гостей сейчас или немного подождать и пригласить перед началом нового учебного года?

– Зачем откладывать? – отвечал папа. – Давай всех соберем сейчас. Повод у нас – лучше не бывает! А перед сентябрем мы, как обычно, снова соберемся.

– Значит, в ближайшую субботу, – резюмировала мама, – а уж мы с Олей вкусенького наготовим!

Вечеринка в честь выздоровления Костика удалась на славу. Мама с тетей Олей в самом деле превзошли себя, и на столе стояло все, что только можно было себе представить. Собравшиеся дружно восхваляли кулинарное искусство мамы, пили вино, закусывали, балагурили и пели песни. Кирилл же ерзал на своем высоком стуле, потел от страха и тихонечко молился про себя, чтобы не прознали о его проделке.

А суть проделки заключалась в том, что когда папа принес в дом вино – красивые бутылки с пробками, облитыми блестящим сургучом, Кириллу очень захотелось то вино попробовать. За свои девять лет он, разумеется, вина не пил, но то, как его пили взрослые, Кириллу очень нравилось. Однако добраться до вина обычным порядком было совершенно невозможно – бутылки открывались перед самым застольем, а то и прямо за столом. И тут Кириллу на глаза попала металлическая коробочка со шприцем, оставшимся в доме после болезни Костика. Идея родилась мгновенно: проткнуть шприцем пробку и втянуть в него какое-то количество вина. Затем вытолкнуть вино в стакан, а вместо него влить тем же путем в бутылку такое же количество воды. Причем не сырой, а кипяченой, чтобы у гостей, не дай бог, не случилось расстройства желудка.

Не откладывая дело в долгий ящик и улучив момент, когда взрослых не было дома, Кирилл с блеском осуществил задуманное. Проткнув сургуч и пробку и перевернув вверх дном бутылку, он втянул вино в шприц, а затем, не вынимая иглу из пробки, отсоединил шприц и вылил содержимое в заранее подготовленный стакан. Повторив эту процедуру трижды, Кирилл набрал примерно полстакана вина, а затем, отсоединив шприц, втянул в него кипяченую воду и через оставшуюся в пробке иглу трижды влил в бутылку примерно то же количество воды. Потом вытащил иглу, промыл шприц и убрал его на место.

Сделав глоток из стакана, Кирилл поморщился – вино показалось ему кисловатым. Второй глоток оказался немного вкуснее, но, в целом, вкус вина ему не понравился. «И что эти взрослые в вине находят? – Допив до конца, он решил: – Наверное, есть более вкусные вина. А это – так себе, не стоило и рисковать».

Сейчас же он сидел и трусил, опасаясь своего разоблачения. И, как водится, накаркал. Сбив ножом сургуч с очередной бутылки, отец-таки заметил повреждение пробки. Удивившись и показав гостям след от прокола, он, открыв штопором бутылку, налил вино в бокал и передал его сидевшей рядом Инне Станиславовне. Та пригубила и, подняв брови, заявила:

– Что-то жидковато! Похоже, что разбавлено. И кто мог это сделать? Ну, дела!

Возможно, все и обошлось бы, но тут лицо Кирилла покраснело так, что и слепой бы заметил.

– Кирилл, в чем дело?! – строгий голос папы совсем лишил Кирилла самообладания, и он, как маленький, расплакался.

– Я, я п-просто з-з-захотел попробовать, – заикаясь, пробормотал Кирилл, и слезы потекли из его глаз, как дождь из тучи.

– А как ты это сделал? – спросили хором гости.

– Ш-ш-шприцем, – во весь голос заревел Кирилл, размазывая слезы по щекам.

Громкий хохот всех собравшихся чуть было не вселил надежду в разоблаченного проказника, но жесткий голос мамы все поставил на свои места:

– А ну-ка, марш из-за стола! И вон из кухни! Спать! А завтра будешь луплен! Выдеру, как сидорову козу!

Что было дальше в этот вечер, Кирилл Аркадьевич помнил плохо. Зато он очень хорошо запомнил, что произошло назавтра.

До вечера мать не сказала с ним ни слова. И это было тяжелее вытерпеть, чем что-либо иное. Зашедшая днем Инна Станиславовна спросила:

– Ну что, не выдрали еще? Сочувствую. Ждать порки мучительно, по себе знаю, – и, подмигнув Кириллу, засмеялась: – Мне тоже доставалось. Поделом! Впрочем, и тебе за дело. Изобретатель! – И, обратившись к маме, вдруг сказала:

– А может, Ритка, пожалеешь? Он и так раскаивается. Вон, вишь, глаза на мокром месте! Да и попу жалко!

– Ничего, – ответила ей мама, – как говорит наша хозяйка: ж...па не склянка – не разбьется! Давай лучше обедать.

А ближе к вечеру, отправив тетю Олю с Костей погулять, Кирилла разложили на кровати. Папа придержал его за голову и руки, а мама, стянув штанишки и трусы, отстегала так, что он запомнил эту экзекуцию надолго.

Во время порки Кирилл даже не просил прощения – он только выл и повторял, захлебываясь слезами: «Я же кипяченую воду налил! Не сырую! Кипяченую!»

Глава пятая

«Взрослое кино». – Песни Дунаевского и Хренникова. – Неприятности на работе у отца. – «Карнавальная ночь». – Эдди Рознер. – Рыжая собака. – Смерть Джульбарса. – Весть о сносе бабушкиного дома.

1

Жена, приехавшая вместе с сыном, после дежурных поцелуев и объятий, сразу, даже не раздевшись, предложила:

– Кирилл, поехали в тот круглый ресторанчик, пообедаем. Мы голодны, как волки.

– Ну, так приехали бы чуть пораньше. Я, черт возьми, совсем недавно пообедал, – проворчал в ответ Кирилл Аркадьевич.

– Поверь, не получилось, – Татьяна Николаевна от нетерпенья даже топнула ногой. – Работы – куча, да и пробки – ты не представляешь!

– Тоже мне, голодные с Поволжья! Небось, гостинцев привезли? Сейчас и перекусим.

– Конечно, привезли. Но только для тебя, – протягивая полиэтиленовый пакет, Сергей присоединился к матери: – Пап, ну поехали! Я правда ничего не ел с утра, лишь кофе выпил. И мама – тоже.

Кирилл Аркадьевич поморщился:

– Да ладно уж, поехали. Дурацкая у вас привычка – не завтракать. Ей-богу, – убрав пакет, Кирилл Аркадьевич не торопясь оделся, и они спустились к выходу из санатория.

Погода была зябкой и промозглой. Сердито-пасмурное небо грозно нависало над заливом, деревья гнулись на порывистом ветру, а злые острые снежинки все норовили уколоть и лоб, и щеки. Поспешно погрузившись в неостывшую еще машину сына, они выехали с территории и покатали по шоссе вдоль моря.

Знакомый двухэтажный ресторанчик встретил их теплом, уютом и пустующими залами. Разместившись наверху, за столиком, стоявшим у окна, они сделали заказ, и Татьяна Николаевна, расспросив супруга о здоровье, внезапно поинтересовалась:

– А как литературные успехи?

– Ну, вспомнила! Да упражняюсь потихоньку. Вроде получается. Посмотрим.

– Прочесть хоть дашь? – спросил Сергей серьезно, без улыбки.

– Неужто читать будешь?

– Конечно буду, мне же интересно!

– А ты? – спросил Кирилл Аркадьевич жену.

– Литературные-то экзерсисы мужа? – Татьяна Николаевна улыбнулась. – Конечно, почитаю, если дашь.

Официантка принесла приборы, хлеб и воду, а следом – два заказанных салата. Жена и сын, набросившись на них, забыли обо всем на свете, а Кирилл Аркадьевич, залюбовавшись профилем молоденькой официантки, отчего-то вспомнил свою первую любовь – соученицу Олечку Урусову.

«В каком же классе это было? – отхлебывая минералку, он прикинул: – В пятом? Да нет, скорее уж в шестом».

Негаданно-нежданная, немыслимая любовь к Оле родилась внезапно. Придя с каникул, он вдруг увидел не девчонку-одноклассницу, а маленькую женщину – с высокой грудью, лебединой шеей, тонкой талией и стройными ногами.

За лето Оля изменилась до неузнаваемости. Не будучи красавицей, но обладая милыми чертами, русым хвостом и чистой кожей, она, сформировавшись как-то сразу, в тот самый первый школьный день заставила мальчишек открыть рот, а девочек – завистливо хихикнуть. Кирилл же просто задохнулся от восторга. Внутри него что-то тихонечко заныло, и он, не в силах оторвать от Оли глаз, вдруг понял, что влюбился.

Влюбились в Ольгу тогда многие – не только одноклассники, но и ребята из восьмых-десятых. Шалея от излишнего внимания мальчишек, Оля поначалу растерялась, но потом, освоившись, стала помыкать поклонниками, меняя кавалеров, как перчатки. Им это

вскоре надоело, и коллективная влюбленность быстро рассосалась. И даже несколько самых настырных ухажеров, пару раз подравшись, отступили, решив, что столь непостоянная девчонка синяков не стоит.

Кирилл же, не показывая вида и не приставая к Оле, страдал тихонько, про себя. Но девочка, почувствовав его внимание, стала кокетничать, тем самым раззадоривая его все больше. И он, вмиг потеряв покой и сон, настойчиво искал тот верный ход, который бы ему позволил подружиться с Олей. Чего он только не творил, чтобы привлечь ее внимание и вызвать интерес к себе, – Кирилл Аркадьевич усмехнулся, припомнив свои хулиганские поступки, вызванные первым настоящим чувством и доведшие его, в конце концов, до исключения из школы.

Однако подружиться с Олей все никак не удавалось – не находилось общих интересов. Училась она с тройки на четверку – он же был круглым отличником, к тому же сыном учительницы. Жили они в разных концах города, и за порогом школы их дороги не пересекались. Он страстно любил музыку и книги – она же, как сказала как-то его мама, лишь танцующая. К тому же Ольга с детства занималась волейболом и играла в сборной школы, а он лишь начал постигать – и все из-за нее – азы этой любимейшей с тех пор игры.

Сложней всего Кириллу было на уроках физкультуры: в спортивных трусиках и майке фигурка Оли выглядела так, что дух захватывало, а подчас и тело. И он, не зная, что и предпринять, переживал свою влюбленность молча, неимоверно мучаясь и злясь на то, что некрасив и неспортивен.

Все кончилось – точнее, рухнули его надежды – на школьном вечере под Новый год. Когда под звуки танго «Маленький цветок», объявленного «белым танцем», Ольга Урусова прошла через весь зал и, подойдя к Кириллу, церемонно его пригласила, у того чуть не подкосились ноги. Такие выходы со стороны девчонок случались редко и уж во всяком случае что-то означали. Кирилл, не зная, что и думать, вывел Олю в центр зала, приобнял за талию и, нежно взяв своей рукой ее ладошку, поймал ритм и повел в танце. Уши у него пылали, сердце билось где-то в горле, а глаза, не видя ничего, кроме глаз Оли, безмолвно говорили все без слов.

Но все его безумные надежды, вспыхнувшие в одночасье, уже через минуту улетучились как дым. Положив свою левую руку ему на плечо и заглянув в глаза, Оля сказала:

– Я знаю, Лаврик, ты в меня влюбился. Правда? Ну так вот: не мучайся! Ничего у нас не выйдет. У меня есть мальчик, я с ним хожу. Он из другой школы, ты его не знаешь. Так уж получилось, не сердись. А ты – очень хороший! И талантливый! И на пианино здорово играешь! Только, знаешь, хватит хулиганить. Я ведь догадалась – все из-за меня. И не смотри на меня так – мне стыдно.

Оля смутилась, а у Кирилла под ногами поплыл пол. Не помня себя от стыда и досады, он довел Олю до стены зала, сказал спасибо, поднялся в гардероб, надел пальто и шапку и, никому не говоря ни слова, вышел вон из школы...

Татьяна Николаевна и Сергей, доев свои салаты, сыто потянулись и с укоризной посмотрели на Кирилла:

– Зря не взял салат, совсем недурно! – Татьяна Николаевна прикурила сигарету, затянулась и спросила:

– О чем задумался?

– Так, детство вспомнил. Ты помнишь танго «Маленький цветок»?

– Еще бы! Танго всех романов в нашей школе. Да и, наверное, не только в нашей. А что? Кстати, я помню автора – Сидней Беше, если не ошибаюсь, – и даже то, как выглядел конверт пластинки.

– Я тоже помню. Танго нашей школьной юности, – Кирилл Аркадьевич обратился к сыну: – А ты-то его знаешь?

– Если это то, которое играл когда-то старший Пресняков на саксофоне, то знаю.

– Верно, Владимир Пресняков играл его на саксофоне-сопрано. Однако в подлиннике там кларнет, – Кирилл Аркадьевич оживился. – И какой кларнет! Я много раз пытался на трубе сыграть, но на трубе – не то. Там должен быть кларнет, и тот самый гэдээровский оркестр, по-моему, под управлением Александра Вонненберга. А соло играл Бенни Мемпель – запись была потрясающая, и по звуку, и по чувству. Потом это танго не раз играл и наш Валерий Киселев, и тоже неплохо.

– Ну вы, родители, даете! – засмеялся Сергей. – В детство, что ли, впали? Шлягеры столетние припомнили!

– Много ты понимаешь! – обиделась Татьяна Николаевна. – Есть такие танцевальные мелодии и песни, которые живут десятилетиями и не стареют. И «Маленький цветок» – из них.

– Да ладно тебе, мать! Ну, назови!

– Пожалуйста! – Татьяна Николаевна завелась: – «Бесаме мучо» – раз, «Колыбельная» из «Порги и Бесс» Гершвина – два, танго «Кумпарсита» – три... Давай, Кирилл, подсказывай...

Кирилл Аркадьевич сходу принял эстафету:

– «Естэдэй» Пола Маккартни – четыре, а если взять из наших, то марш «Прощание славянки» – пять, не говоря уже об очень многих мелодиях Дунаевского, Блантера и Соловьева-Седого. Пальцев на руках не хватит! Ведь ты все эти сочинения знаешь, – обратился он к Сергею.

– Знаю, конечно.

– А знаешь ли ты их историю? Знаешь ли, что «Бесаме мучо», то есть «Целуй меня крепче», написала шестнадцатилетняя девчонка-мексиканка? Нет? Так знай! Звали ее Консуэло Веласкес, и было это в 1941 году. А в 1944-м Джим Дорси спел эту песню со своим оркестром, и она пошла по миру. Кто ее только не пел – и «Битлз», и хор Рэя Кониффа, и Элвис Пресли, и Луи Армстронг, и Элла Фитцджеральд.

– Ладно, ладно, я сдаюсь! – Сергей шутливо замахал руками.

– Не ладно, а послушай, пока я добрый, – Кирилл Аркадьевич увлекся. – У каждой этой песни есть свои истории и свои загадки. Говорят, в основу своей «Колыбельной Клары» Гершвин положил народную украинскую песню «Ходит сон возле окон», которую услышал в начале 30-х в Нью-Йорке на концерте Украинского национального хора. А у «Кумпарситы», по словам историков, вообще три автора – всех имен не знаю, но помню, что один из них – уругвайский студент, второй – аргентинский пианист, а третий – сам Джузеппе Верди. Отдельные музыковеды утверждают, что в «Кумпарсите» есть кусок из «Трубадура». Я не проверял, но все быть может. Кое-что неясно и с «Прощанием славянки». Написал ее в 1912 году военный трубач Василий Агапкин. И именно он дирижировал знаменитым парадом на Красной площади в 1941-м. Так вот, до сих пор спорят, звучал ли его марш на этом параде, или не звучал, – Кирилл Аркадьевич прервал свой вдохновенный монолог, так как принесли второе: Татьяне Николаевне и Сергею – жареное мясо, а ему – блинчики в сиропе и, чуть позже, кофе. Пока жена и сын с урчанием расправлялись с мясом, он вновь вернулся в мыслях к Олечке Урусовой.

Переживал свою отставку Кирилл тяжело. Собственно, как таковой отставки не было, ибо их с Олей отношения и не начинались. И все равно он мучился ужасно. Воображение рисовало жуткие картины. То он дерется с незнакомым мальчиком и побеждает на глазах у Оли. То, наоборот, проигрывает драку, и Оля, стоя на коленях у бездыханного тела, целует его в лоб, а потом в губы. То он внезапно делает гигантские успехи в волейболе, и Оля наконец-то понимает, что он – лучший. Но самой сладкой была мысль о смерти – конечно, героической, парадной, и сцена похорон с рыдающей Урусовой была ему до невозможности

приятна. Смущало лишь одно – марк-твеновский Том Сойер мечтал о том же, и повторение сюжета как-то не прельщало.

В общем, пройдя все стадии того психического состояния, которое психологи обозначают термином «фрустрация», Кирилл решил, что безответная любовь – его удел вовеки. А раз уж так, то можно смело ринуться в любую авантюру, не очень опасаясь за последствия.

И все же Олечку он помнил много лет. Причем всегда, когда он вспоминал ее, на сердце у него поскребывали кошки. Все прекратилось летом 97-го, когда они с женой и дочкой предприняли поездку на автомобиле в Белоруссию – в места, где он когда-то жил и посмотреть которые – в связи с 50-летием Кирилла – очень захотелось снова.

Варваре уж минуло восемнадцать, и она, забрав у деда новенький «москвич» и получив права, решила, после годика водительского стажа, отправиться вместе с родителями в путешествие. Поездка в целом, правда, не без автомобильных приключений, удалась на славу. Они всё посмотрели: города, в которых жил Кирилл, посетили и могилы близких – папы, мамы, бабушки и дедушки. Сердечно пообщались с Милой Грусман и ее мужем Гришей, с которыми давно уже поддерживали дружескую связь. И даже съездили в неблизкие, но дивные края – на легендарно-сказочное, овеянное чудными преданиями озеро Свитязь; в маленький городок Мир, рядом с которым возрождался из руин роскошный средневековый замок, в сравнении с которым все виденные замки старенькой Европы стали казаться маленькими домиками; а также в город Несвиж, где побывали во дворце и замке Радзивиллов, поразивших их красотой, размахом и величием.

И вот в один то ли прекрасный, то ли печальный миг этой поездки Кирилл Аркадьевич, выходя из магазина, увидел Олю. Узнал ее он сразу – не узнать не мог. Но тут же и опешил: из девочки-мечты, в которую он был влюблен и часто видел в своих снах, Оля превратилась в женщину-развалину, фигура и лицо которой зримо отражали все невзгоды, выпавшие на ее долю. Согбенная, кое-как одетая, с ногами, изуродованными варикозом, она несла две сумки, полные продуктов, из которых нагло выпирали горлышки пивных и водочных бутылок. Оторопев, он не решился подойти, а лишь смотрел ей вслед, отчетливо осознавая: сказка кончилась!

– Эй, папа! Где ты там? Куда уплыл? – Сергей потеребил его за локоть. – Как блинчики? Ты вкус-то их заметил?

– Блины чудесны, как всегда, – Кирилл Аркадьевич очнулся от воспоминаний, – а вот зачем вы приезжали? Пообедать?

– Ну, муженек, не заводись! – Татьяна Николаевна, насытившись, была настроена миролюбиво: – Тебя увидеть, вкусенького привезти. Согласись, немало. Кто ж виноват, что ты графоманил?

Кирилл Аркадьевич, набычившись, собрался было сказать резкость, но не успел. Татьяна Николаевна его опередила:

– Шучу, шучу, не обижайся! Мы же тебя все любим, волнуемся и, может быть, даже гордимся. А ты – в бутылку!

– Хотя бы новый анекдотик привезли, – Кирилл Аркадьевич пошел на мировую. – Кому ни позвонишь – ни у кого нету. Что стало с нами – не пойму! Никто не сочиняет, прям беда.

Сережа рассмеялся:

– Ну, правда, папа, нету анекдотов! Ни одного толкового, к примеру, я про Путина не знаю. Да и других не слышал. Действительно, беда!

Посмеявшись, они рассчитались и не спеша отправились в обратный путь. Посидев еще с полчаса у него в палате, поговорив о том о сем и попрощавшись, жена с сыном уехали, а раздосадованный потерей времени Кирилл Аркадьевич сел к ноутбуку и задумался: «На правильном ли я пути? И интересно ли кому-то будет то, о чем пишу? Не графоманю ли,

на самом деле?» Но, перечитав написанное, он решил не поддаваться неизбежным в таких случаях сомнениям, а следовать намеченному плану.

2

1956/1957 учебный год стал для семьи Лавровских переломным. Но, разумеется, ни папа с мамой, ни Кирилл об этом ничего еще не знали. Все было как обычно: мама – в школе, папа – в клубе, Костик, когда мама находилась на работе, – с тетей Олей. Кирилл же, как и прежде, – ходил в обе школы, пел в хоре и читал запоем. В основном – романы Жюль Верна и рассказы Константина Станюковича.

Скорей всего поэтому он начал бредить морем и без конца, на чем угодно, рисовал парусники – фрегаты, барки, шхуны, бриги, бригантины и иные типы кораблей, упомянутые в прочитанных им книгах. Слова «бушприт», «фок-, грот- и бизань-мачта», «стоячий и бегучий такелаж», все эти «шкоты», «ванты», «кливеры» и «гафели» приводили его в трепет. Герои же «Таинственного острова», и прежде всего Сайрус Смит, а также дети капитана Гранта и сам капитан Немо надолго стали его ближайшими заочными друзьями.

Начавшийся учебный год принес Кириллу также новое занятие – походы в Дом культуры на «взрослые» киносеансы. Именно тогда Кирилл впервые оценил все прелести нынешней работы папы. Он мог ходить – причем бесплатно – на все картины, которые отец и мама разрешали посмотреть. Ну, а поскольку репертуар Дома культуры во многом был зависим от его директора, Кирилл, в отличие от многих своих сверстников, смотрел кино примерно два раза в неделю.

Когда Кирилл Аркадьевич прикинул список фильмов, которые он, учившись в третьем классе, впервые посмотрел в тот памятный учебный год, то очень удивился. И было от чего. В список вошли поистине шедевры кинематографии: «Броненосец Потемкин» и трилогия о Максиме, «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке», «Большая жизнь» и «Член правительства», «Подвиг разведчика» и «Застава в горах», «Звезда» и «Молодая гвардия». Кроме этих чудных фильмов, Кирилл увидел «Истребителей», «Судьбу барабанщика», «Чапаева», «Белеет парус одинокий», «Кортик», «Детей капитана Гранта», «Тимура и его команду», «Остров сокровищ» и многие другие.

Но главное, Кирилл увидел знаменитейшие фильмы Григория Александрова с музыкой Исаака Дунаевского: «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Светлый путь» и «Цирк». Восторгу его не было предела. Часть музыки из этих фильмов он уже слышал от отца, но, право же, увидеть и услышать все самому с экрана было просто счастьем. И с той поры все песни Дунаевского из этих фильмов вошли в его жизнь навеки.

Он без памяти влюбился в Леонида Утесова (Костю) и Любовь Орлову (Анюту) из «Веселых ребят», распевавших «Легко на сердце от песни веселой», «Как много девушек хороших» и «Я вся горю, не пойму от чего». На всю жизнь запомнились и Стрелка-Орлова из «Волги-Волги» с ее «Много песен над Волгой пропето», и смешной Водовоз из того же фильма, убедительно утверждавший, что «...без воды и ни туды, и ни сюды». Но особенно запечатлелся в памяти Кирилла «Марш энтузиастов» из кинофильма «Светлый путь». Музыка, да и слова этого марша – как запева, так и припева – буквально потрясли его:

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься —
Мечта прекрасная, еще не ясная,

Уже зовет тебя вперед.

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века.

Пожалуй, никогда больше в своей жизни он не встречал подобной энергичной песни-марша, состоящей из трех изумительных мелодий, которые бы так поднимали дух человека и вселяли в него гордость за свою страну и причастность к общему делу. «Ей-богу, – в который уже раз подумал про себя Кирилл Аркадьевич, – этот “Марш энтузиастов”, да и весь фильм в целом, стоил сотен тысяч политинформаций в плане патриотического воспитания народа».

Ошеломил Кирилла и «Цирк» – и фильм как таковой, и музыка. Конечно, «Песню о Родине» он знал и раньше, но то, как прозвучало в фильме уже знакомое «Широка страна моя родная», ему очень понравилось. Но особенно ему пришлось по вкусу «Выходной марш», песня «Мэри верит в чудеса», «Лунный вальс» и колыбельная «Сон приходит на порог».

А когда отец повел его на фильмы Владимира Корш-Саблина с музыкой того же Дунаевского – «Моя любовь» и «Искатели счастья», Кирилл в очередной раз чуть не задохнулся от восторга. Песня «Ждать любовь не надо, встретится неожиданно» в исполнении Лидии Смирновой показалась ему до невозможности прекрасной, особенно припев: «Если все не так, если все иначе».

Очень понравилась Кириллу и песня из «Искателей счастья» – «Ой ты, сердце, сердце девичье». Причем не только мелодия самой песни, но и проигрыш – невероятно протяженный, гибкий и очень красивый. Отец уже не раз обращал его внимание на проигрыши в песнях Дунаевского – и в песне «Ой, цветет калина», и в «Осенних листьях», и в «Молчании», и в «Школьном вальсе». И Кирилл начал постепенно понимать, что часто проигрыши, как и памятное облигато, оказываются едва ли не важнее основной мелодии, и нередко являются главным признаком подлинного таланта композитора.

И еще два фильма потрясли Кирилла – «Сердца четырех» и «Свинарка и пастух», точнее, не сами фильмы, показавшиеся ему глупыми, а песни. Изысканная мелодия песни Юрия Левитина «Все стало вокруг голубым и зеленым» не сразу далась Кириллу – во всяком случае, подобрать ее на пианино он долго не мог. А вот «Песню о Москве» Тихона Хренникова он не только сразу подобрал, но и навсегда запомнил:

Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве,
И как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним повстречался в Москве.

«Прошло полвека, а эти песни живы, – в который уже раз задумался Кирилл Аркадьевич, – причем не просто живы в памяти людей постарше, а живы в современной жизни – на экранах телевизоров, в концертах молодежных групп. Меняются аранжировки, манеры исполнения, а песни-то – мелодии, да и их слова – живут и не стареют. В чем же секрет? В том, что нет новых песен, или в том, что песни тех, советских, лет вобрали в себя что-

то важное, присущее всему народу, и отразили подлинную жизнь людей, во все века включавшую в себя не только будни и трагедии, но и печаль, и радость, причем радость общую, доступную для всех? Так почему же ничего не получается сегодня? Нет общей радости? Да, что-то здесь не так. Чего-то в этом деле мы не понимаем», – подвел черту Кирилл Аркадьевич своим раздумьям и вновь вернулся в свое детство.

В последний год Кирилл заметно вырос и как-то вдруг стал самым рослым в классе. Однако быстрый рост сказался и на голосе. Он стал ломаться, по-научному – мутировать. И это принесло Кириллу массу огорчений – уж очень нравилось ему петь соло в хоре. Однако последние две песни, в которых он солировал – «Эх, дороги» Анатолия Новикова и «Скворцы прилетели» Исаака Дунаевского – Кириллу спеть уже не удалось. Вместо чистого дисканта он стал петь странным голосом, который неожиданно, без видимых причин, давал вдруг «петуха» или, того хуже, басил. Пришлось оставить хор – что называется, против природы не пойдешь! Погоревав немного и чуть-чуть поплавав, Кирилл решил, что пение – не его стезя. Он станет больше уделять внимания фортепиано, а песни в хоре пусть поют другие.

С игрой на фортепиано складывалось все как нельзя лучше. Он с удовольствием играл этюды, сонатины, пьесы, и его учительница – Вера Кузьминична – была довольна. Из композиторов ему особо полюбился Петр Ильич Чайковский. Переиграв почти все пьесы из его «Детского альбома», Кирилл начал посматривать на «Времена года». И дома с удовольствием стал разбираться и с «Осенней песней», и с «Баркаролой», и со «Святками». А еще он полюбил играть по нотам «Вальсы» Штрауса, подаренные ему папой ко дню рождения.

Казалось, все в их жизни шло как надо, и ничего не предвещало скорых перемен. Однако где-то поздней осенью Кирилл стал замечать неладное. Отец стал скучным, перестал смеяться, и по вечерам о чем-то долго совещался с мамой. Как Кирилл понял по обрывкам разговоров, у папы на работе что-то приключилось. А вскоре, поприсутствовав при разговоре мамы с кем-то из ее приятельниц, узнал, что папа, не терпевший пьянства, уволил двух пропойц в Доме культуры. Те стали жаловаться, писать во все инстанции, виня директора во всех смертных грехах. В ответ, как водится, пришла комиссия, проверила работу папы и, поддержав его решение об увольнении пьяниц, в то же время выставила ряд претензий.

Сводились они, в общем, к следующему: по мнению членов комиссии, папа излишне увлекался праздниками в ущерб партийной пропаганде и политпросвету. Проанализировав программы всех концертов и репертуар кино, комиссия отметила излишний крен в сторону музыки и развлечений, ненадлежащий уровень наглядной агитации и, разумеется, потребовала неукоснительного исправления ошибок. В ответ же на вопрос отца о судьбе его писем с просьбами приобрести комплекты музыкальных инструментов для оркестров и костюмы хору члены комиссии дали понять, что денег нет и нужно обходиться малым. В других Домах культуры, как они сказали, нет и этого.

Понятно, папу это не обрадовало. А главное, он понял: с этими людьми каши не сварить. У них свои понятия о том, как руководить культурой, а у него – свои. Необходимо было думать, что делать дальше и как жить.

Мама считала – все обойдется, надо потерпеть. Ее поддерживали и друзья – и тетя Женя с Инной Станиславовной, и Мирон Михайлович. Но вот его жена, Мария Моисеевна – женщина практичная, – утверждала: ничего не обойдется, надо уходить, конечно, предварительно найдя работу. Но где ее найти? К тому же, перед ее собственным мужем маячила такая же проблема – Мирон Михайлович со дня на день ждал отставки и мучительно подыскивал себе работу.

Но папа колебался. То ему казалось, что можно все наладить и найти взаимопонимание с вышестоящими инстанциями, то, наоборот, приходил к мысли, что дело –дохлое, и все чиновники во все века и во всех странах думают лишь только о себе. Да и его знакомые в

горисполкоме, курирующие культуру, с которыми он совсем недавно строил планы, узнав про неприятности, ушли в кусты.

И тут, под самый Новый год, словно нарочно, в кинопрокат пришла новая лента – «Карнавальная ночь» молодого Эльдара Рязанова. Что стало с папой, когда он посмотрел эту картину! Он просто весь светился, восхищенно говоря, что лучше фильма – и по режиссуре, и по музыке, и по игре актеров – никогда не видел. Потом они смотрели фильм все вместе, затем еще раз, и еще. И впрямь, тогда фильм показался сказочным. Кирилл Аркадьевич четко помнил, в чем состояла суть горячих споров между родителями и их друзьями после просмотра «Карнавальной ночи»: возможно ли такое в жизни, или Рязанов просто выдал всем желаемое за действительное?

Папа убежденно говорил, что воплощенный режиссерский замысел по-своему коварен: все зрители подумают, что плохо лишь у них, а где-то там все выглядит и происходит так, как в фильме. На что ему серьезно возражали, что если постараться, то в каждом городе можно устроить что-либо подобное. На это папа лишь смеялся, говоря в ответ, что Эдди Рознер, к сожалению, лишь один, и в каждом городке он побывать не сможет. При чем здесь Эдди Рознер – удивленно спрашивали папу. Но он только отмахивался, опасаясь, что его, вдобавок ко всему, еще и обвинят в зловредной пропаганде.

Кириллу же он рассказал, что, несмотря на то, что в титрах «Карнавальной ночи» Рознер не был обозначен, снимался в фильме точно он со всем своим оркестром. Как оказалось, папа в свое время побывал на двух концертах этого оркестра в Минске, и, хотя об Эдди Рознере он знает мало, но, судя по тому, что слышал, считает его лучшим трубачом Союза, а его оркестр – лучшим джаз-бэндом страны, превосходящим даже такие выдающиеся коллективы, как джаз-оркестры Цфасмана, Утесова и Кнушевицкого.

Вдобавок папа, по секрету, рассказал, что Эдди Рознер был осужден за то, что после окончания войны хотел уехать за границу. Но даже в лагере этот гениальный музыкант сумел создать приличный джаз-оркестр. Сказал папа и о том, что все пластинки Рознера после суда были запрещены, а записи на радио почти все уничтожены. Но у него в Доме культуры нашлась одна пластинка – «Прощай, любовь», записанная в 1946 году Государственным джаз-оркестром Белорусской ССР под управлением Эдди Игнатьевича Рознера. И он, конечно, даст ему ее по слушать, но при условии, что Кирилл будет держать свой язык за зубами. Кирилл поклялся и сдержал слово – никому и никогда он не рассказывал о том, что слушал эту старую пластинку. Конечно же, искусство Рознера и мастерство оркестра привели его в восторг. Ну, а когда папа рассказал, что Рознер был сначала скрипачом, окончившим Берлинскую консерваторию по двум классам – скрипки и трубы, и более того, умеет играть на двух трубах сразу, интерес к трубе у Кирилла лишь усилился. Он даже втайне стал мечтать о том, что как-нибудь попробует взять этот инструмент и в свои руки.

Восхищение же отца Рознером было настолько сильным, что он всерьез подозревал: музыку к «Карнавальной ночи» написал именно он, а вовсе не какой-то неизвестный Лепин. Однако, много позже, Кирилл понял, что папа ошибался. Узнав, что Анатолий Лепин – латыш по фамилии Лиепиньш, – автор таких песен, как «Для нее любовь – забава, для меня – страдание», «Если б гармошка умела все говорить не тая» и, особенно, песни «Добрый вечер! А что это значит?», Кирилл поверил, что Лепин вполне мог написать и те неумирающие песни из «Карнавальной ночи»: «Песенку о хорошем настроении» («Если вы, нахмуришься, выйдете из дома»), «Песенку про пять минут» («Я вам песенку спою про пять минут») и песню «Таня-Танечка» («Ах, Таня, Таня, Танечка, с ней случай был такой»).

Но, так или иначе, фильм Рязанова сыграл в судьбе отца едва ли не решающую роль. После мучительных раздумий он пришел к выводу, что никогда и ни за что в его Доме культуры не сможет состояться что-то, хоть капельку похожее на праздник в «Карнавальной ночи». А раз так, то и не стоит упираться.

Возможно, папа смалодушничал, но, так или иначе, он решил бросить «культуру» и поискать себя на другом поприще.

3

А где-то вскоре после конца зимних каникул произошло событие, внезапно отодвинувшее от Кирилла все проблемы.

В тот день, идя домой из школы, Кирилл увидел рыжую собаку – крупную, лохматую дворнягу с симпатичной мордой. Она сидела на снегу возле забора и жалобно смотрела на прохожих. Подойдя, Кирилл присел, протянул к ней руку в варежке и пробормотал:

– Хорошая, хорошая! – и робко попытался погладить ее холку. Собака же, к его большому удивлению, не воспротивилась. – Красивая, очень красивая! И, наверное, голодная. Ты голодная, да? – спросил он собаку, и та в ответ потерлась мордой о рукав его пальто.

Кирилл от неожиданности даже подпрыгнул. На собаке не было ошейника, а значит, могло статься, что у нее не было хозяина. Но и на бездомную она не очень походила – шерсть чистая, не свалянная; морда приветливая, а глаза грустные, без характерного для всех бродячих псов хищного блеска.

Кириллу даже стало жарко. «Неужели я смогу забрать ее домой? – подумал он с восторгом, и тут же загрустил: – Что скажет мама? И где собака будет жить? – Кирилл задумался. – Домой, конечно же, не пустят. А может быть, в сарае?»

Желание иметь свою собаку было столь давним и столь сильным, что у Кирилла свело челюсть от одной лишь мысли: его заветная мечта сегодня чудом может сбыться.

– Пойдем со мной, – просительно сказал он, – пойдем, пойдем!

И она пошла! Тихонько затрусила, исподволь поглядывая на него и как бы спрашивая: «Ты правда не обидишь? И накормишь?»

Так они и шли – Кирилл, танцующий от нетерпения: «Что скажет мама?», и собака, ожидавшая невесть чего – то ли пинка, то ли обеда.

Путь был недалек, и они вскоре подошли к крыльцу их дома.

– Мам! – закричал Кирилл, врываясь в кухню. – Я пришел с собакой. Она такая чудная! Сразу же пошла за мной. Она голодная. Давай ее покормим!

Выйдя вслед за сыном на крыльцо, мама увидела действительно забавную картину: смиренно сидевшая дворняга вдруг подняла лапу и, словно прося чего-то, тихонечко произнесла: «Тяв!» Мама умильно засмеялась и сказала:

– Конечно же, покормим. Сейчас соображу.

Вернувшись с миской, полной каши с мясом, мама отдала ее Кириллу, и тот поставил миску перед Рыжей – так он про себя уже назвал собаку. Та, взвизгнув, окунула в кашу нос и, не отрываясь, мигом съела все и вылизала миску. А потом опять уселась, облизнулась и покорно стала ждать решения своей судьбы.

– Мама, мы ее не бросим? Ведь зима стоит! Замерзнет! – просительно заглядывая в глаза маме, заныл Кирилл: – Давай я попрошу пани Волчкову. Может, позволит разместить ее в сарае? Можно, мама?

– Ну хорошо. С Волчковой я сама поговорю. В сарае места хватит. Но в дом – даже не думай! И быстро руки мыть! Собака вроде не блохастая, но все равно микробов на ней – тьма. И не сходи с ума. Скорей всего, у нее есть хозяин. Отсутствие ошейника еще ничего не значит. Пусть поживет пока, а там посмотрим.

Так судьба Рыжей была решена. Пани Волчкова разрешила, и даже выдала рогожку для подстилки. Невероятно умная собака все поняла, и отведенное ей место приняла с доверием. Понравилась она и папе. Вместе с Кириллом и соседскими мальчишками он часто с ней играл: кидал ей палочки, а та их приносила; подбрасывал печенье и очистки сыра, и Рыжая, хватая на лету, смешно подтягивала, а потом лизала руки.

Кирилл от счастья просто помешался: он думал о собаке непрестанно – и на уроках, и за пианино, и над книжкой. Как она там? Не сбежала? Не замерзла? Голодна ли? Рыжая вдруг стала для него всем-всем – и другом, и ребенком. Чуть ли не сестричкой.

Мама и посмеивалась, и сердилась:

– Ну нельзя же так, Кирилл! Собака есть собака. Ведь не человек!

Но он никак не мог уговориться и чувствовал себя счастливей всех на свете. Сбылась его мечта, и у него теперь была своя собака. Да, не овчарка. Не дедушкин Джульбарс и не Ингус – рассказы Евгения Рябчикова о дальневосточном пограничнике Никите Карацупе и его собаке Ингусе – помеси овчарки и волка, сумевшем задержать 467 нарушителей границы, Кирилл знал чуть ли не наизусть. Но Рыжая была не хуже. Красивая дворняга с отвислыми ушами и хвостом, похожим на хвост сеттера, отъевшись, залоснилась и приобрела предельно горделивую осанку.

Приветливо повизгивая, она вместе с Кириллом шла утром в школу, затем самостоятельно гуляла и возвращалась в свой сарай. Потом же громким лаем встречала его у калитки и смирно ожидала, когда он, пообедав, выйдет и побежит с ней на прогулку. Все школьные друзья Кирилла тоже обожали Рыжую, и она платила им поистине собачьей преданностью.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Недели через три, придя из школы, Кирилл увидел, что собаки нет. Он бросился искать ее повсюду – в сарае, в доме, у соседей. Однако же ни кто не видел Рыжую и не знал, куда она девалась. Кирилл обегал всю округу, звал Рыжую до хрипоты, но не нашел и, весь в слезах, вернулся в дом. Проплакав целый вечер и не слушая увещаний мамы с папой, он до глубокой ночи выбегал во двор, прислушивался: не пришла ли? Но нет, собаки не было нигде. Укладываясь спать, Кирилл решил, что нужно подождать: быть может, Рыжая вернется завтра.

Но ни назавтра, ни через день, ни через неделю любимая собака не вернулась. Горю Кирилла не было конца – он тихо плакал и все спрашивал у мамы:

– Ну почему она ушла? Ей было плохо? А может быть, ее украли?

– Кирилл, ты уже взрослый, – отвечала мама, – должен понимать, что Рыжая, вообще-то, не твоя собака. Ты ее нашел случайно. У нее, наверное, есть хозяин, и она к нему вернулась. Погуляла и вернулась.

– Да нет у нее никакого хозяина, – всхлипывая, отвечал Кирилл, – если бы он был, то искал бы ее. А ее никто не искал. Просто Рыжая ушла от нас. Или ее украли.

– Успокойся, пожалуйста, – начинала сердиться мама, – никто ее не украл. Может быть, так же увели, как ты ее увел. Позвали – и она пошла. И хватит нюни распускать – не маленький.

Но успокоиться Кирилл не мог. Рыжая стояла перед его глазами, как живая, снилась по ночам, и всякий раз, когда он вспоминал ее, слезы лились из его глаз ручьем. Друзья сочувствовали, утешали, но ничего поделать не могли. Рыжая как в воду канула.

И неизвестно, сколько продолжались бы мучения Кирилла, если бы не письмо от дедушки, в котором он печально сообщал, что Джульбарс умер. В последний год он чувствовал себя все хуже, а накануне новогодних праздников занемог совсем. Приехали ветеринары и сказали: нужно усыплять.

К большому удивлению мамы с папой, горестная весть о кончине Джульбарса заставила Кирилла успокоиться. Он перестал метаться, и мысль о Рыжей уже не приносила ему острой боли. Кирилл и раньше вспоминал Джульбарса, и уж никак не мог забыть, как они сидели на пороге дедушкиного дома; как тот шумно дышал, вытянув длинный язык; как настороженно прислушивался к вечерним шорохам в саду, прядя, как лошадь, островерхими ушами.

Кирилл Аркадьевич, вспомнив те события, вдруг вновь, как в детстве, ощутил такую смертную тоску, что даже испугался – как бы не накликать приступ. Сердце защемило, но –

слава богу – совсем не так, как при стенокардии, и он успокоился. Однако память, разогнавшись, уже не могла остановиться, и Кирилл Аркадьевич невольно стал вспоминать тех двух своих любимейших собак, которых он завел гораздо позже.

Мечта о собственной собаке никогда не покидала Кирилла. Но реализовать эту мечту они с женой смогли только семь лет спустя после женитьбы. Сережке было почти шесть, с работой тоже, в принципе, устроилось – Кирилл работал в Управлении культуры, Татьяна – завучем в одной из музыкальных школ. К тому же мама Тани – то есть теща, к большому удивлению Кирилла, была не против: когда-то у нее в семье были собаки – шпиц и овчарка, – и она эту идею поддержала. Осталось лишь решить, щенка какой породы брать и где.

Кирилл, как уже было сказано, всегда мечтал лишь об овчарке. И несмотря на то, что ему нравились восточно-европейские овчарки – к этой породе принадлежал и дедушкин Джульбарс, он, поразмыслив и наведя справки, все же решил приобрести щенка – и непременно девочку, чтобы не убегала, – немецкой овчарки. Жена была того же мнения, но тут, как водится, вмешался случай. Соседка по дому – заядлая собачница, владелица чудесного боксера, встретив во дворе Татьяну, с восторгом поделилась новостью: в клубе рассказали, что ощенилась сука сенбернара – одна из лучших в городе, с роскошной родословной, а щенки – так просто чудо, и если Таня хочет, то можно позвонить хозяйке – номер телефона она спросит в клубе.

Придя домой, Татьяна поделилась новостью, и вскоре фантастическая мысль о сенбернаре овладела всеми домочадцами. Взяв у соседки телефон хозяев мамы-сенбернара, Кирилл без промедления позвонил. Ему ответил чуть грубый, красивый женский голос, без всякого сомнения принадлежащий интеллигентной ленинградке средних лет, исполненной достоинства и самоуважения. Так все и оказалось. Наталия Борисовна Рождественская – профессор математики в университете – подтвердила, что щенки еще не проданы, но отдадут их только людям добрым и не бедным, так как уход за сенбернаром очень сложен и требует немалых средств. Подробно расспросив Кирилла о его семье, квартире, даче и выразив сомнение в том, что сенбернара можно вырастить без собственной машины, Наталия Борисовна сказала, что прежде чем отдать щенка, они вместе с супругом хотели бы увидеть все воочию – и будущих владельцев, и квартиру.

В условленное время Наталия Борисовна и ее муж – Всеволод Алексеевич Замков, профессор физики в мединституте – пришли к ним в гости и, осмотрев достаточно просторную квартиру, сказали милостиво «да». По-видимому, положительную роль в этом решении сыграла и профессия хозяев – и Таня, и Кирилл, и мама Тани были музыкантами, а сын Наталии Борисовны – Митя Рождественский – учился в Институте Гнесиных в Москве и собирался переехать в Ленинград и перейти в нашу консерваторию. Нужды нет говорить, как эта пара удивительных, красивых, образованных и в высшей степени интеллигентнейших людей понравилась и Тане, и Кириллу.

Впоследствии они поближе познакомились и подружились. Наталия Рождественская была радушной хозяйкой, а Всеволод Замков – невероятным, изумительным рассказчиком. Сын знаменитого кремлевского врача Алексея Замкова и выдающегося скульптора Веры Мухиной, автора граненого стакана и известнейшей скульптуры «Рабочий и колхозница», он очень много знал, да и повидал за свою жизнь немало.

Кирилл с женой не раз бывали в их изумительной квартире в доме на Мойке, рядом с домом Пушкина. А Митя, переехав из Москвы, нередко приходил к Кириллу и Татьяне в гости. Кирилл, по мере сил, давал советы Мите, пытаясь оградить его от необдуманных поступков. Но тот, не слушая резонов, упрямо шел к своей заветной цели – телевизионной музыкальной режиссуре, идущей рука об руку с политикой. И очень многого добился – и в творчестве, и в менеджменте: во всяком случае именно он, Дмитрий Рождественский, стал основателем «Русского видео».

К несчастью, рок или судьба немилосердно обошлись с ним: порядочность в политике сыграла с Митей злую шутку – практически невинный, он отсидел в тюрьме немалый срок, а выйдя, полностью оправданным, скоропостижно умер. А через малый срок скончался и Замков. Откуда у Наталии Борисовны, оставшейся одной, взялись и мужество, и силы продолжать работу – неизвестно. Известно лишь одно: она по-прежнему преподает и помогает внукам; по-прежнему красива, элегантна, величава; как прежде, несмотря на хвори, путешествует по миру и никому не жалуется на судьбу.

«Ох, надо позвонить, а то давно не виделись! – задумался Кирилл Аркадьевич и усмехнулся: – А что скажу? Похвастаюсь вторым инфарктом? Да, дела!» И вновь вернулся мысленно в тот памятный 75-й.

Прежде чем передать щенка – единственную девочку в помете, Наталия Борисовна и Всеволод Алексеевич прочли будущим хозяевам целую лекцию о сенбернарах: об особенностях этой редкой породы, о специфике ухода за щенками и взрослыми особями, о том, как и чем кормить, как гулять и что делать, если собака почувствует себя плохо.

Главное, что запомнил Кирилл, так это то, что породу вывели монахи из монастыря Сен-Бернардин, расположенного на одном из горных перевалов Швейцарии. Использовались эти собаки в основном для поиска и спасения людей, попавших под снежные лавины, – обладавшие прекрасным обонянием, огромные, размером с теленка, сенбернары чуяли людей на глубине нескольких метров, раскапывали снег и ложились рядом с человеком, согревая его своим телом, температура которого превышала сорок градусов. Нередко под шеей собаки привязывали бочонок с вином, с помощью которого попавший в лавину бедолага мог прийти в себя.

Кормили сенбернардов крайне просто: бросали на снег коровью тушу и более ничем не заморачивались – под воздействием яркого альпийского солнца говядина в организме этих собак превращалась в источник всех необходимых витаминов, прежде всего кальция, который и оберегал хрупкие трубчатые кости собак от разрушения. По сути дела, в недостатке кальция и состояла основная проблема существования сенбернардов в нашем суровом, лишенном солнца климате.

Но в те молодые годы Кирилл с Татьяной не придали всему этому особого значения – желание иметь удивительную, потрясающую по красоте и дружелюбную собаку перевешивало все аргументы против: и то, что сенбернары крайне редко выживают в городских условиях, и то, что их полноценное питание обычным людям далеко не по карману. Конечно, это был снобизм чистой воды, но так хотелось завести большого и красивого четвероногого друга! К тому же все в один голос утверждали, что сенбернары исключительно приветливы и бесконечно преданы маленьким детям. Как говорили знающие люди, единственный в стране злой сенбернар жил в доме замечательного детского поэта Самуила Яковлевича Маршака. Но исключения, как известно, лишь подтверждают правила, и об отказе от мечты не могло идти и речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.